

ОХОТМА

и охотничье хозяйство

7

1983

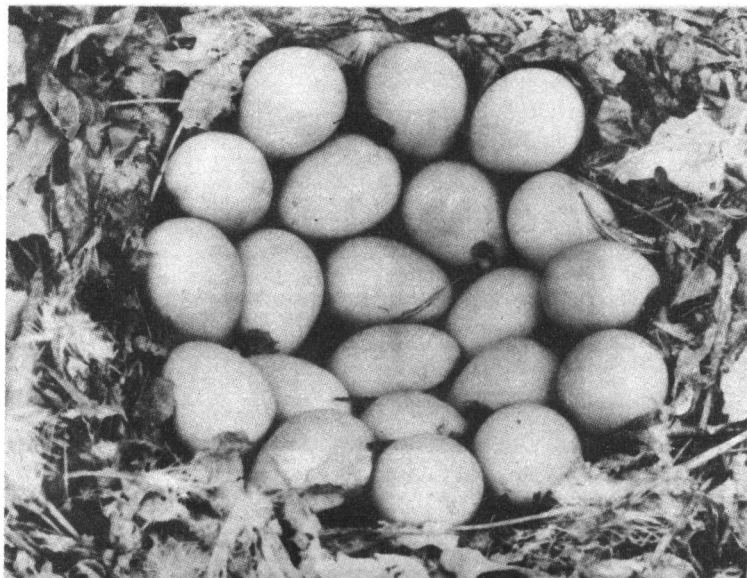
Косуленок.

Фазанка у гнезда.

Серая куропатка на гнезде.

В гнезде серой куропатки.

На первой странице обложки:

Бурундук. Представитель семейства беличьих [белки, бурундуки, сурки, суслики]. Обитает в тайге Дальнего Востока, Сибири, Северо-Востока Европейской части СССР. На зиму впадает в спячку.

Фото П. РОМАНОВА

Фото Б. НЕЧАЕВА

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В КОЛХОЗЕ

«Мы должны рассматривать сельское хозяйство как огромный постоянно действующий механизм охраны, культивирования живых природных богатств. И природа воздаст нам стоицею».

Материалы XXV съезда КПСС

Охотничьи угодьями в нашей стране считаются все земельные, лесные и водопокрытые площади, которые служат местами обитания диких животных и могут быть использованы для ведения охотничьего хозяйства. Они закреплены (помимо государственного резервного фонда) за различными государственными, кооперативными и общественными организациями в целях создания охотничьих хозяйств различного направления. Сейчас в стране насчитывается почти восемь тысяч спортивных и промысловых хозяйств. Основное условие этого закрепления — выполнение мероприятий по охране охотничьих животных и их воспроизводству.

В число пользователей охотничьих угодий в Российской Федерации входят совхозы и колхозы, расположенные в районах Севера, которые ведут промысловое охотничье хозяйство. Других примеров закрепления охотничьих угодий за сельскохозяйственными предприятиями до последнего времени не было.

В 1975 г. за колхозом «Ленинская Искра» Чувашской АССР по его инициативе и при содействии Совета Министров республики были закреплены угодья из состава государственного резервного фонда для ведения охотничьего хозяйства. Но не только этот, сам по себе интересный факт, привлекает наше внимание к этому колхозу. Хозяйство успешно решает задачи повышения эффективности земли, ее рационального использования, комплексного ведения хозяйства и охраны природы при условии увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Колхоз «Ленинская Искра» расположен в северо-западной части Чувашии (Ядринский район) и имеет в настоящее время 5705 га сельскохозяйственных угодий, в составе которых 4695 га пахотных земель.

В восьмой пятилетке это было одно из самых отстающих в районе не крупных хозяйств. В числе основных причин отсталости — чрезвычайно низкое качество земли: вся территория колхоза была покрыта сетью глубоких оврагов и балок, активно наступающих на пашню. Овраги занимали около 1/5 обрабатываемой площади, их общая протяженность составляла 85 км. В этом хозяйстве самыми низкими в районе были показатели производства сельскохозяйственной продукции и оплаты труда. Средняя урожайность зерновых составляла 7,7 центнеров с гектара, надой молока на одну фуражную корову не превышали 890 кг, на трудодень выплачивалось 0,83 руб.

Нужно отметить, что по характеру и масштабам подверженности водной эрозии Чувашской АССР относится к наиболее эродированному району европейской части страны, овраги занимают 10% площади сельскохозяйственных угодий этой республики.

Бедными были и охотничьи угодья.

После выхода в свет постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1967 г. «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии» в колхозе разработали и начали осуществлять комплексную программу, представляющую собой систему мелиоративных, гидротехнических, агротехнических и природоохранных мероприятий.

Уже в 1968 г. изменили приемы агротехники, создали почвозащитный севооборот, провели облесение и залужение оврагов, прекратили в них выпас общественного и личного скота. Эти работы послужили основой целенаправленного преобразования земель колхоза.

Особо значительные изменения качества среды произошли в результате преобразования оврагов и балок: густая древесно-кустарниковая растительность (к 1979 г. посадки были созданы на площади 160 га), засеянные многолетними травами склоны, система прудов, созданная в оврагах, с общей площадью зеркала 91 га, прекращение пастбы скота, восстановление и благоустройство родников — все это за несколько лет преобразило угодья колхоза. Безжизненные прежде «раны земли», как образно называют овраги, превращены в своеобразные оазисы, украшающие ландшафт.

«Под охраной природы», — указывал известный эколог Ч. Элтон (1960), — нужно понимать сохранение или придание ландшафту максимального экологи-

ческого многообразия — во всем мире, на каждом материке или острове и, насколько это возможно, в каждой местности».

Появление древесно-кустарниковых насаждений с включением плодово-ягодных пород и водоемов вызвали изменения микроклимата: стал чище воздух, повысилась его влажность, в прудах появилась водная растительность. Прилетели утки, кулики, в полях можно увидеть серых куропаток, стала возрастать численность зайцев. В лесопосадках загнездились певчие птицы, чему способствовало и массовое устройство искусственных гнездовий, производимое силами школьников.

Все эти работы потребовали соответствующих значительных вложений: ежегодно на противоэрозионные мероприятия колхоз за эти годы затрачивал 40—50 тыс. руб. Была введена должность агронома по охране природы.

Принятые меры позволили предотвратить смыл почвы, приостановить процесс оврагообразования, улучшить водный режим, повысить плодородие почв. Овраги стали давать обильные урожаи многолетних трав. Если в среднем в Чувашии выход урожая с площадей, занятых оврагами, балками, склонами, составляет 7—8 кормовых единиц с гектара, то в этом колхозе теперь получают в 10 раз больше.

Расширение площади посевов многолетних трав (клевер, люцерна) разрешило сразу несколько проблем. Эти посевы оказали противоэрозионное действие, повысили плодородие почв, помогли создать стабильную кормовую базу для животноводства, дали возможность заняться пчеловодством. Увеличилось поголовье диких животных — пернатых хищников, лисиц, певчих птиц, летучих мышей, осуществляющих биологический контроль численности мышевидных грызунов и вредных насекомых. Осуществлялись мероприятия по активной охране местобитаний насекомых-опылителей и энтомофагов, устройству для них искусственных убежищ и гнезд, интродукция новых видов насекомых. Было создано девять энтомологических резерватов-микрорезерватиков, где не допускается использование ядохимикатов и минеральных удобрений.

В результате проведения всех указанных мер стало возможно получение высоких и устойчивых урожаев на всей посевной площади без применения ядохимикатов; была развернута пропаганда запрета их применения и в личных хозяйствах колхозников.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

охота

и охотничье хозяйство · 7 · 1983

Ежемесячный научно-производственный журнал
Министерства сельского хозяйства СССР
Основан в 1955 г.
Москва. Издательство «Колос».

Место подкормки куропаток и зайцев.

Искусственное гнездовье для насекомых на люцерне.

Несмотря на укрупнение в 1972 и 1973 гг. (присоединение соседних мелких отстающих хозяйств) уже в девятой пятилетке рост производительности труда составил 134%, валовой доход — 154%, производство зерна — 101,6%, картофеля 110,3%, оплата трудодня 5 руб. 29 коп., то есть увеличилась более чем в шесть раз. В десятой пятилетке средний урожай зерновых составил 28,5 центнера с гектара, колхоз занял заслуженное первое место в районе, вошел в первую десятку лучших хозяйств Чувашии.

В 1981 г. засушливом для республики, в колхозе было получено 650 тыс. руб. прибыли. Подсчитано, что около 63% этой прибыли дали природоохранные мероприятия.

В 1975 г. был заключен договор с госохотинспекцией о закреплении за колхозом угодий сроком на 10 лет. Организовали приписное охотничье хозяйство общей площадью 7,4 тыс. га. В штат колхоза звели должности охотоведа, егерей, охотсторожа.

В задачи этого колхозного охотничьего хозяйства входят: создание лучших условий для сохранения и повышения продуктивности диких животных, в том числе охотничьих, комплексное ведение охотничьего хозяйства в условиях интенсивного сельскохозяйственного производства, сохранение, обогащение, оздоровление ландшафта. На территории

охотничьего хозяйства запрещены рубки (кроме рубок ухода и санитарных), выпас скота, сбор ягод и грибов, ограничена рыбная ловля.

Начиная с 1975 г. на территории колхозного охотничьего хозяйства проводится комплекс охотхозяйственных и биотехнических мероприятий, направленных на сохранение, воспроизводство и рациональное использование диких животных.

В хозяйство завезли новые виды животных: европейских оленей, кабанов, сурков, бобров. Ежегодно на ведение биотехнических и охотхозяйственных мероприятий затрачивается 12—18 тыс. руб.

Улучшение экологического качества угодий, усиление их охраны, забота о диких животных способствовали росту их численности. Это позволило коллективу охотников проводить рациональную охоту. В основном охота ведется на кабана и лося. Продукцию реализуют через колхозную столовую: только в 1981 г. реализовано до 900 кг мяса дичи.

Несмотря на значительные успехи, большую помощь, оказываемую госохотинспекцией, охотничье хозяйство колхоза по темпам развития пока еще отстает от основных отраслей. Это объясняется непродолжительностью его существования, ограниченной площадью, недостаточным объемом биотехнических работ и другими причинами. Не налажен учет численности диких животных, имеются и другие недостатки. Однако они не снижают общего благоприятного впечатления об этом первом в стране опыте комплексного ведения сельского и охотничьего хозяйства.

Природоохранительная и охотхозяйственная деятельность осуществляется при высоких экономических показателях по зерновому хозяйству, кормопроизводству, животноводству. В настоящее время колхоз «Ленинская Искра» — крупное многоотраслевое хозяйство с прочной экономикой, опорно-показательное хозяйство по борьбе с водной эрозией, очаг пропаганды внедрения комплексных противоэрозионных мероприятий в условиях Нечерноземной зоны.

Можно указать еще на один очень важный результат: массовое участие трудящихся в природоохранных мероприятиях привело к изменению психологии людей, занятых непосредственной эксплуатацией природных ресурсов, способствовало

повышению их экологического образования. Сказанное подтверждает пример, приводимый инициатором и непосредственным руководителем этой деятельности председателем колхоза А. П. Айдаком: «Лет двенадцать назад наши механизаторы, работая на отдаленном поле, ради забавы убили барсука. Сейчас механизаторы, обнаружив в поле куропатку с выводком или гнездо луня, оставляют нескошенным этот участок» («Советская Россия», 17 августа 1982 г.).

Проводимые в колхозе мероприятия необходимы прежде всего для решения целого комплекса природоохранных и социальных задач, для воспитания у колхозников, особенно у молодежи, любви к родной земле, к родной природе.

У чувашских крестьян в старину был хороший обычай: по окончании жатвы обязательно оставлять «последний сноп перепелке» — то есть оставлять небраным, «на корню», некоторое количество посевов. Показательно, что этот древний биотехнический прием возрождается на современной чувашской земле, когда забота о дикой фауне в условиях современного интенсивного сельскохозяйственного производства приобретает такое важное значение.

В Конституции Чувашской АССР сказано: «В интересах настоящего и будущих поколений в Чувашской АССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей среды». В колхозе «Ленинская Искра» неуклонно соблюдают основной закон своей республики. Опыт колхоза имеет важное значение в деле рационального, комплексного использования сельскохозяйственных угодий Нечерноземной зоны. Поэтому он, несомненно, заслуживает одобрения и поддержки. Комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов РСФСР одобрила этот опыт.

И. ЛЬВОВ,
заведующий отделом биотехники
ЦНИЛ Главохоты РСФСР,
кандидат биологических наук
Фото автора

ОХОТХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БИОТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ В ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ КОЛХОЗА «ЛЕНИНСКАЯ ИСКРА» ЧУВАШСКОЙ АССР В 1976—1978 гг.

Наименование работ	
Устройство биотехнических сооружений, шт.: подкормочных площадок и кормушек для кабанов	45
кормушек для оленей	13
навесов для серых куропаток	16
солонцов	21
галечников и порхаиш	11
Зелотонка кормов для подкормки диких животных, ц:	
сена	24,5
кормоплодов	19
желудей	31
зерноотходов	23,7
Площади под кормовыми посевами, га: тонинамбур, зерновые	3,3
оставлено зерновых «на корню» для подкормки	2,5

ЗАБОТЫ ШИКАХОХСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Н. ЗАБЕЛИНА

НИИ охраны природы и заповедного дела МСХ СССР,
кандидат географических наук

Армения не богата лесами. И это леса особые — горные, леса склонов, растущие на тонком слое почвы, при малейшем нарушении теряющие вместе с почвой способность к возобновлению. Вот почему в 1978 г. в лесах Армении прекращены рубки главного пользования.

Леса Зангезурия — южный форпост сухих субтропических лиственных лесов, которые сформировались благодаря удачному сочетанию орографических и климатических факторов, обеспечивающих достаточное количество тепла и влаги для их произрастания. Крутые, иногда почти отвесные склоны создали естественную преграду для активного уничтожения леса в прошлом и настоящем: Рубить и главное — вывозить лес — здесь трудно и дорого. Привычные слова «защитное значение леса» имеют в этих местах особый смысл. Лес — мощный собиратель влаги — поддерживает питание рек, ручьев и родников в течение круглого года. Обезлесенные, крутые склоны быстро теряют почву, обнажая горную породу; атмосферные осадки свободно стекают, создавая угрозу селей и наводнений.

Заместитель директора института ботаники Академии наук Армянской ССР П. Хуршудян, отвечая на вопрос: «Что в Армении достойно особой охраны?» — говорит: «Лес охранять особенно необходимо. Но если выбирать, то более всего нуждается в охране платановая роща в ущелье реки Цав».

Здесь и начинаются парадоксы. Вот первый. В 1975 г. для охраны платановой рощи и прилегающих горных лесов юга республики создан заповедник, названный по близлежащему селу — Шикахохский. В положении об этом заповеднике записано, что он представляет собой типичный горный ландшафт юго-восточной Армении, «куда входит и уникальная платановая роща в ущелье реки Цав». Но уникальная платановая роща, ради охраны которой семь лет назад был создан заповедник, до сих пор практически не входит в его состав. Здесь находятся совхозные земли села Цав, на которых ведется строительство, выращиваются огородно-бахчевые культуры, выпасается скот. Долина не принадлежит заповеднику и разделяет его на две части.

Роща шириной до 100—150 м тянется по долине реки на всем ее протяжении в Армении и заходит в Азербайджан. Отдельные деревья платана встречаются и в ущельях притоков реки Цав. Средний возраст рощи 300—400 лет, но есть и деревья уникальные — им за 800 лет, диаметр стволов достигает 4—5 м. В дуплах этих старейшин свободно может разместиться группа экскурсантов.

Длина реки Цав — единственное в

СССР место естественного произрастания платана восточного в чистом насаждении. Область его естественного распространения — Балканский полуостров, острова Эгейского моря, восточное побережье Средиземного моря, юг и запад Малой Азии. Во всех других районах он известен только в культуре и установить его естественный ареал очень трудно. В некоторых ущельях Гиссарского хребта в Средней Азии он встречается вместе с орехом грецким, инжиром, хурмой, но чистых лесов не образует.

Общая площадь платановой рощи в Закавказье — около 100 га. В том числе в Армении — 60 га. Сейчас ее положение критическое, она находится на краю гибели. Совершенно прекратилось естественное возобновление платана, деревья суховеетны и дуплисты. По мнению ученых-лесоводов, им осталось существовать несколько десятков лет.

В роще буквально в нескольких метрах от самых старых деревьев вот уже много лет строится новый поселок — добротные двух-трехэтажные дома из розового туфа, коровник, насосная станция. Сюда собираются переселить жителей села Нижний Ганд, которое сейчас «прилепилось» к склону ущелья примерно в километре выше по течению реки. В настоящее время в селе живут одни старики, которые не хотят покидать родных мест. В нем всего два ребенка школьного возраста, а школу в новом селе строят на 150 мест. Строительство ведется столько лет, сколько существует заповедник, и вопрос о платановой роще кажется неразрешимым.

Директор заповедника В. Мартиросян говорит: «Если и передадут нам теперь платановую рощу, как ее охранять, что делать с поселком? Разве что обнести рощу оградой. Если здесь будут жить люди, гибель рощи произойдет во много раз быстрее».

Парадокс второй. О Шикахохском заповеднике нет данных ни в документах ЦСУ, ни в справочниках о заповедниках. В них приводятся сведения только о двух заповедниках республики — Дилижанском и Хосровском. А ведь в Армении уже четыре заповедника. Зребуинский, созданный в 1981 г. для охраны мест произрастания диких пшениц, еще не успев попасть в справочники. Шикахохский заповедник имеет возраст, достаточный для того, чтобы получить право увеличения природоохранную статистику страны. И наименование его — Шикахохский заповедник Кафанского лесхоза — звучит непривычно. Разве этот заповедник не заслуживает признания как государственный, если он выполняет важную задачу — сохраняет сухие субтропические горно-лиственные леса на южной границе их ареала. Эти леса занимают нижний пояс в спектре высотных зон и простираются

до высоты 2400 м. Выше них — субальпийские луга, скалы, осыпи, низальные ландшафты. Основные лесобразующие породы — граб и дуб. С высотой грабовые леса сменяются дубово-грабовыми и дубовыми. Дубовые редколесья образуют верхнюю границу леса. Есть участки ильмовых, кленовых и ясеневых липовых лесов.

Хорошо выражен экспозиционный эффект. На нижних частях склонов южных и юго-восточных экспозиций до высоты 1000—1100 м формируются характерные сообщества сухих субтропических кустарниковых зарослей типа шибляка, из колючего держи-дерева и ежевики.

Леса западного макросклона Мегригис-нейского хребта (правобережье реки Цав) — основной части заповедника — отличаются хорошей сохранностью. Здесь давно прекращена хозяйственная деятельность, обычная для лесхозов — рубки ухода, сенокос, сбор лесных продуктов. Тем не менее не только снизу из долины, но и сверху вторгаются в заповедный лес человек и его хозяйство. Клинообразно заходят в него летние пастбища на альпийских лугах — урочища Навс и Санау. Выпас скота постепенно отбирает у леса гектар за гектаром.

Зона абсолютного покоя, какой считается правобережье реки Цав, не может выполнять своей функции, если не будут спрямлены и расширены границы заповедника. И леса, и альпийские луга представляют собой единую цепь изменяющихся с высотой природных условий и характеризуют определенный (восточно-закавказский) тип высотной поясности, поэтому необходимо сохранить хотя бы часть альпийских лугов. Следует выполнить еще одно условие, предусмотренное Типовым положением о заповедниках — ввести в действие охранную зону.

Парадокс третий. Директор лесхоза и директор заповедника — один человек. Если бы такая необычная ситуация могла бы быть приемлемой, нельзя было бы найти более достойного руководителя, чем В. Мартиросян. Он не только отличный хозяйственник в лесном деле, но и предан заповеднику. Он с горечью говорит о бедах заповедника, платановой роще, неопределенных границах, чужих землях. Его стараниями создан единственный в Армении питомник по выращиванию платана, в котором растет 23 тыс. молодых деревьев. И все же выполнение лесохозяйственных планов и отказ от получения прибыли от природы ради ее сохранения — такие задачи не должны решаться одним человеком.

Необходимо как можно быстрее решить вопросы землепользования, управления, организации научных исследований в Шикахохском заповеднике.

БИОТЕХНИЗАЦИЯ ТУВИНСКИХ ЛЕСОВ

М. ПЕТРОВ,
лесовод

Фото автора

Темнохвойная тайга с преобладанием лихты покрывает Саянские горы почти с самого подножья. Выше в горы состав древостоя изменяется. Для среднего пояса Восточного Саяна характерно преобладание ели над лихтой и кедром. Но в верховьях рек Большой и Малый Бирюсы, на плато Черного хребта над другими древесными породами господствует кедр сибирский, образующий почти чистые древостои. По продуктивности древинной массы они относятся к наиболее низким бонитетам, но по урожайности семян (орешков) богаче, чем смешанные древостои лучших бонитетов, даже с преобладанием кедра. С Удинского хребта кедр и лиственница спускаются в Тоджинский район, самую северо-восточную часть Тувинской АССР. Смену древесных пород от подножья Западного Саяна до высокогорий можно проследить по знаменитому Усинскому тракту, идущему от Абакана до столицы Тувы — Кызыла.

К верховьям реки Оя и Оленей реч-

ки кедр сибирский подходит без своих спутников — лихты и ели. На высоту 2500 м поднимаются только кряжистые кедровые деревья со сбежистыми стволами, флажкообразной и низкоопущенной кроной, с корнями, распластанными по голым камням и уходящими в глубины горных пород по большим и малым трещинам.

Кедрово-лиственничная тайга, начиная с Западного и Восточного Саяна на севере, простирается дальше на юг Тувинской АССР, покрывает хребты Танну-Ола и Сентелека и по их южной стороне, особенно в юго-восточной части Тувы, спускается до самой границы с Монгольской Народной Республикой.

В Туве от всей лесопокрываемой площади чистые кедровники и с преобладанием кедра над лиственницей занимают более 45%, а чистые лиственничники и с примесью кедра — до 47%. Площадь, занятая всеми остальными хвойными и лиственными лесами в Тувинской АССР, не больше 8%. Даже сосна обыкновен-

ная — эта малотребовательная к плодородию почвы и ее влажности порода, выносящая к сухости воздуха и другим неблагоприятным климато-географическим условиям, занимает площадь не более 1,5%.

Когда сравниваешь леса Тувинской АССР с лесами юга Красноярского края и Иркутской области, то особенно очевидно и убедительно становится определение леса, данное 70 лет тому назад корифеем лесоведения профессором Г. Ф. Морозовым: «Лес — явление географическое». Да, леса в Туве, находящиеся за Саянами, существенно отличаются от темнохвойно-кедровой тайги юга Красноярского края. В Туве нет сибирских кедров с высотой стволов до 30 м, с диаметрами до 100 см, с объемами в 10–15 м³. Кедровые древостои по наличию древесной массы относятся к самым низким бонитетам, но по своей орехопроductивности, по урожайности семян они выгодно отличаются от высокобонитетных насаждений темнохвойно-

Чистые кедровники на юге Тувы.

В Туве практически без вреда для деревьев применяют «колот». Шишки сбивают при их полной спелости с тонкомерных деревьев.

кедровых лесов. Деревья в низкополнотных древостоях имеют богатую развитую крону с плодоносящими ветками не только в зрелом, но и среднем ярусе. Чет плодородия, проведенный нами на пробных площадях в Сарыг-Сепском лесничестве Каа-Хемского лесхоза, показал, что урожай орехов на одном гектаре доходит до 400—450 кг.

Оригинальна биология плодоношения сибирского кедра в Тувинской АССР. Спелые шишки опадают с деревьев не сразу, а постепенно. Они в большом количестве держатся на деревьях до весны следующего года, доступны для животных вплоть до нового урожая. В Туве при расположении кедровников на разных уровнях почти каждый год бывают урожаи орехов на довольно больших площадях. При повсеместных богатых урожаях, которые повторяются тоже довольно часто, звери и птицы питаются орехами круглый год. В Туве заготавливают орехи для пищевых и посевных целей не только осенью, но и весной, в мае — июне.

Следует отметить, что фауна тувинских лесов не менее богата, чем в Саянах. В кедровых лесах высока плотность населения белки и соболя. Для увеличения численности этих пушных зверей очень важна биотехническая работа в кедровниках, направленная на повышение урожайности кедровых древостоев и увеличение площади кедровых лесов как наиболее желательной среды обитания. Такая биотехническая работа вполне возможна и необходима. Дело в том, что в тувинских лиственничниках на довольно больших площадях широко распространены кедровый подрост разного возраста. Улучшить его рост, ускорить плодоношение довольно легко, если такие участки включить в эксплуатацию на древесину, на уборку из древостоев лиственницы. При световом просторе из кедрового подростка будут формироваться высокоурожайные кедровники. Увеличивать площади орехопродуктивных кедровых лесов можно и за счет бывших гарей, заросших лиственными породами с наличием кедрового подростка.

По кормовым свойствам тувинские лиственничники имеют свои отрицательные особенности. Семена из шишек выпадают сразу после их созревания. Однако кормовые качества лиственничников, особенно низкополнотных, можно значительно улучшить, взводя под полог древостоев кедровый стланник, который способен не только успешно расти, но и давать хорошие урожаи высококалорийных семян. Этот вопрос биотехники охотничьих угодий Тувинской АССР имеет принципиально важное значение и заслуживает более подробного освещения.

О пищевом значении семян кедрового стланника для аборигенов Камчатки упоминал еще С. П. Крашенинников, а о биолого-промысловом значении зарослей кедрового стланника в приуроченности к ним наиболее ценных пушных зверей указывал В. И. Исхельсон. Но несмотря на солидную давность использования семян кедрового стланника в пищевых целях и высокую их оценку в рационе промысловой фауны, до 30-х годов текущего столетия биохимических исследований никто не проводил. Первые физико-химические анализы семян кедрового стланника сделаны нами только в начале 30-х годов, а несколько позднее семена и полученные из них масла исследованы Г. В. Пигу-

левским и М. А. Ивановой. Мы для своих исследований использовали семена, заготовленные в окрестностях Николаевска-на-Амуре, а Г. В. Пигулевскому и М. А. Ивановой они были доставлены ботаником Б. Н. Городковым с Камчатки.

Сравнивая результаты анализов семян кедрового стланника с семенами кедра сибирского, следует отметить, что по величине и по весу они в два раза меньше, а по наличию жиров, белковых веществ и углеводов близки к семенам кедра сибирского; маслянистость их на 7—8% выше, чем у семян кедра корейского.

Кедровый стланник как отдельный вид рода *Pinus* был установлен далеко не сразу. С. П. Крашенинников считал, что «сие дерево от кедра сибирского ничем не отличается, но по земле расстилается, почему и стланцем именуется». П. Паллас описал кедровый стланник как подвид кедра европейского. Только Э. Регель установил видовую самостоятельность кедрового стланника, назвав его *Pinus pumila* Rgl.

При современных достижениях в лесокультурном деле взращивание кедрового стланника в составе лиственничников и облесение открытых горных пространств вполне возможны. Инициатива в этом деле безусловно, должна исходить от Министерства лесного хозяйства Тувинской АССР и от специализированных лесхозов при непосредственном содействии госпромпхозов и колхозпромпхозов республики.

Ставя вопрос о взращивании кедрового стланника в лесах Тувинской АССР, надо прежде всего отказаться от разведения его посевом семян непосредственно на обновленных участках. Разводить кедровый стланник следует посадкой крупномерных саженцев, а еще лучше — саженцев. Для подготовки посадочного материала есть смысл использовать теплицы, выращивая в них сеянцы с последующим доращиванием хороших саженцев уже в школьных отделениях открытого грунта. Росту сеянцев и саженцев весьма содействуют фосфорные удобрения.

Транспортировку саженцев к местам посадки лесхозы могут сочетать с воздушным патрулированием лесов. При посадке саженцы следует расходовать экономно, использовать на 1 га не более 100 экземпляров, поскольку кедровый стланник способен не только хорошо куститься, но и образовывать новые кусты за счет роста придаточных хорней. С наступлением плодоношения кедровый стланник будет осваивать и такие неудобные места, на которых не способны расти ни кедр, ни лиственница. В этом ему окажет верную услугу кедровка, про которую еще А. Миддендорф писал: «Ни на каком другом виде дерев, как на кедровом стланнике, не было так ясно видно, что птицы служат орудием его распространения». Кедровки большими стаями собираются на нем во время зрелости семян и улетают с добычей на самые недоступные скалы. Расселению кедрового стланника будут содействовать, хотя в меньшей мере, и другие обитатели тайги.

Окультуривание подростка кедра под пологом лиственницы и лиственных пород, интродукция кедрового стланника в леса и горы Тувинской АССР — это биотехника дальнего, но верного прицела. Она может дать ощутимый эффект для охотничьего и лесного хозяйства, если лесхозы, госпромпхозы и колхозпромпхозы республики возьмутся за это благодарное дело.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОМ ОХОТНИКА

Отсутствие нормативов на строительство домов охотника приводит зачастую к тому, что при значительных затратах средств они не удовлетворяют прежде всего тех, для кого они строятся. Зачастую бывает так, что где-то просят промокший насквозь плащ и пропотевшие штаны, а взамен от толпы телогрейки или свитера приходится заталкивать в лакированный шифоньер и потом утром напяливать их на себя непросохшими. В такого рода обставленных полумягкой мебелью «номерках» обычно где-то повесить ружье, приходится приставлять его к стенке в углу, а рюкзак отправлять на пол под кровать.

Строя охотничий дом или рыболовную базу, все сооружения необходимо подчинить своеобразному быту охотника или рыболова. Базы, как правило, организуются на самослуживании, и это правильно, но это определяет и условия, которые должны облегчать быт охотника. Нередко бывает, что кухня поставлена где-то на задворках, нет в ней освещения: попробуйте-ка приготовить в ней хотя бы уху в осенний темный вечер, когда моросит дождь пошлаем со снегом!

Помимо жилых комнат на 3—4 человека, в охотдоме необходим общий зал (столовая), вестибюль-раздевалка для верхней одежды и обуви, комната для чистки оружия, кухня, умывальная, уборная. Над каждой кроваткой необходима полка с прочными крючками под нее для ружья, рюкзака, патронташа, брюк, пиджака.

В комплексе сооружений охотрыббазы, помимо основных сооружений, лодочной гавани с пирсами и весельной, необходимо предусмотреть близко расположенные и на виду от охотдома временные причалы для взятых уже с прокат лодок. Охотник или рыболов, приехавший на базу не на один день, не может сдавать в гавань взятую им лодку при возвращении на базу для сна или отдыха. Лодка у него оборудована для охоты, в ней и сено, камыш и другие предметы маскировки, чучела, и он не может все это где-то выбрасывать или оставлять, с тем, чтобы через три-четыре часа вновь добывать необходимое и заниматься утомительным обустройством.

Все места благоустройства — ледник, помойка, уборные, склад дров и т. д. необходимо в ночное время освещать и соединять с домами тротуарами, иначе в дождь и темноте никто ими пользоваться не будет. На берегу водоема нужна мачта с сильным фонарем в качестве маяка для лиц, возвращающихся на базу затемно.

Вот те основные требования, которым должны удовлетворять благоустроенные охотничьи или рыболовные базы.

Л. ПЛУШКОВ,
почетный член Свердловского
областного общества охотников
и рыболовов

ФАЗАНОВОДСТВО В ЛИТВЕ

Г. ПИЛСАУСКАС, Э. ЖВИКАС, В. СТРАВИНСКАС,
Прибалтийская зональная опытная станция по птицеводству

Среди птиц, обитающих в Литве, фазан, по мнению профессора Т. Иванаускаса, относится к пришельцам. Однако есть сведения, что зельможи разводили эту королевскую птицу и охотились на нее давно. Так, в XIX столетии в Раудондварисе, под Каунасом, в поместье графа Б. Тишкевича, был крупный фазанарий.

В 1899 г. в поместье Вельжиса Паневежской волости граф Кайзерлинг начал заниматься разведением фазанов, для которых отвел 150 десятин площади молодого леса. Спустя год было засвидетельствовано, что фазаны разводятся хорошо.

Перед первой мировой войной фазанов разводили в поместьях Жагаре, Раудондварисе, Тауеней, Шучина, а оттуда распространяли по окрестным лесам и полям, но в годы войны всех фазанов истребили. Однако энтузиасты продолжали начатое дело — за рубежом покупали яйца и выращивали фазанят. В 1931 г. литовское общество охотников закупило в Восточной Пруссии так называемых английских фазанов. Птицы в количестве 7 петухов и 25 курочек были выпущены в заросли Приенайского леса. Тогда же несколько фазанят из той же партии начал выращивать профессор Т. Иванаускас в своей усадьбе Обялия под Каунасом. Интересно отметить, что он применил вольерный метод содержания фазанов.

Своевременно прозвучало предупреждение Т. Иванаускаса: ошибаются те, которые, закупив несколько фазанов и выпустив их в лес, через несколько лет ожидают обильной охоты. По мнению известного литовского ученого, выпущенные фазаны разлетятся и окажутся за десятки километров от места выпуска. Да и та птица, которая останется, погибнет от хищников или руки браконьера. Следует помнить, что три четверти

выпущенной в охотничьи угодья птицы погибнет, поэтому фазанов надо выпускать в большом количестве, предупреждал профессор.

По имеющимся данным, разведение фазанов в Литве в период с 1918 по 1940 г. не было совершенным. Основная причина неудач заключалась в отсутствии методического подхода к фазановодству и плохом выборе места для выпуска птицы.

Обращает на себя внимание интересный вывод, сделанный довоенными фазановодами Литвы. По их мнению, фазаны быстро привыкают к людям и несутся в неволе, но вскоре после выпуска в охотничьи угодья восстанавливают свои дикие инстинкты. Кроме того, при содержании фазанов в неволе у них в течение нескольких поколений пропадает характерная пугливость, но остаются врожденные инстинкты. Очутившись в естественных природных условиях, такие фазаны откладывают яйца, из которых выводятся птенцы с сохранившимися поведенческими особенностями своих диких предков.

В такой густонаселенной республике, как Литва, обитание фазанов, по мнению профессора Т. Иванаускаса, возможно только при активном содействии и опеке человека. Поэтому реакклиматизированные в Литве фазаны существовали до тех пор, пока им оказывалась естественная помощь. Вторая мировая война привела к разрухе народного хозяйства, естественно, было прервано и разведение фазанов.

В 1950 г. в окрестностях Раудондвариса выпустили 20 фазанов, привезенных из Семиренченка. Однако эта птица оказалась пораженной возбудителем туберкулеза и вскоре погибла. В 1954 г. несколько групп фазанов, в количестве

20—50 голов в каждой, было выпущено в леса вокруг Каунаса, Вилкавишкиса и Кедайняя. И вновь большинство птиц погибло. В следующем году из Болгарии и Латвийской ССР было завезено 70 фазанов. В том же 1955 г. выращивать фазанят стали общества охотников Вильнюса, Капсукаса и Алитуса. В 1958 г. в лес Уосий Вилкавишского района из вольера выпустили 46 фазанов, а в Паневежском районе с зоофермы «Тауянка» — 22 фазана. В 1959 г. 60 фазанов было окольцовано и выпущено в окрестностях Рамигаль Паневежского района.

Таким образом, разведение фазанов в Литве тесно связано с городом Паневежис и его окрестностями. В 1971 г. в экспериментальное хозяйство «Станкунай» Прибалтийской ЗССП было завезено фазанье яйцо и тем самым положено начало фазановодству. Полученных в инкубатории фазанят стали выращивать в специально построенных помещениях из легких конструкций. Откармливали их комбикормом первого сорта для мясных цыплят с увеличенным до 26—27% содержанием сырого протеина. В первый год было выращено 1200 фазанов, 400 из них оставили в фазанарии, 800 выпустили в охотничьи угодья. Выпуск провели в августе — сентябре.

В 1973 г. от маточного стада, состоящего из 320 особей, за май и июнь было собрано более 6000 яиц. Яйценоскость фазанок в расчете на среднюю несушку была 30 яиц. Часть полученных яиц отправили в Латвийскую ССР, остальные заложили в инкубатор птицеводческого хозяйства «Миколушкис» Пасвальского района. В инкубатории было получено 3685 фазанят.

Ежегодно до 1976 г. экспериментальное хозяйство «Станкунай» выращивало и выпускало в охотничьи угодья по 1500—2000 фазанят. Паневежское экспериментально-показательное охотничье и рыболовное хозяйство регулярно помогало энтузиастам экспериментального хозяйства Прибалтийской ЗССП «Станкунай» в деле разведения фазанов, а в 1976 г. целиком взяло эту работу на свои руки.

В настоящее время в Литовской ССР создано два центра разведения фазанов: охотхозяйство «Шункай» Капсукского района, подчиняющееся Государственному комитету охраны природы, и Паневежское экспериментально-показательное охотничье и рыболовное хозяйство, находящееся в ведомстве республиканского Совета общества охотников и рыболовов.

Основная задача охотхозяйства «Шункай» — разводить и выпускать в охотничьи угодья фазанов и уток. Маточное стадо фазанов в 1974 г. состояло из 286 особей, а в 1976 г. достигло уже 550 голов. В 1979 г. оно увеличилось до 700, а в 1980 г. — до 900 голов. Если в 1974 и 1975 гг. фазанки несли соответственно 5295 и 9700 яиц, то за последующие три года от 21 842 до 21 870 яиц, а в 1979 и 1980 гг. количество снесенных птицами яиц увеличилось до 26 300 и 32 340 штук. Сбор яиц возрастал в основном за счет большего количества фазанок, хотя следует обратить внимание и на постоянное улучшение условий содержания и кормления птицы. Это можно проиллюстрировать следующими показателями. Оплодотворенность яиц за период с 1974 по 1980 г. варьировала от 83,3 до 87,2%, но чаще всего держалась на уровне 85,5%. Яйценоскость фазанок в расчете

Большое внимание в Литве уделяется разведению фазанов.

Фото Б. НЕЧАЕВА

на среднюю несушку в 1974 и 1975 гг. составила всего 26,4 и 29,0 яиц. В 1976 г. средняя яйценоскость фазанов увеличилась до 39,5 яйца, то есть произошел скачок на 36,2 %. Пик яйценоскости был достигнут в 1977 г., когда фазанки в среднем снесли по 40 яиц. То же самое произошло с выходом фазанят. Если в 1974 г. выход фазанят был на уровне 54,2 %, то в 1976 г. он достиг 67,2 %, а в 1979 г. — 69,0 %.

Интересно, что себестоимость одного фазаненка в охотхозяйстве «Шунский» в 1974 г. составила 2,9 руб., затем, в течение трех лет она постепенно снижалась и в 1977 г. достигла 2,1 руб. В 1978 г. себестоимость фазаненка выросла до 2,5 руб., а в 1980 г. — до 4,0 руб. Увеличение себестоимости выращивания фазанят произошло главным образом за счет введения в рацион более дорогого корма.

С ростом маточного стада в охотхозяйстве «Шунский» ежегодной увеличивался и выход фазанят. С 1974 по 1980 г. он возрос с 2323 до 16 950 штук. За это время количество фазанят, выращенных до двухмесячного возраста, увеличилось с 1769 до 14 266 штук и находилось на довольно высоком уровне 76,1—84,2 %. С каждым годом все больше фазанят выпускали в охотничьи угодья, в 1980 г. выпустили 6728 штук. Продажа фазанят охотхозяйствам и обществам с 1974 по 1980 г. возросла с 30 до 6556 штук.

В Паневежском экспериментально-показательном охотничьем и рыболовном хозяйстве начали заниматься разведением охотничьего фазана в 1976 г. Были скомбинированы семьи с половым соотношением 1:7. Их разместили в вольерах площадью 8 м². В 1980 г. маточное стадо выросло до 400 голов. Средняя яйценоскость фазанов составила 33 яйца, а выход фазанят достиг 70 %. Фазанят содержали группами по 300—500 штук под брудерами в помещениях сарайного типа. Плотность посадки — 14 фазанят на 1 м² площади пола. Фазанов кормили комбикормом, предназначенным для мясных кур. Рацион состоял из круто сваренных куриных яиц, комбикорма для цыплят и мелко нарезанной травы. В возрасте 8—10 недель фазанят переводили в посадочный вольер. В 1977—1980 гг. в охотничьи угодья выпустили 6 тыс. фазанов, большинство из них было отстреляно. Однако следует отметить, что пернатые и четвероногие хищники, а также браконьеры уничтожили около 1500 фазанов, то есть 25 % от выпущенного количества птиц.

В настоящее время ведется работа над проектом фазанария в окрестностях города Паневежиса с годовой мощностью 60 тыс. фазанят.

Из вышесказанного следует вывод, что разведение фазанов в Литве имеет глубокие корни. Охотничьи угодья Литовской ССР следует отнести к третьей категории, так как основная цель разведения фазанов состоит в том, чтобы насытить эти угодья в сезон охоты для полного отстрела всей выпущенной птицы. Тем не менее вопросы содержания и кормления основного маточного стада фазанов и фазанят, а также биотехнические мероприятия требуют более пристального внимания со стороны не только охотоведов и биологов общего профиля, но и научных работников, работающих в сфере промышленного птицеводства.

ЧТО, ГДЕ, КОГДА ● ЧТО, ГДЕ, КОГДА

КОНГРЕССЫ...

В сентябре — октябре 1983 г. в Чехословакии состоится XVI Международный конгресс биологов-охотоведов.

В августе 1984 г. состоится IV Всемирный конгресс Международного общества лесников.

...КОНФЕРЕНЦИИ...

В марте 1983 г. в Москве Молодежный совет МГУ по охране природы, дружина охраны природы и кафедре ихтиологии биологического факультета МГУ и Мосрыбвод провели конференцию «Проблемы охраны рыбных запасов Московской области».

В сентябре 1983 г. во Франции состоится XIV конференция Европейской континентальной секции Международного совета по охране птиц.

В январе — феврале 1985 г. в Москве намечено провести I Всесоюзную конференцию по проблемам эволюции.

Организаторы конференции — МГУ имени М. В. Ломоносова, АН СССР, Московское общество испытателей природы. На конференции предполагается обсудить следующие проблемы: эволюция индивидуального развития; закономерности функциональной и морфологической эволюции; эволюция регуляторных систем организма; закономерности эволюции сообщества; проблема вида и видообразования; проблемы искусственности и естественного отбора.

...СОВЕЩАНИЯ...

24—25 марта 1983 г. в Уфе БАССР состоялась научно-практическое совещание «Практическое использование и охрана птиц Южно-Уральского региона», которое было организовано Орнитологическим комитетом СССР, Институтом эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР, Координационным советом по проблеме миграции и ориентации птиц АН СССР, Башкирским государственным, Министерством лесного хозяйства БАССР и Госохотинспекцией при Совете Министров БАССР.

...СЕМИНАРЫ...

В ноябре 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоится Всесоюзный семинар «Авиация на службе охотничьего хозяйства». Планируется работа следующих секций: авиачет численности животных; авиовизуальная охоттрассация и мониторинг угодий с воздуха; иммобилизация животных с целью отлова, оказание помощи промысловым бригадам при отстреле копытных и регулирование численности хищников с воздуха; проведение некоторых биотехнических и охранных мероприятий с самолетов и вертолетов.

...ВСТРЕЧИ...

В июле 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоится встреча специалистов управлений охотничье-промыслового хозяйства и государственных промысловых хозяйств. Собравшиеся обсудят вопросы интенсификации охотничьего промысла.

...СМОТРЫ...

В январе—мае 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоялись смотры «Охотничье оружие», «Охотничьи и редкие животные», «Декоративные и спортивные породы голубей», «Служебные и охотничьи породы собак».

...ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ.

16 марта 1983 г. в г. Свердловске на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР состоялась защита диссертации И. П. Карпузина «Анализ экологического механизма регуляции численности белки обыкновенной» на соискание ученой степени доктора биологических наук.

15 марта 1983 г. в г. Свердловске на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР состоялась защита диссертации А. Н. Романова «Экспериментальное изучение экологии популяции обыкновенного глухаря» на соискание ученой степени доктора биологических наук.

31 марта 1983 г. на заседании Специализированного совета при Всесоюзном ордена «Знак Почета» сельскохозяйственном институте заочного образования состоялась защита диссертации А. Л. Колесникова «Рациональная система освоения пушным промысловым ресурсом зоны БАМ» на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук.

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕБРАЛСЯ В УОЯН

В. ЧЕРНЫШЕВ

До недавнего времени попасть в Уоян можно было только вертолетом или по Верхней Ангаре. Другого пути не было. Теперь туда пришла Байкало-Амурская магистраль. Наш «красный эшелон», агитпоезд ЦК ВЛКСМ, «Комсомольская правда» — первый пассажирский состав, переваливший с помощью двух тепловозов Даванский перевал Байкальского хребта и оказавшийся в Северной Бурятии. После оживленных, празднично-приподнятых встреч с комсомольским активом, с рабочими молодежными бригадами и школьниками Нового Уояна — поездка за 12 км. в Уоянский госпромхоз.

Мне давно хотелось побывать в госпромхозе. Хозяйство, которое должно давать доход, комплексно используя богатства дикой природы, не может не отличаться структурой и организацией от любого другого, живущего землей: животноводческого, лесного, земледельческого... Большинство видов продукции промыслов человека не «приручено»: лесные ягоды и грибы (кроме шампиньонов), большинство промысловых зверей и птиц на грядах и фермах пока не получишь. Все это можно только добыть.

Но одно дело — прогулять погожим днем и принести корзинку с грибами, другое — собрать и переработать десятки тонн грибов, брусники, клюквы или голубики — ягоды настолько нежной, что пока несешь ее домой, она успевает дать сок. Даже любительская воскресная охота — нелегкий труд, требующий достаточной физической подготовки, тяжести которого охотник не ощущает лишь потому, что им движет любовь к природе и охотничья страсть. А что одухотворяет тяжелую работу и полную лишений уединенную жизнь охотника-промысловика, забирающегося на два-три месяца в таежную глухомань? Можно ли в хозяйстве подобрать таких промысловиков, каждый из которых был бы охотником по страсти, по влечению души?

— Только таким и может быть настоящий промысловик, — говорит Владимир Ильич Яновский, директор госпромхоза. — Сам начинал со штатного охотника, знаю, что это такое. Надо очень любить природу и охоту, чтобы не затосковать в заваленном снегом зимовье, в каждодневных заботах о собственном быте, о помощниках — собаках. Надо спокойно переживать свою зависимость от удач и погод, не терять надежды и уверенности в охотничьем счастье. А как много должен знать и уметь штатный промысловик! Повадки зверей и птиц, где, кого и в какое время искать, как прожить в условиях тайги и как выжить, если эти

условия окажутся экстремальными. Мало ли что может в тайге случиться?

Охотники не по призванию на промысле не удержатся. Не такие уж большие в тайге заработки, чтобы только деньги привязали. Не меньше деньги можно заработать, например, на БАМе, на более веселой, артельной работе. Не-эт, промысловик должен быть человеком души охотничьей, страстной! У нас тридцать семь штатных охотников, люди хорошие, опытные, да и молодежь подрастает, вслед за старшими в тайгу тянется. — средний возраст промысловиков менее сорока пяти лет...

Директор и сам еще молод. Но работает в госпромхозах уже полтора десятка лет. Коренной сибиряк, детство прошло в деревне под Черемховом. Охотник, закончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института. После того как в 1977 г. был образован на базе отделения совхоза «Северный» госпромхоз «Уоянский», стал его директором.

Вместе с фотокорреспондентом Виктором Усковым я задержался в госпромхозе, чтобы познакомиться с ним поближе. Директор показывает нам свое хозяйство. Оно сравнительно невелико по численности занятых в нем людей, но очень разнообразно: пиломатериалы и цех изготовления строительных столярных изделий, оснащенный всеми необходимыми деревообрабатывающими станками; коровник, недавно построенный для обеспечения молоком своих жителей и бамовских ребятишек, цех пошива меховых шапок, сапожный цех, выпускающий меховые унты, таксидермическая мастерская... Но это все — только центральная усадьба. Десятки охотничьих избушек в тайге, для постройки которых в Управлении госпромхозов Главохоты РСФСР имеется типовая проект, оленеводческая ферма за хребтом, где построен стационарный кораль, таежные угодья и озера, места промысла зверя, птицы и рыбы — это тоже «имущество» госпромхоза. Его владения — 38 тыс. км² угодий, 35 тыс. км² уоянской земли закреплены за охотниками-промысловиками. Почти по тысяче на каждого охотника! Тут есть где проложить промысловый путь...

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» госпромхоз старается привлечь к работе мастериц, владеющих национальным ремеслом пошива меховой одежды. Две женщины-эвенки, Козулина и Коненхай, сидят в отдельной комнате у машинистки и шьют шапки. Каждая швея выра-

батывает в месяц около тридцати женских и детских шапок-«вилоушек». Мало-зато, конечно, при существующем спросе!

— С сырьем неважно, — вздыхает директор. — Из девяти промыслов в Бурятии пошивом занимаются только два. Свою пушнину сдаем, получаем сырье из других мест. Но посмотрите-ка, что присылают нам иногда...

Он вынимает из стопки выделанных заготовок обрывок шкурки, лишь отдаленно напоминающий ондатру. — Что можно сделать из такого сырья? Что может стоить такая шапка? Поэтому для нас пока такой пошив убыточен. То же и с унтами. Мы предложили дать нам право отстрела некоторого количества байкальской нерпы, чтобы пустить их шкурки на шитье одежды. Ждем положительного решения...

Таксидермист Владимир Парфенов занят заказом для ВДНХ: набивает головы лося и изюбра. На стенах его комнаты чувело клыкастой головы кабарги, голоса оленя. На эти красивые, дорогие украшения и экспонаты спрос всегда велик.

Полднем долго сидим в кабинете директора. Здание конторы построено недавно. Республиканское управление охотничье-промыслового хозяйства выделило за последние годы вновь организованному госпромхозу около миллиона рублей. Теперь благодаря госпромхозу в поселке телевидение и телефонная связь, больница, школа и детсад, работает приемный пункт райбыткомбината. Жителей в поселке стало прибывать.

В беседе принимает участие главный инженер госпромхоза Алексей Артемюков. Один из инициаторов создания здешнего промыслового хозяйства, он променял житье в Улан-Удэ и должность в управлении на Уоян — «поблизже к своему детству». Он уже немолод, но по-прежнему тянет его тайга, рыбалка, охота...

Нам принесли отчет за истекший 1982 год.

— Проблем много, — директор подвинул мне листок с цифрами. К сожалению, не все статьи нашего хозяйства дают прибыль. Все еще убыточны пока оленья ферма, изготовление меховых изделий и сувениров. Перекрываем в основном пушшиной и лесом. Стараемся дать не просто бревно, брус, обрезную доску, а вложить в дерево большой труд, поставить разборные домики-балки, столы.

По пушшине промысловый план прошлого года на 111%. Осенью вместе со штатными охотниками в тайгу уходят и около 100 охотников-любителей. С лю-

бителями, заключают договора. Бывает, что они дают до 40% всей добытой пушны. С нового года закупочные цены на пушину почти удвоились, возрастут и заработки промысловиков.

Я смотрю на цифры и, кажется, вижу за ними утонувшее в снегах зимовье, затаившиеся в сугроб, камусом наружу, широкие лыжи-снегоступы, кольцом свернувшихся у порога лаек, тропку к незамерзающему черному, в пухлых берегах, ключу, теряющийся в пихтаче лыжный путик, протянувшийся на десятки километров от капкана к капкану, от хулемки к хулемке... Вечерами после обхода ловушек уставший охотник аккуратно снимает с соболя дорогую шкурку. В очаге густо булькает суп, отсветы огня играют на бревнах избушки, на руках таежника, споразисто обрабатывающих тушку. Глядя на огонь, он пьет чай и ложится на нарах, чтобы на завтра снова встать на лыжи. Ходят по ночным снегам звери, свершают над темной крышей свой неторопливый извечный круговорот звезды... Закатиться бы хоть на недельку куда-нибудь за хребты на такое зимовье!

— 15 февраля кончился сезон, — сказал директор. — Кто уже вернулся, кто возвращается. Не один день ходу... Больше всех добыл Филипп Иванович Волков: сорок четыре соболя и девятьсот ондатр. Да рыба, да мясо... С большим перевыполнением плана и сын его Виктор, он уже самостоятельно промысляет.

— А нельзя ли позидать Филиппа Ивановича, поговорить с ним?

— Вообще-то он сейчас, наверно, дома. Только живет он в Куморе, в восьмидесяти километрах отсюда...

Уоянская швей-мастерица Козулина.

Широко живут в Забайкалье! Но как непросто, вероятно, управлять таким хозяйством, где участки и люди разбросаны на десятки километров друг от друга.

Обсуждаем, как же все-таки добиться, чтобы стали доходными все отрасли промысла. Конечно, надо сделать хозяйство возможно менее зависимым от погоды, от случая и удачи, от поставщиков мехового сырья.

— Нет, добытую сверх плана пушину пустить в пошив не разрешат, — говорит Владимир Ильич. — Это тоже валюта. А вот звероферму мы хоть сейчас бы организовали. Песцовую, например. Но чем кормить? Нужны мясо и рыба. Мясных отходов и субпродуктов у нас нет, бросовой рыбы — тоже. Есть у нас на примете еще один источник постоянного, гарантированного дохода — озеро Иркана.

Отдали бы его нам для организации рыбной фермы. Запустили бы малька пеляди, можно попробовать разводить карпа, других ценных рыб. Могли бы дать бамамцам свежей рыбки. Пусть небольшой, но все же вклад в Продовольственную программу...

Разговор на эти темы мы продолжили в Глазгохте РСФСР с начальником Управления госпромхозов Станиславом Михайловичем Тарасовым и начальником отдела Михаилом Григорьевичем Бобылевым.

— Уоянское хозяйство у нас на хорошем счету, — сказал Станислав Михайлович. — План устойчиво выполняется. Участник ВДНХ. А вопрос с меховым сырьем, решать, конечно, надо в регионе. Мы не сторонники мелких звероферм в тех местах, где нет своих кормов, потому что доставлять в такую даль корм — дело очень дорогое. ...Продукция наших промыслов — редкостная и очень нужная, пользуется громадным спросом и в стране, и за рубежом. Много хозяйств молодых, родившихся в последние годы. Есть своя специфика и сложность и в управлении самим хозяйством, и всеми промыслами. Видите, где они находятся...

На стене в кабинете — карта, где заштрихованы территории госпромхозов: Восточная Сибирь, Камчатка, Таймыр, Дальний Восток. Кое-куда не во всякое время года и доберешься.

— Многие хозяйства работают очень хорошо, — продолжал Станислав Михайлович. — И очень важно для нас, чтобы их опыт был передан другим.

— Вот вы говорите, что изменение сроков охоты на оленей привело в том районе к уменьшению их добычи.

Михаил Григорьевич провел нас к себе в кабинет.

— Дело в том, что местные ингеры не всегда согласуются с соображениями общего порядка. Сейчас сроки охоты на оленя приведены в соответствие с биологическим циклом их жизни, а это — забота о будущем оленя как о биологическом виде. Надо интенсивнее загонять оленей в отведенные сроки. А то, что промыслов старается выпускать дорогую столарку, а не дешевую древесину — это очень правильно. Так называемая глубокая переработка делает промысел рентабельным, и очень хорошо было бы, если бы ягоды и грибы тоже поставлялись «под этикетку» — в виде варенья, маринов, солений и прочего — но тут еще много предстоит решить вопросов.

...Мы прощались с Уоянским госпромхозом в сумерки. Закатное солнце горело на свежей чеханке фирменной вывески. Возле крыльца конторы, у красочных досок показателей собирались люди — автобусные попутчики до Нового Уояна. Крепчал к ночи мороз. Алексей Артамонович вышел нас прозодить, надев лишь шапку.

— Простудитесь! Шли бы в контору... — А где я живу? Или я не сибиряк? Освещенные солнцем белые зубцы Верхнеангарского хребта четко рисовались на чистом вечернем небе. Синее на северо-востоке, проколотое первыми звездами небо неуследимо меняло цвет, становясь с закатной стороны зеленоватолимонным, палевым, студено-оранжевым.

— Что, хорошо? — перебивал мой взгляд Алексей Артамонович. — А-а... Вот то-то и оно-то. А вы спрашиваете, почему я перебрался в Уоян...

Переработка древесины — одна из рентабельных отраслей работы Уоянского госпромхоза

ЛОСЬ ГЛАЗАМИ ЛЕСОВОДА

Н. ПАВЛИНОВ,

заместитель начальника Главного управления охраны и защиты леса Минлесахоза РСФСР
кандидат биологических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье Н. Павлинова «Лес глазами лесоведа» поставлена на обсуждение важная и острая проблема лесохозяйственного хозяйства — взаимоотношения леса и лосей. Статья Н. Павлинова еще раз убеждает в том, что лес — это не полигон для выгонки деловой древесины, не простая сумма различных растительных ассоциаций, а единый и очень сложно устроенный организм, растительный, животный и минеральный, компоненты которого связаны миллионами лет единой эволюции.

Лес играет громадную роль в жизни лосей, но и лось не просто живет в лесу, а оказывает на него большое влияние. Кстати, не только лось, но и любой другой вид копытного животного в определенных условиях может наносить лесу ощутимый ущерб. Для предотвращения такого ущерба Н. Павлинов предлагает «привести численность лосей к уровню, соответствующему наличию кормов», иными словами, снизить численность лосей. С этим не могут согласиться биологи-охотоведы, затратившие много сил для

восстановления численности лосей. Действительно, почему в крошечной по сравнению с территорией СССР Швейцарии плотность населения лосей значительно выше, чем у нас, и там ежегодно добывают 100 тыс. лосей, а у нас только 70 тыс.

Есть много путей защиты леса и особенно лесных культур от потрав копытными животными. Один из них — огораживание особо ценных лесных посадок простейшими жердевыми или проволоочными изгородями. На которые работники леса изготовление изгородей, несмотря на огромный мировой опыт, считают нерентабельным, но никакие серьезные экономические обоснования при этом не приводят.

Возможно, что эксплуатация только той части популяции лосей, на которую работники лесного хозяйства предлагают сократить его численность, может компенсировать затраты на установку временных ограждений. Мы приглашаем специалистов охотничьего и лесного хозяйства принять участие в обсуждении интересной статьи Н. Павлинова, направив решение проблемы таким образом, чтобы «и лес был цел, и лосей было много».

В декабре 1982 г. в Министерстве лесного хозяйства РСФСР состоялось совместное заседание Научно-технического совета Министерства и Ученого совета ЦНИЛ Главохоты РСФСР. Обсуждалась известная многим читателям журнала острая в настоящее время проблема взаимоотношений лосей и леса. В работе совета приняли участие известные специалисты по охране природы, лесоводы и охотоведы: профессор В. Г. Атрещин и А. Г. Баников, доктор биологических наук Я. С. Русанов, кандидат биологических наук В. Е. Размахнин, кандидат географических наук В. А. Кузкин, директор института «Союзгипролесхоз» В. А. Никольский, заместитель начальника Главохоты РСФСР В. И. Фертников, а также работники лесного и охотничьего хозяйства Татарской АССР, Ивановской области, другие специалисты.

Речь шла о том, как, с одной стороны, разумно, по-хозяйски использовать имеющиеся поголовье лосей, с другой — предотвратить массовые потравы этими животными лесных культур и молодняков наиболее ценных лесных пород — сосны и дуба.

За последние 15—20 лет численность диких копытных животных, особенно лосей, неуклонно возрастала. Размер потрав ими древесных пород ежегодно исчислялся десятками тысяч гектаров. Так, по данным учета лесного фонда, произошедшего в 1971—1973 гг., от потрав лосями погибли лесные культуры на площади 113,1 тыс. га и молодняки сосны и дуба — на 103,8 тыс. га. А ведь затраты на создание и уход за лесными культурами составляют 100—120 руб. на каждый гектар.

За 1974—1978 гг. от потрав лосями погибли лесные культуры и молодняки на площади 145,4 тыс. га. Наиболее крупные потравы отмечены в Татарской

АССР (17,1 тыс. га), Башкирской АССР (15,3 тыс. га), Ивановской области (12,8 тыс. га), Алтайском крае (10,5 тыс. га), Брянской области (10,4 тыс. га), Новосибирской (6,4 тыс. га) и в ряде других мест.

Масштабы гибели или серьезных повреждений лосями лесных культур и молодняков выявляются в процессе лесохозяйственных работ. Например, по данным лесохозяйства 1979 г., в Тульской области лосями повреждено 90% молодняков и культур дуба, в том числе 70% — в сильной степени. В проекте организации и развития лесного хозяйства Моршанского опытно-показательного лесокосового хозяйства Тамбовской области (1980 г.) указано, что за прошедший репрезентативный период лесные культуры на площади 498 га пришли в неудовлетворительное состояние, а на площади 612 га погибли. В 45% причина — потравы лосями. Подобные примеры можно привести по Белгородской, Новосибирской, Оренбургской областям, Чувашской АССР и многим другим.

Министерство лесного хозяйства РСФСР и его органы на местах, конечно, обеспокоены создавшимся положением и осуществили ряд мер, направленных на снижение ущерба от потрав культур и молодняков дикими копытными животными.

В 1975 г. совместно с Главохотой РСФСР был издан приказ «О регулировании поголовья лосей в лесах РСФСР», а также приказ «О роли органов лесного хозяйства в регулировании численности лосей». Первый из них — до настоящего времени важнейший правовой документ, определяющий нормы ежегодного изъятия лосей. Согласно приказу, при разработке планов добычи лосей принята как ориентировочная плотность насе-

ления этих животных — 2—3 на 1000 га лесных угодий в малолесных областях, краях и АССР южной части европейской зоны и 3—5 лосей — в центральных областях РСФСР. Следует подчеркнуть, что это именно ориентировочная плотность, и она до настоящего времени не уточнена. А ведь фактическая плотность обитания лосей колеблется в зависимости от размера и характера кормовых угодий в широких пределах, что не всегда учитывают при установлении лимита на отстрел по областям, краям и автономным республикам. Этим и объясняется, что даже эта ориентировочная (условно будем считать оптимальной) плотность в ряде областей так и не была достигнута фактическим отстрелом. (Ивановская, Ярославская и другие).

В 1976 г. Минлесахоз РСФСР и Главохота РСФСР совместно разработали «Мероприятия по интенсификации промысла лосей в РСФСР и снижению ущерба от них лесному хозяйству». Этим документом было предусмотрено повысить отстрел лосей по Российской Федерации с 7,5% до 10%, как это было рекомендовано научными учреждениями. К сожалению, процент отстрела (с учетом естественного прироста лосей) остался прежним.

Одновременно лесохозяйственным предприятиям было рекомендовано увеличить объем биотехнических мероприятий, осуществить меры по отвлечению лосей от ценных лесных посадок. Позже на места была направлена в порядке распространения опыта «Инструкция по внедрению лесохозяйственных мероприятий на участках, где лес поврежден дикими копытными животными», разработанная Министерством лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР. В настоящее время эти работы осуществляют лесохозяйственные предприятия.

Например, как сообщил главный лесничий Ивановского управления лесного хозяйства А. Ф. Гавриков, в области для отвлечения лосей от ценных посадок ежегодно создают 500—600 га кормовых лесокультур. В местах наибольшей плотности населения лосей в культуры сосны вводят другие, менее повреждаемые лосями породы. Подкормочные площадки закладывают в местах, удаленных от хвойных молодняков. В зимний период при проведении рубок ухода за лесом, порубочные остатки, являющиеся кормом лосей, не сжигают. Производят подрубку молодняков осины в удаленных от основных культур местах. Аналогичную работу ведут в Белгородском, Брянском и многих других управлениях лесного хозяйства.

В 1981 г. лесохозяйственные предприятия на биотехнические мероприятия израсходовали 150 тыс. руб. При этом устроено 8 тыс. кормушек и подкормочных площадок, 11 тыс. солонцов, подрублено 23 тыс. деревьев осины, осуществлены другие отвлекающие лосей мероприятия. В 1982 г. на эти цели израсходовано 180 тыс. руб. Однако в отдельных областях и автономных республиках в результате исключительно высокой численности лосей эти работы не дают ожидаемого эффекта, и лесохозяйственные предприятия ежегодно продолжают списывать сотни и тысячи гектаров ценных лесных культур.

За последние годы органы лесного хозяйства проверяли возможность защиты лесных культур от лосей путем огора-

живания и применения репеллентов (отпугивающих средств). Как показали опыты, стоимость огораживания одного гектара лесных культур наиболее простой жердевой изгородью составляет около 100 руб., металлической сеткой на железобетонных столбах — 770 руб. и более. Метод оказался экономически нецелесообразным, поэтому масштабы работ по огораживанию не превышают 15—30 км изгороди в год.

Что касается репеллентов, то защитный эффект их применения является низким. Обработки приходится повторять ежегодно, что практически неосуществимо, если учесть сотни тысяч гектаров лесных культур, создаваемых в Российской Федерации ежегодно. Однако на заседании НТС была высказана мысль о необходимости продолжения опытных работ по изысканию новых, более эффективных репеллентов для защиты сосновых культур от повреждений лосями.

Проводимая за последние годы лесохозяйственными и лесохозяйственными органами организаторская работа, в том числе пропагандистская деятельность через периодическую печать, конечно, дала некоторые результаты. Так, фактический отстрел лосей возрос с 40 тыс. зверей в 1975/76 г. до 54,9 тыс. в сезон 1979/80 г., то есть на 12,2%. В сезон 1980/81 г. при плане 70 тыс. лосей отстреляли 58,9 тыс.

В целом улучшились контакты работников лесного хозяйства с охотоведами. Решению проблемы способствует принятие Верховным Советом РСФСР «Лесного Кодекса РСФСР».

И все же, несмотря на эти меры, численность лосей остается исключительно высокой. Если в 1975 г., по данным Главохоты РСФСР, количество лосей в России было 671 тыс., то в 1980 — 743, а в 1982 г. — 745 тыс. Таким образом, при установленных нормах отстрела (а они в среднем по РСФСР составляют лишь 7,5% в год при рекомендованной 10%) численность лосей практически даже не стабилизирована.

Отмечено, что фактическая численность лосей значительно превышает учетные данные (Русанов). Это неудивительно, если учесть, что методики учета несовершенны. Видимо, этим объясняются значительные колебания учетных данных по годам. Например, в Вологодской области в 1975 г. насчитывалось 24,5 тыс. лосей, в 1979 г. — 30 тыс., а в 1982 г. — лишь 21,7 тыс. В связи с этим НТС Минлесхоза РСФСР и Ученый совет ЦНИЛ Главохоты РСФСР приняли решение уточнить методику учета численности лосей.

В настоящее время плотность населения лосей значительно превышает оптимальную в Ивановской, Ярославской, Калининградской, Московской, Владимирской, Липецкой, Ульяновской областях, Татарской АССР, Удмуртской АССР, Башкирской АССР, в ряде других регионов. В результате продолжают погнаться дикие копытными животными лесных культур и молодняков в недопустимых с хозяйственной точки зрения размерах.

Почему это происходит? С одной стороны, занимают нормы изъятия лосей, с другой — изменился характер кормовой базы. Лоси приспособились к сложившейся в лесном хозяйстве ситуации, когда на значительных площадях, на вырубках и гарях создаются чистые и редкие лесные культуры сосны. Складываются благоприятные условия для кормления

лосей в зимне-весенний период, и они в массе мигрируют в эти культуры уже после окончания сезона отстрела.

Разпространение общих норм отстрела на всю территорию европейской части страны без учета наличия и характера кормовой базы хотя бы в разрезе областей, краев и автономных республик не обосновано. В то же время в областях, краях и АССР руководствуются этими общими нормами, что приводит к нарушению естественного соотношения: лось — лес.

К сожалению, не практикуется определение ежегодного лимита на отстрел на основе лесохозяйственного проектирования с учетом класса бонитета угодий. По данным Я. С. Русанова, ущерб, наносимый животными молоднякам сосны, находится в допустимых с точки зрения лесного хозяйства пределах лишь там, где на одного лося приходится не менее 20 га сосняков в возрасте 5—15 лет. Такие расчеты не производят.

О необходимости устанавливать дифференцированные нормы отстрела для отдельных районов свидетельствуют исследования Ленинградского ордена Ленина лесотехнической академии имени С. М. Кирова за 1976 г. по теме: «Определение оптимальной численности лосей в лесозах Ленинградской области и Татарской АССР». С учетом имеющихся кормовых угодий численность лосей в Татарской АССР должна составлять 3,4 тыс. животных при средней плотности 3,2 лося на 1000 га угодий с колебаниями от 1,4 (Приивольский район) до 5,5 (Аксбаевский район). В настоящее время численность лосей в этой республике превышает 5 тыс.

В Ленинградской области обитает 23,8 тыс. лосей при допустимом количестве 19,7 тыс. с колебаниями плотности от 1,8 (Ломоносовский район) до 5,6 (Екситогорский район). Как видим, здесь данные приведены уже в разрезе административных районов. Они более точные, однако госохотинспекция их не приняла во внимание.

Чрезмерно высокая численность диких копытных животных опасна не только в связи с повреждениями на больших площадях лесных культур и молодняков, угрозой серьезного экономического ущерба лесному хозяйству. Постепенная деградация и оскудение кормовой базы в конечном счете представляют реальную опасность и для самих лосей. Имеются сообщения о том, что в результате истощения кормовой базы в Ивановской области лоси начали болеть, численность их падать. Таким образом, избыток лосей привел не только к массовой гибели лесных культур, но и к бесцельным потерям среди животных.

Многие управления лесного хозяйства, настойчиво, но безуспешно добиваются приведения численности лосей до уровня, соответствующего наличию кормов. Особенно остро эта проблема стоит там, где в целом численность лосей низкая, но они концентрируются в отдельных районах и в сильной степени повреждают там лесные культуры. Например, в Новосибирской области при общей средней плотности населения лосей 1,6 на 1000 га угодий в юго-восточных и восточных частях области (Приобско-Боровые и Присалавские лесорастительные районы) их плотность достигает 6 и более животных на 1000 га. В результате за последние 10 лет в таких пред-

приятиях лесного хозяйства, как Чингисский, Маслянинский, Толучинский, Сузунский, и ряде других лесхозов погибло более 8 тыс. га лесных культур.

Проблема заключается еще в том, что лоси концентрируются в лесных культурах уже после установленного срока отстрела — в феврале, и предусмотренное упомянутым выше приказом разрешение полностью отстреливать этих животных в наиболее ценных культурах не дает нужного результата. Аналогичное положение наблюдается в Алтайском крае, Чувашской АССР, Оренбургской области и некоторых других.

При определении лимита на отстрел не учитывается в должной мере процесс миграции диких копытных животных с территорий соседних областей. К чему это приводит — видно на примере Тульской области. Как уже упоминалось, культуры дуба в этой области исключительно сильно повреждены лосями. В связи с этим Тульский облисполком устанавливал ежегодно повышенный лимит на их отстрел (с 1970 по 1979 г. в среднем по 43% численности этих животных). Несмотря на это, количество лосей на территории области существенно не снижалось в результате миграции их из соседних областей, особенно из Московской, где плотность населения животных была близка к 5 на 1000 га кормовых угодий, а отстрел составлял 15—17%.

Много лосей обитает и в других соседних областях: Калужской, Липецкой, Рязанской, Орловской, а процент отстрела по сравнению с Тульской областью там значительно ниже (8—26). Аналогичное положение создалось в Татарской АССР. Выступивший на заседании НТС начальник Госохотинспекции при Совмине Татарской АССР В. Н. Королев справедливо предложил стрелять лосей там, откуда они мигрируют уже после охотничьего сезона и не устанавливать такого плана тем областям и республикам, где их в этот момент еще нет. Таким образом, настоятельно требуется усиление координационной работы по установлению лимита на отстрел с учетом миграции диких копытных животных в зимнее время.

Всесторонне обсудив вопросы соотношения численности лосей и наличия и состояния их кормовой базы, Научно-технический совет Минлесхоза РСФСР и Ученый совет ЦНИЛ Главохоты РСФСР приняли совместное постановление по совершенствованию процесса регулирования численности лосей и уменьшению ущерба от них лесному хозяйству. В частности, имеется в виду уточнить в ближайшее время и утвердить в установленном порядке нормы плотности населения лосей по областям, краям и автономным республикам с учетом фактического ущерба от погнанных лесных культур и молодняков, уточнить методику учета численности этих животных.

Органам лесного хозяйства рекомендовано в необходимых случаях повышать густоту создаваемых культур сосны, воздерживаться в районах с высокой численностью лосей от лесоводственных мер ухода за посадками до 20-летнего возраста.

Однако все эти меры могут дать ожидаемый результат при условии снижения численности лосей. Поэтому охотхозяйственным организациям надо принять все меры для обеспечения полного отстрела согласно устанавливаемым лимитам.

КРУПНЫЕ ХИЩНИКИ И ЧЕЛОВЕК

С. УСПЕНСКИЙ
ВНИИ природы МСХ СССР,
доктор биологических наук

Как много потеряла бы Арктика, лишившись белого медведя! Такая мысль каждый раз возникала у меня при встрече в природе с этим могучим неторопливым зверем, удивительно гармонирующим с полярными льдами. И я уверен, что со мной согласятся в этом многие полярники.

В крупном хищнике есть особая привлекательность, такую встречу никогда не забудешь, и не случайно, поэтому медведи считаются главным «козырем» многих национальных парков США и Канады, а возможность увидеть стаю львов или леопарда так привлекает посетителей в знаменитые национальные парки Африки. Будь и в нашей стране национальный парк, где можно было бы увидеть медведя или тигра (а такие возможности, в принципе, есть) назерное, и в этом случае не было бы отбоя от посетителей.

Если бы роль крупных хищников ограничивалась только украшением пейзажа, проблема их взаимоотношений с человеком решалась бы просто. З действительности же она намного сложнее. Эти звери нередко наносят ощутимый ущерб охотничьему и сельскому хозяйству, а подчас представляют опасность и для жизни людей.

Из крупных хищников в Советском Союзе обитают три вида медведей: бурый, представленный несколькими подвидами, белый, белогрудый (или гималайский) и три вида крупных кошек: амурский подвид тигра, леопард (переднеазиатский и восточносибирский подвиды) и снежный барс, или ирбис. Относительно недавно, лишь несколько десятилетий назад, в этот список следовало бы включить также туранский подвид тигра и гепарда, но теперь в СССР они уже не встречаются. К категории крупных хищников можно отнести также и волка, проблема взаимоотношений которого с человеком весьма актуальна. В то же время она настолько специфична, что требует особого рассмотрения.

Бурый медведь населяет большую часть территории СССР. Отдает предпочтение лесным ландшафтам, но обитает и в безлесных горах, степях, тундрах, на морских побережьях. Общая численность вида в СССР близка к 100 тыс. особей (Верещагин, 1972, 1973). Наиболее многочисленны бурые медведи на севере европейской части страны, в Сибири, на Дальнем Востоке, особенно в Приамурье и на Камчатке. В отдельных районах плотность его населения достигает 1 особи и более на 100 км² (10 тыс. га).

Белый медведь населяет льды и побережья всех северных морей СССР, исключая лишь Белое море и юго-запад Баренцева моря. В своей жизни он тесно связан с морскими дрейфующими льдами, и плотность его населения прямо

связана с характером льдов, а следовательно, с обилием корма и возможностью его добывания. Общая современная численность вида во всей Арктике, по-видимому, близка к 25—30 тыс. особей. Поскольку эти звери постоянно и широко ходуют, определить их численность в СССР практически невозможно. Наиболее многочисленны они на крайнем западе Советской Арктики и на крайнем ее востоке; здесь же располагаются основные места размножения белых медведей, в том числе залегания в берлоги беременных самок.

Белогрудый медведь в СССР обитает лишь на юге Дальнего Востока. Он тесно связан с лесными ландшафтами, ведет в значительной мере древесный образ жизни, предпочитает дубово-широколиственные и кедрово-широколиственные леса. Общая численность вида в СССР составляет 6—8 тыс. особей при плотности населения до 2 особей на 100 км² (Кучеренко, 1973).

Амурский тигр в СССР распространен на юге Дальнего Востока. Населяет леса, преимущественно широколиственные, кедрово-широколиственные или кедрово-еловые, но при наличии достаточного количества копытных встречается также на зарастающих вырубках и гарях. Современная численность его в СССР составляет около 200 особей (Кучеренко, 1930), а в 1930—1940 гг. она не превышала 20—30 зверей. Плотность его населения местами составляет 1—1,2 особи на 100 км².

Переднеазиатский леопард обитает в СССР в горах Кавказа и юга Средней Азии (Туркмении и Таджикистана). Он всегда очень редок, общая численность его в Советском Союзе составляет лишь около 50 животных (Банников и др., 1973).

Восточносибирский леопард встречается у нас на юге Дальнего Востока (Приморья), держится преимущественно в горных широколиственных лесах с неглубоким снежным покровом. Общая его численность в Советском Союзе, по-видимому, не превышает 30 особей (Банников и др., 1973).

Снежный барс встречается на крайнем юге Средней Азии и Сибири (Алтай). Обитает главным образом в субальпийском и альпийском поясах гор. Общая численность его в СССР, возможно, достигает 1 тыс. зверей (Банников и др., 1973).

Большинство крупных хищников плотоядны, то есть кормятся почти исключительно мясом. Из представителей нашей фауны таковы тигр, леопард, снежный барс, белый медведь. Тигр поедает около 10 кг мяса в сутки и 3—4 т в год (примерно 30 крупных животных по 100—150 кг весом). Выводок же тигров съедает в год свыше 5 т мяса (Гептнер и Слудский, 1972). У леопарда и снежного

барса суточная потребность в мясе близка к 2—3 кг. У белого медведя дни удачной охоты нередко чередуются с длительными голодовками, годовая же потребность его в корме составляет примерно 50 тюленей общим весом около 5 т. Бурый, а тем более белогрудый медведь — преимущественно вегетарианец, и животные корма в их рационе, как правило, имеют второстепенное значение.

Опираясь даже на эти самые обобщенные данные, можно заключить, что из крупных хищников нашей фауны как потенциальный конкурент человека наибольшего внимания заслуживает тигр, в первую очередь в связи с изъятием им значительного количества диких копытных (кабана, изюбра, пятнистого оленя, лося). Домашний скот играет в питании тигра второстепенную роль, причем к нападениям на домашних животных зверя, как правило, вынуждают какие-то особые обстоятельства: сокращение (в том числе человеком) численности диких копытных, выпас скота на его охотничьем участке, увечье или старость. По наблюдениям В. И. Животченко (1976), иногда «охотничат» также молодые, расселяющиеся тигры, когда они попадают в незнакомую обстановку.

Основу питания леопарда составляют также копытные, преимущественно дикие. Однако численность его столь незначительна, что ущерб, наносимый им охотничьему, а тем более сельскому хозяйству, практически ничтожен. То же самое можно сказать и о снежном барсе: хотя численность его в СССР и не столь низка, следует учитывать, что он обитает только в высокогорьях и кормится преимущественно горными козлами.

Основным кормом белому медведю служит один вид тюленей — кольчатая нерпа. Она не имеет сколько-нибудь заметного промыслового значения и, следовательно, белого медведя нельзя считать конкурентом человека. Следует иметь также в виду, что этот хищник добывает главным образом молодых тюленей, и тем самым наносит их популяции минимальный урон. Быть может, более значительный урон человеку белый медведь наносит тем, что разоряет пасти и другие ловушки на песцов, иногда загрызает в склады, разрушает постройки, в том числе наземные жилища. Однако такой грех свойствен не всем белым медведям, а лишь отдельным их особям.

Бурые медведи существенно различаются по характеру питания. Эти различия прежде всего популяционные. Например, на Камчатке и в Приморье звери — преимущественно вегетарианцы, хотя в их питании значительное место занимает рыба, однако в Приморье они в гораздо большей мере хищники. Нередко нападают на диких и домашних

Тигр поедает около 10 кг мяса в сутки и 3—4 т в год [примерно 30 крупных животных по 100—150 кг весом].

Фото М. БАЛАНДЮКА

копытных бурые медведи в Восточной и Средней Сибири, в Башкирии, на севере европейской части СССР (в Мурманской и Кировской областях). Почти исключительно растительноядны бурые медведи Западного и Центрального Кавказа, однако они нередко нападают на домашний скот в Дагестане. По определению К. П. Филонова (1977), в Лапландском заповеднике бурый медведь изымает около 3% популяции лося, в Березинском заповеднике — 1,3% и в Дарвинском заповеднике — 0,8%. Прослеживаются различия в питании этих зверей по сезонам года. Как правило, они активнее охотятся на крупных диких животных и скот весной, по выходе из берлог. При прочих равных условиях в большей мере хищниками оказываются взрослые самцы. Следует при этом учитывать, что степень хищничества — индивидуальная особенность бурых медведей. Отсюда — «скотинники», «стервятники» и «муравьятники», существующие в одной и той же популяции.

Степень хищничества бурых медведей в значительной мере отражает обеспеченность зверей кормами. Как известно, периодически, особенно в Восточной Сибири, бывают неурожаи ягод, кедровых орехов, других наживочных кормов. В такие годы: наряду с миграциями зверей, появлением шатунов отмечены массовые нападения медведей на диких и домашних животных, каннибализм (о нападениях их на человека говорится ниже).

Оценивая хозяйственное значение бурого медведя, следует вспомнить, наконец, об уроне, наносимом зверями пашням, посевам и посадкам, складам и лабазам. На первое по значимости место здесь, очевидно, можно поставить урон пашням, в том числе бортовым (например, в Башкирии). Однако так же, как и в разгроме складов, уроне садам и виноградникам, здесь обычно бывают повинны лишь от-

дельные особи. В ряде случаев урон от бурого медведя может быть значительно сокращен за счет совершенствования агротехники и выпаса скота. Например, посе́вы овса страдают от этих зверей в том случае, если площади их невелики (до 2—2,5 га) и они располагаются в лесных массивах (Пажетнов, 1977). Гибель от медведей скота чаще оказывается следствием недобросовестной его пастбы или свободного выпаса, тем более в ночное время.

На последнее место в этом ряду потенциальных конкурентов человека может быть поставлен белогрудый медведь, за редким исключением довольствующийся естественными растительными кормами. Лишь местами он наносит незначительный урон, разоряя пасеки, уничтожая посе́вы кукурузы, а также сдирая кору с листв (медведи поедают хамбий этого дерева).

Все крупные хищники нашей фауны представляют ту или иную опасность для человека. Особенно это относится к бурому медведю. Все сказанное о его хищничестве относится и к нападениям медведя на человека. Так, в пределах нашей страны, очевидно, наиболее опасны звери, обитающие в Приамурье, где неспровоцированные их нападения на людей нередки не только в голодные годы или ранней весной, но и в середине лета, при хорошей обеспеченности кормами (Кучеренко, 1932). Реже, по-видимому, также неспровоцированные нападения медведей на человека (при достаточной обеспеченности зверей естественными кормами) отмечены в последние годы на Сахалине и в ряде областей Восточной Сибири (в Красноярском крае, Читинской и Иркутской областях, Бурятской АССР).

Наурожаи наживочных кормов бурых медведей, повторяющиеся с разной периодичностью и нередко охватывающие громадные территории, особенно Средней и Восточной Сибири, становятся причиной резкого повышения агрессивности этих зверей и трагических событий, подчас сопровождающихся гибелью многих людей, что было описано А. П. Ждановым и М. П. Павловым (1972), А. Н. Фермозовым (1976) и рядом других авторов.

Остальные крупные хищники нашей фауны обычно менее опасны для людей, но при особых обстоятельствах возможны нападения на человека и тигра, и леопарда, и белого медведя, а в исключительных случаях также снежного барса и белогрудого медведя. Таким особым обстоятельством, помимо острого недостатка кормов или хронического дефицита их отдельных компонентов, следует считать провоцирование хищника к нападению. Это, прежде всего, перешагивание человеком «порога сближения» — преднамеренное или неумышленное приближение к зверю, к его вывозу или добыче. Например, как установил С. К. Устинов (1973), в Восточной Сибири из 67 случаев нападений бурого медведя 49 произошли при нарушении человеком «порога сближения», то есть были спровоцированы.

Провокацией к нападению следует называть ставшие своего рода модой попойки «обласкать» медведей, подкармливать их, а также хранение пищевых отходов в местах, доступных для хищников. Ведь именно медведи-попойщики, или «помощники», становясь затем наглыми, вымогателями и, наконец, нередко — людоедами. Этот процесс был хорошо изу-

чен, например, в североамериканских парках (Ч. Джонкем, С. Херреро, Ч. Мартинкой). Эти же явления в связи с развитием туризма начинают проявляться и в ряде областей СССР, в частности на Камчатке.

Хищник вынужден нападать на людей при преследовании, когда он «загнан в угол». Чрезвычайно опасна также попытка человека убежать от охаживавшегося животного, поскольку преследование убегающего — врожденная черта поведения хищника. При таких обстоятельствах, например, чаще всего случаются увечья и гибель людей от белого медведя.

Опасен для человека крупный хищник с ненормальным поведением. Это либо звери с «сорванным» поведением, уже привыкшие к безнаказанному людоедству, либо превратившиеся в людоедов дряхлые или увечные особи. Среди последних значительную часть составляют подранки, животные, травмированные капканами или петлями. Косвенным виновником их агрессивности, следовательно, также бывает человек. Например, по мнению известного охотника на тигров-людоедов в Индии Д. Корбетта (1957), нападения этих зверей на человека в девяти случаях из десяти бывают следствием ран и лишь в одном случае — старости.

Взаимоотношения крупных хищников и человека не остаются постоянными. В самой общей форме в них можно наметить три этапа.

На первом этапе господствующее положение принадлежит хищникам. Это период «первоначальной агрессивности» зверей, начала знакомства их с человеком, период, когда конфликты людей с крупными хищниками протекали в наиболее обостренной форме. Ярким примером может служить трагическая история первых встреч европейцев с североамериканскими гризли (одним из подвидов бурого медведя), активная охота медведей на людей и домашний скот, носившая массовый характер. Долгое время гризли были едва ли не главным препятствием в колонизации Северной Америки европейскими иммигрантами.

О количестве в Северной Америке в то время медведей можно судить хотя бы по такому факту: в 1348 г. пятеро охотников за год охоты в штате Орегон стали обладателями 700 (!) шкур гризли. Вошли в историю и отдельные звери. Например, гризли, живший в штате Колорадо и получивший кличку Старый Мозес, в течение 35 лет терроризировал округ в радиусе 100 км. По подсчетам (скорее неполным), он задрал 800 коров и быков, несколько дюжины телят и других домашних животных, убил пять человек из числа охотников, пытавшихся его пристрелить. Убить Старого Мозеса удалось в 1904 г. (Гржимек, 1932).

Развязно вели себя в Арктике при первых встречах с европейскими путешественниками белые медведи, таким же было поведение львов в слабонаселенных человеком районах Африки, на первых этапах колонизации этих местностей. В прошлом веке и даже в начале текущего столетия в тугаях Средней Азии и на нашем Дальнем Востоке столь же агрессивно вели себя тигры: нападения их как на домашних животных, так и на людей были тогда обычным явлением.

Следующий этап характеризовался наступлением человека на крупных хищников, их усиленным преследованием, а также резким изменением условий оби-

МЕДВЕ

тания (сведением лесов, сокращением кормовой базы). Все это вело к повсеместному падению численности зверей, а в некоторых случаях и к полному их истреблению, как это случилось с рядом популяций бурых медведей в Северной Америке, львов — в Африке, тигров — в Азии.

Преследование хищников означало также изъятие человеком из их популяций в первую очередь наименее осторожных и особо агрессивных особей, вело к изменению поведения зверей, выработке у них боязни человека, «запретительного механизма» по отношению как к людям, так и к домашним животным.

Третий этап приходится, по сути дела, на последние десятилетия и характеризуется покровительственным отношением человека к большинству сохранившихся видов и популяций крупных хищников, что выражается либо в резком сокращении объема их добычи, либо в полной охране. Негативная сторона этой тенденции — нередкая потеря хищниками «уважения» к человеку и его имуществу, в том числе к домашнему скоту. В наши дни вновь появляются агрессивные звери, например, тигры на Дальнем Востоке, их опасность усугубляется в условиях роста населения и быстрого хозяйственного освоения некогда глухих и безлюдных мест Севера, Сибири и Дальнего Востока. Восстановление и поддержание «уважения» к человеку должно быть одним из основных принципов современного управления популяциями хищников, что отвечает интересам обеих сторон.

Как же все-таки сосуществовать крупным хищникам с человеком? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным по отношению к разным видам и популяциям зверей.

Способности диких животных к выживанию и сосуществованию с человеком в первую очередь определяются их поведенческой и экологической гибкостью, возможностью приспосабливаться к изменяющимся условиям обитания. Из крупных хищников нашей фауны наиболее пластичен и жизнеспособен, конечно, бурый медведь, приспособительные реакции которого особенно проявляются в последние десятилетия в европейской части страны, на территории, самым интенсивным образом осваиваемой человеком. Медведь стал мириться здесь даже со сплошными концентрированными рубками, хотя прежде считался обитателем исключительно крупных массивов спелых и перестойных хвойных лесов. Он охотно посещает зарастающие вырубки и даже, по наблюдениям В. С. Пажетнова (1977), ложится на них в берлоги. Он быстро оценивает преимущества измененных человеком ландшафтов (увеличение урожайности ягодников на вырубках, повышение ветровала и бурелома на опушках) и использует их. В какой-то мере бурый медведь начинает мириться даже с возрастанием людности и фактора беспокойства, что проявляется, например, в Ленинградской области. Наконец, о возможности этого зверя приспосабливаться к современным формам хозяйственного использования лесных массивов свидетельствует и рост его численности, наблюдаемый во многих областях и районах Европейской России. Словом, перспектива сохранить в СССР большинство популяций бурого медведя, причем не только как вид, но и как объект высокоэмоцио-

нальной и традиционной русской охоты, реальна.

Значительно хуже вписываются в измененные ландшафты другие наши крупные хищники. Тигр и леопард могут мириться с частичным изменением местобитаний, однако их взаимоотношения с человеком осложняются конкурентными пищевыми отношениями. Белый медведь болезненно реагирует на изменения в природной обстановке: загрязнение среды пестицидами и продуктами их распада (отравление этими веществами считается основной причиной снижения интенсивности размножения белых медведей), загрязнение морских вод и льдов нефтью, обживание людьми островов, играющих в его жизни роль «родильных домов» — мест массового залегания в берлоги беременных медведиц. Балогрудый медведь практически не мирится с вырубкой лесов, особенно с уничтожением старых дулистых деревьев и порчей дупел — мест своего зимнего сна. Наконец, снежный барс обитает в естественных биотопах, населенных лишь достаточным количеством диких копытных.

Отсюда следует необходимость различного подхода к управлению популяциями крупных хищников. По отношению к бурому медведю (за исключением тьяншанского и закавказского подвидов, признанных редкими и включенных в Красную книгу СССР) это регламентированная, регулируемая охота. Будущее тигра и леопарда зависит, прежде всего, от состояния их кормовой базы. Судьба остальных видов определяется степенью сохранности в целом среды их обитания.

Управление популяциями крупных хищников состоит в поддержании равновесия между численностью этих зверей и запасами в природе их кормов. Это означает, например, резкое увеличение отстрела бурых медведей, когда им угрожает бескормица, когда возникает опасность появления шагунов. В заповедниках и других местах, где охраняется тигр, это прежде всего поддержание на достаточно высоком уровне численности диких копытных. Управление популяциями означает и необходимость селективного изъятия из них фактически или потенциально агрессивных особей (старых, увечных).

При въезде в некоторые национальные парки США помещены инструкции для посетителей: «Как вести себя в стране гризли». Основные положения инструкции таковы:

Не подходи к медведю ближе, чем на 50—100 ярдов (45—90 м).

Особенно остерегайся нападения медведя ночью или в ветреный день — медведь хуже слышит в такую погоду и может обнаружить человека на слишком коротком от себя расстоянии.

Содержи свой лагерь в чистоте, не разбрасывай вокруг пищевых отходов. Не пытайся подкармливать медведя.

При встрече с медведем на коротке не пытайся убежать от него. Если медведь все-таки напал, брось ему сумку, пальто, шапку, чтобы отвлечь внимание зверя, постарайся залезть на дерево, а в крайнем случае — притворись мертвым.

Соблюдение перечисленных правил, а они могут быть приняты и у нас и относятся к встречам не только с бурыми медведями, спасает жизнь и людям и зверям. Соблюдение их, проявление и человеком и крупными хищниками взаимного уважения — в конечном счете залог их успешного сосуществования.

Чаткальская долина расположена на крайнем западе Киргизии между двумя высокогорными массивами: с севера Пскемский, с юга Чаткальский хребты. Земли Чаткальской долины находятся на значительной высоте — от 1000 до 4000 м и более над уровнем моря. Ясно выражена вертикальная поясность растительности. От пояса орехоплодовых лесов долина протянулась на восток на 200 км до арчевых и еловых лесов высокогорья.

В 1979 г. был организован Беш-Аральский государственный заповедник на базе бывшего Чаткальского мехлесхоза с приращением земель госземфонда. Общая площадь заповедника составляет 116,7 тыс. га. Он состоит из основного западного участка площадью более 90 тыс. га и восточных участков — пойменных лесов по реке Чаткал и участков лесопокрываемой площади по урочищам. Всего имеется семь лесничеств. Заповедник изучает распределение и численность наземных позвоночных и проблему восстановления пойменных лесов в рамках республиканской подпрограммы международной программы «Человек и биосфера» — МАБ. Благодаря своей обширной территории, богатству животного и растительного мира Беш-Аральский заповедник может стать эталонным природным комплексом горной системы Тянь-Шаня.

Более двадцати видов растений заповедника занесены в Красную книгу Киргизии, из них шесть видов — в Красную книгу СССР (тюльпаны, крокусы, ирисы). Большим разнообразием отличается и животный мир. Снежный барс, туркестанская рысь, красный волк, манул, бурый медведь, архар, сурск Мензбира — эти звери внесены в Красную книгу нашей страны. Еще можно встретить стада сибирского козерога и кабана, обычные барсук и дикий баран. По всей долине расположены колонии реликтового суслика и длиннохвостого сурка.

Из охраняемых и редких млекопитающих Беш-Аральского государственного заповедника особое место занимает бурый тьяншанский (белокоготный) медведь. Именно на территории Чаткальской долины в настоящее время наблюдается концентрация этого редкого зверя.

Медведь встречается на всем протяжении Чаткальской долины и имеет две формы окраса — темно-коричневую, почти черную, с подпалинами, и светлую — рыжеватою. Медведи чаще встречаются на западном участке заповедника. Это можно объяснить отличной и постоянной кормовой базой в зоне орехоплодовых лесов. Хорошие защитные и гнездовые станции — труднодоступные скальные массивы — расположены более равномерно на всем протяжении Чаткальской долины. По северному склону Чаткальского хребта, южным склонам хребтов Сандаш и Пскем, отрогам Таласского Алатау встре-

ДИ ЧАТКАЛА

В. ПЛЯСКИН,
старший научный сотрудник
Чаткальского горно-лесного заповедника

чи медведей тоже постоянны, но значительно реже, чем на западе долины. Четких постоянных участков медведи Чаткала не имеют. Это, видимо, относится вообще ко всем горным медведям (Коротяев, 1977; Кудактин, 1975, 1980).

Учетные работы в заповеднике на данный момент находятся еще в зачаточном состоянии. Там не менее за сезон 1981 г. мы постарались более-менее реально оценить численность медведей на заповедной территории и Чаткальской долины. Работы проводили на маршрутах общей протяженностью более 400 км в различных растительных поясах. Кроме того, использовали (с последующей частичной проверкой) опросные данные. Конечно, приводимые цифры еще не в полной мере отражают состояние численности зверей, тем более что медведи Чаткала подвержены постоянным сезонным миграциям. В сентябре 1981 г. в Чаткальской долине было учтено 120 медведей, в том числе в заповеднике — 68.

Арабское, Беш-Аральское, Кен-Булунокское, Акташское лесничества относятся к западному участку заповедника. Концентрация медведей в орехоплодной зоне Арабского лесничества, в пойменных лесах реки Чаткал — явление сезонное. Более стабильна в течение всего времени их численность в практически непосещаемых урочищах Нурсансай и Кишлаксай (Арабское лесничество) с обилием каменных завалов, зарослями кустарников и травянистой растительности, арчевыми куртинами, полным отсутствием троп. Начиная со второй половины августа плотность населения в пойменной зоне Арабского лесничества достигает 5—6 особей на 1000 га угодий.

Выход медведей из берлог на всем протяжении долины в зависимости от высоты неравномерен: от третьей декады

февраля (Арабское лесничество) до третьей декады апреля (урочища Каратоко, Каракульджа). На южных склонах хребтов к этому времени солнцепечные бесснежные участки увеличивают свою площадь, но по урочищам высота снежного покрова превышает 1 м. В зависимости от установления снежного покрова идет и процесс залегания в спячку. Средний срок залегания приходится на 10 ноября. К началу ноября медведи подходят к месту залегания и до начала спячки одну-две недели живут в районе берлог.

Для залегания в берлоги медведи Чаткала в основном предпочитают северные склоны, хотя бывают и исключения. Например, один медведь из урочища Ортотерек постоянно, из года в год, ложится почти на самой вершине крутого южного склона хребта Сандалаш. Практически всю зиму место его залегания (небольшая ниша с арчами вокруг) не заносится снегом. Также обычно медведи залегают в субальпийском и альпийском поясах или на верхней границе хвойных лесов. Зверям, постоянно обитающим на южных склонах хребтов, приходится каждую весну и осень переваливать через хребты высотой более 3000—4000 м. Подобные миграции отмечены через все перевальные точки всех хребтов, окаймляющих Чаткальскую долину и находящихся на ее территории. Но и правило постоянных сезонных миграций иногда нарушается. Осенью 1980 г. три медведя из урочища Араб Арабского лесничества до выпадения снега придерживались пойменной зоны, а затем легли в скальном участке в 300 м от пойменных лесов.

Медведи активны 7,5—8 месяцев в году. Шатуны в районе Чаткальской долины отсутствуют, хотя, возможно, в восточной зоне единичные особи из-за недостатка кормов иногда и не ложатся, но они обречены на скорую гибель. Суровые зимы, когда мороз достигает 35—40°, со снежным покровом высотой более 2—3 м, полное отсутствие кормов для медведей, повышенная лавиноопасность — все это не в пользу зверей-шатунов.

После выхода из берлог медведи мигрируют на южные склоны, где по солнцепекам ищут травянистые корма, копают луковицы тюльпанов. В это же время отмечены по всей долине постоянные раскопы нор сурка Мензбира и длиннохвостого сурка. По мере таяния снега медведи начинают раскапывать по лавинобросам трупы погибших животных: козорогов, реже — кабанов. Подобной деятельностью занимаются также, видимо, все медведи горных районов (Котов, 1968). По мере таяния снега, в мае, медведи начинают более равномерно занимать различные биотопы долины, но не спускаясь в пойменную зону. Основные корма в это время — ревеня, борщевик, сочные корневища шейки ферулы, зелень чеснока, лу-

ковицы тюльпанов, эремурус. К середине августа, по мере выгорания травянистой растительности, медведи западной зоны начинают концентрироваться в пойменной орехоплодной зоне, где, питаясь яблоками, алычой, дикой вишней, грецкими орехами, фисташкой, ежевикой, находятся до ноября — начала миграций к местам зимовок.

С конца августа до времени зимовки медведей в восточной зоне регистрируют случаи их хищничества. Даже обилие сочного травостоя альпийских лугов не может обеспечить зверей на зимовку достаточным запасом жира. Основной их пищей в это время становится длиннохвостый сурок, обитающий в восточной зоне долины. Сурок Мензбира обитает на территории западного участка и активному прессу со стороны медведей в осеннее время не подвергается. Норы длиннохвостого сурка медведь раскапывает на глубину 1—1,5 м и более, выкапывая зоронку. Иногда жертвой медведя становится козорог. Отмечены постоянные случаи нападения на домашний скот в высокогорной зоне, например, в урочище Каратоко.

Массовый выпас скота на территории заповедника приводит к серьезному отрицательному воздействию на флору и фауну заповедной территории. Присутствие отар овец, совпадающее по срокам со временем активности медведей, серьезно влияет на жизнедеятельность хищников. Нарушаются веками устоявшиеся пути миграций, в восточной малокармливаемой зоне скот становится прямым конкурентом медведей по питанию, возникает постоянный фактор беспокойства со стороны скота и чабанских собак, возрастают случаи браконьерства.

Медведь в настоящее время — наиболее популярный объект браконьерской охоты в Чаткальской долине. Добывают его в основном ради шкуры, жира и желчи, выбрасывая мясо. Только в 1980 г. на территории Арабского лесничества добыто 12 медведей! Все они были отстрелены пчеловодами незаконно находясь на территории заповедника Бричмуллинского пчелосовхоза. К октябрю 1981 г. только нам стало известно, что на территории Чаткальской долины уже отстреляно девять медведей. И ведь речь идет не о бесконтрольном отстреле промыслового вида, а об истреблении животного, занесенного в Красную книгу СССР, изучение которого только началось.

Охрана заповедной территории оставляет желать лучшего, выпас скота все возрастает. Обстановка очень сложна, много важных проблем требуют незамедлительного решения. От этого зависит, сохранятся ли на Тянь-Шане снежный барс, туркестанская рысь, тяньшанский медведь, или они пополнят список животных, безвозвратно исчезнувших по вине человека.

Территория Чаткальской долины и Беш-Аральского заповедника.

Схема автора

— Республика граница
--- Границы заповедника и заповедных участков
--- Границы прихлещиваний зимы заповедника

ПЫЖИ И ПРОКЛАДКИ К ДРОВОВЫМ ПАТРОНАМ

В. БАБКИН,
инженер

Пыжи к дробовым патронам охотничьего гладкоствольного оружия изготавливаются следующих типов: пыжи основных и пыжи добавочные. Назначение основного пыжа — не допустить прорыва пороховых газов в дробовой снаряд, то есть обеспечивать obturation. Назначение добавочного пыжа — заполнять внутренний объем гильзы между основным пыжом и снарядом дробы таким образом, чтобы от среза дульца гильзы до снаряда осталось достаточное для закрепления последнего расстояние.

В патроне столбик пыжей выполняет, помимо указанного, роль амортизатора, смягчая воспринимаемое как удар воздействие пороховых газов на снаряд дробы в самом начале его движения, а также оптимизирует инерционные нагрузки при движении снаряда дробы по каналу ствола, чем уменьшает деформацию отдельных дробинок; равномерно передает давление пороховых газов на столбик дробы, обеспечивая тем самым сохранение его первоначальной формы при движении по каналу ствола; оказывает достаточное сопротивление воздействию пороховых газов от начала движения снаряда до вылета его за пределы дульного среза ствола; при последующем выстреле снимает нагар со стенок канала ствола от предыдущего.

В патроне основной пыж должен быть один. Оптимальная его высота для нормального процесса развития выстрела, при котором обеспечивается наибольшая сгораемость порохового заряда, составляет величину от 0,5 до 0,75 калибра ствола. Высота основных пыжей, которые поступают для продажи в охотничьи магазины, может быть 8, 10, 12 или 14 мм при отклонении от номинального размера в пределах ± 1 мм.

Добавочных пыжей может быть в патроне один или несколько, в зависимости от подобранной массы порохового заряда и дробового снаряда. Рекомендуется при снаряжении патрона в столбике пыжей иметь лучше несколько тонких добавочных пыжей, чем один высокий. Добавочные пыжи в продаже могут быть высотой 3, 4, 5, 6 или 7 мм с предельным отклонением $\pm 0,5$ мм.

Нормативно-техническая документация предусматривает изго-

товление отечественной промышленностью войлочных и древесноволокнистых пыжей с диаметрами, указанными в таблице 1. Диаметры пыжей основного и добавочного для определенного калибра и гильзы — одинаковые.

ТАБЛИЦА 1
ДИАМЕТРЫ ПЫЖЕЙ, мм

Калибр	Диаметры пыжей					
	бумажных гильз			металлических гильз		
	Номинал	войлочных пыжей	древесноволокнистых пыжей	Номинал	войлочных пыжей	древесноволокнистых пыжей
10	20,4			20,4		
12	19,9			19,9		
16	17,4	$\pm 0,25$	$\pm 0,1$	18,4	$\pm 0,25$	$\pm 0,1$
20	15,9			16,9		
28	14,5			15,5		
32	—			13,5		

Примечание. Диаметр пыжей замеряется на длине нарезки и двух перпендикулярных друг к другу направлениях. За окончательный результат принимается среднее арифметическое.

Пыжи должны иметь цилиндрическую форму, основания их параллельны. Не следует применять пыжи конусные, выпуклые, вогнутые, нецилиндрические, перекошенные и с непараллельными основаниями, если указанные отклонения формы выходят за пределы отклонений от номинального размера, так как использование таких пыжей ухудшает бой ружья. Материал пыжей не должен содержать различные твердые частицы, царапающие поверхность канала ствола: металл, стекло, песок и др.

Плотность применяемого для изготовления пыжей войлока (или пыжей в неосаленном виде) должна быть в пределах 250—460 кг/м³.

Боковая поверхность основных войлочных пыжей осаливается на глубину не более 3 мм. Осаливание со всех сторон не допускается, так как при этом пыж теряет свою упругость, при выстреле повышает давление пороховых газов, отчего увеличивается отдача и что может привести даже к раздутью ствола, особенно при большой величине дульного сужения.

Боковая поверхность добавочных пыжей бывает неосаленной или осаленной. При осаленном добавочном пыже в патроне между пыжом и дробовым снарядом должен быть тонкая картонная прокладка, при неосаленном наличие ее не обязательно. Остывший состав для осаливания пыжей не должен быть жидким, чтобы не пропитывать трубку бумажной гильзы, картонную прокладку на порох и порох в патроне. Технологию

ИЗМЕНИТЬ СРОКИ ПРОМЫСЛА

В. БАРАНОВ,
старший охотовед Северо-Байкальского коопзверопромхоза

Нас, как работников охотничьего хозяйства, наряду с вопросами охраны и воспроизводства не в меньшей степени интересует и рациональное использование имеющихся у нас промысловых ресурсов. Особенно много сложности в освоении запасов копытных. Отсюда понятен тот интерес, который вызвала у нас публикация в журнале статей Б. Новикова «Проблемы оленьего промысла» (№ 2, 1983) и А. Сицко «Совершенствовать промысел копытных» (№ 3, 1983). Искреннее недоумение вызывает ставшее уже хроническим неиспользование мясодичных ресурсов в количествах, составляющих почти половину от фактически заготавливаемого. На этом фоне непонятны неоправданно жесткие законоположения и инструкции по организации добычи копытных промысловыми хозяйствами отдаленных, трудноосваиваемых районов.

На примере промысла дикого северного оленя лесной популяции в Северо-Байкальском коопзверопромхозе можно показать, насколько серьезно надо подходить к вопросу более

полного освоения ресурсов копытных, учитывая региональные особенности, особенности биологии вида с тем, чтобы по-деловому, по-хозяйски решать вопросы планирования, выработки инструкций и правил, обеспечивающих более благоприятные условия для производственной деятельности хозяйств.

Из 285 разрешений, выданных Северо-Байкальскому коопзверопромхозу за последние два года, хозяйство смогло освоить только 48. К сожалению, и в перспективе хозяйство не может гарантировать полное освоение запасов северного оленя, не решив ряд проблем.

Освоение запасов северного оленя лесной популяции Северо-Байкальским коопзверопромхозом тесно связано с началом общего освоения глубинных таежных угодий в верховьях рек Чая, Большая Чая, Левая Мама и введением на промысле вертолетов (МИ-4, МИ-1, позднее — МИ-2 и МИ-3).

Охотники, впервые завезенные туда на охотпромысел в 1955/56 г., были удивлены обилием копытных, особенно северного оленя. Этот вид занимал обширную территорию. Но уже в те времена его появление в угодьях промхоза носило явно миграционный характер. Прослеживались два основных пути миграции: олень заполнял угодья, двигаясь с низовий Чаи из Иркутской области и появлялся сначала по ключам Гулакит, Тупо, Калактан, а затем — Амутберен, Олохит и далее по всей реке Чая. Второй путь подпочевки проходил через верховья реки Абчада. По этому пути двигались олени, заселявшие в летний период высокогорные гольцовые комплексы рек Левая и Большая Минь. Направление этих путей было почти встречное, в результате чего все ключи бассейна реки Чая превращались в настоящий «охотничий рай». Промысловое освоение северного оленя этого региона из-за недоступности угодий стало

осалки и составы веществ для этого см. в журнале «Охота и охотничье хозяйство», 1978, № 8.

Пыжи должны обеспечивать пожаробезопасность — не прогорать от пороховых газов и не тлеть после выстрела.

Вес одного осаленного пыжа не должен превышать: основного — 2,5 г; добавочного — 1,5 г.

Назначение картонной прокладки на порох — предохранение от осаливания основным пыжом порохового заряда и от прилипания верхнего слоя пороха к осаленной поверхности основного пыжа. Прокладка на порох исключает возможность проникновения пороховых газов при выстреле через материал пыжа в дробовой снаряд. Назначение прокладки на дробь — удержание в патроне дробового снаряда. Прокладка на порох изготавливается из более плотного картона, чем прокладка на дробь. Размер диаметра и толщина картонных прокладок на порох и дробь приведены в таблице 2.

Таблица 2

ДИАМЕТРЫ И ТОЛЩИНА КАРТОННЫХ ПРОКЛАДОК, мм

Калибр	Диаметры пыжей				Высота пыжей			
	для бумажных гильз		для металлических гильз		на дробь		на метательный заряд	
	Номинал.	Пред. откл.	Номинал.	Пред. откл.	Номинал.	Пред. откл.	Номинал.	Пред. откл.
10	19,8		21,0					
12	18,6		19,5					
16	17,1		19,0					
20	15,6	—0,2	16,5	—0,2	0,8	±0,25	1,5	±0,25
28	14,5		15,4					
32	—		13,2					

В охотничьей литературе, в некоторых статьях нашего журнала о снаряжении дробовых патронов рекомендуется картонную прокладку на порох ставить толщиной до 3 мм. При самостоятельном изготовлении картонных прокладок на порох можно их рубить из картона большей толщины, чем указано в таблице 2, или же применять при снаряжении патрона две прокладки, если их толщина соответствует данным таблицы 2. В металлическую гильзу на дробь требуется ставить ту прокладку, которая по таблице 2 рекомендуется для пороха.

Пыжи и прокладки следует хранить в упакованном виде, в сухом проветриваемом помещении, защищенном от пыли. Зарядные пыжи, кроме того, необходимо предохранять от влаги, которая может сильно повредить даже осаленные пыжи.

возможным лишь с сезона 1963/64 г. и связано, как уже отмечалось, с началом использования винтокрылой авиации. Заготовки северного оленя выглядят так: 1969 г. — 70 голов, 1970 — 100, 1971 — 79, 1972 — 138, 1973 — 134, 1975 — 17, 1976 — 24, 1977 — 153, 1978 — 98, 1979 — 135, 1980 — 55, 1981 — 4, 1982 г. — 4 оленя.

Резкое снижение заготовок северного оленя с 1980 г. вызвано сокращением сроков его промысла на территории Бурятской АССР. При этом решающим стало не общее сокращение периода промысла (было до 15 марта, стало до 15 января), а несоответствие сроков охоты со сроками прихода оленя в угодья хозяйства.

Северо-Байкальский коопзверопромхоз по своим возможностям и численному состоянию популяции северного оленя в состоянии добывать 150—170 этих животных в течение полутора месяцев. Для этого, учитывая сроки миграции, коопзверопромхозу хотя бы в порядке исключения необходимо разрешить промысел северного оленя с 1 февраля по 15 марта.

С введением в 1980 г. новых сроков охоты на северного оленя коопзверопромхоз лишился поступления побочной продукции оленьего промысла в сувенирный (меховой) цех эвенкийского села Холодное, что противоречит принятым документам о мерах по развитию традиционных видов промысла коренного населения.

Принимая во внимание исключительно низкий процент освоения северных оленей в Бурятии, специфику и сложность добычи этих животных лесной популяции, короткий период возможного промысла и трудности организации промысла, вопрос об изменении сроков промысла северного оленя в Бурятской АССР необходимо решать с учетом фактического положения дел.

ОХОТОВЕДЧЕСКИХ РАБОТ

ОХОТА В ХОРВАТИИ. В Хорватии (республика в Югославии) Союз охотников существует вот уже 100 лет. В настоящее время он насчитывает около 60 тыс. охотников. В 1969 г. хорватские охотники приняли новый устав, в котором было записано положение, что охота является частью защиты природы. Ежегодно в Хорватии выращивают более 280 тыс. фазанов, 20 тыс. куропаток и 20 тыс. диких уток. Охота на фазанов пользуется большой популярностью. Численность зайцев пополняется за счет частичной их покупки за границей. Для восстановления поголовья муфлон и серн проводятся ассигнования денежных средств. Последний учет медведей показал, что их популяция насчитывает около 350 особей, большинство из которых обитает в национальных парках.

За последние годы в Хорватии проведены работы по обеспечению на площади 3 тыс. га. Бóльшей проблемой является браконьерство. Ежегодно жертвами браконьеров становятся около 600 оленей, 500 косуль и 150 кабанов. В настоящее время в Хорватии увеличился поток иностранных охотников, поэтому в предстоящие четыре года запланировано создать 15 хозяйств по выращиванию кабанов, оленей и муфлонов.

H. Günther, Die Pirsch — Der Deutsche Jäger, 1982, 34, 15 : 1014—1015 (нем.)

Н. ШИЛЬНИКОВ

УЩЕРБ ОТ ВОЛКОВ В ШТАТЕ МИННЕСОТА. В Миннесоте (США) волки заселяют северную часть штата (77,7 тыс. км²), включающую 12 230 ферм. Проведенные статистические исследования показали, что в целом, кроме нескольких ферм, ущерб, причиняемый в настоящее время волками сельскому хозяйству, незначителен. Однако наличие волков только за последние годы не позволило провести тщательный анализ этой проблемы. За 1976—1980 гг. нападения волков подверглось от 9 до 19 ферм. За период 1977—1980 гг., по сведениям, полученным на основании заявлений фермеров, наибольшие потери крупного рогатого скота отмечены в 1979 г. и составляли 0,48 гол./1000 животных, овец — в 1980 г. (1,18 гол./1000 животных).

Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США предлагает увеличить охоту на волков, что поможет сократить ущерб, наносимый ими животноводству.

S. Fritts, United states and wild life Service. Resource Publication, 1982, 145:1—11 (англ.) 112717—H

ПЕРЕНОСНАЯ ЛОВУШКА НА ЛОСЯ. Работниками охотничьего хозяйства США опробована конструкция переносной ловушки, сделанной из трубы диаметром 3,7 см с парегордиными из нейлоновых ремней шириной 20 см и толщиной 0,6 см, болтов, гаек, прокладок. Для изготовления секций трубы разрезали под углом 45° и сверлили друг с другом, а затем каждый угол скрепляли куском трубы. Размер каждой секции равен 2,4×3,1 м, и между собой секции скрепляли болтами. После этого на конструкцию из труб плотно натягивали нейлоновые ремни и закрепляли при помощи болтов. Такая ловушка изготовлена в районе Коди (США) в 1977 г., и зимой 1977/78 г. было запланировано провести ее опробование. Однако в связи с глубоким снегом не удалось плотно пригнать ремни и конструкции из труб, что сделало невозможным ее использование. В следующее лето, несмотря на некоторую деформацию металла, ловушка была успешно опробована. В качестве приманки для лосей в ней использовали сено из люцерны или других трав. Анализ использования переносной ловушки новой конструкции показал, что с ее помощью обеспечивается поимка животных с минимальными усилиями и причиняемым ущербом. Сделан вывод, что целесообразно использовать данную конструкцию ловушек, но в дальнейшем необходимо применять трубы большего диаметра для лучшего деформирования ремней.

J. Yorgeson, Wyoming Wildlife, 1982, 46, 3:20—22 (англ.) 1131427

Т. ХАНЫКОВА,
ВНИИЭИСХ

ОХОТОВЕДЧЕСКИХ РАБОТ

„КРУГЛЫЙ СТОЛ” „ОХОТЫ И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА” ПРОБЛЕМЫ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОЙ ЗАПОВЕДНИКОВ

К. ФИЛОНОВ

старший научный сотрудник ИЭМЖ имени А. Н. Северцова,
доктор биологических наук

Во всех положениях о заповедниках, начиная с 30-х годов, указано, что заповедники образуют для сохранения в естественном состоянии типичных или уникальных природных комплексов и что эти участки изымаются из хозяйственной эксплуатации. Тем не менее в них санкционировали различного рода вмешательства человека в охраняемую природу: лесохозяйственные и биотехнические работы, уничтожение «вредных» видов, главным образом крупных хищников, ряд других мероприятий. Подобного рода действия преследовали одну цель: увеличить продуктивность отдельных, хозяйственно ценных видов любыми средствами, не исключая нарушения целостности и устойчивости охраняемых экосистем, отклонения их от типичного состояния.

В результате таких мер численность отдельных видов, прежде всего копытных животных, необычайно быстро увеличилась, произошло перенаселение угодий, нарушение структуры растительного покрова и ухудшение качества популяций самих копытных. Подобное положение заставило заповедники искусственно сокращать популяции тех видов, численность которых еще недавно искусственно увеличивали. Это повлекло за собой дальнейшее нарушение биocenотических связей в природных комплексах. Таким образом, не сам режим заповедности, запрещающий хозяйственное пользование природными ресурсами, а нарушения его создали условия, при которых численность так называемых полезных видов значительно возросла, ухудшила структуру экосистем и функциональные связи в них.

В настоящее время в заповедниках мы сталкиваемся с усилившимся влиянием внешних воздействий с соседних, антропогенно преобразованных территорий с резко возросшей численностью отдельных видов (например, лося, кабана, серобристой чуйки и ряда других) на обширных территориях, включая и заповедники, где их раньше или не было, или их численность была невелика. В последние десятилетия во всей стране резко возросла численность волка. В ряде заповедников могут возникнуть ситуации,

требующие строгого контроля численности этого хищника.

Выше перечислены наиболее реальные объекты регулирования. Однако в определенных условиях может появиться необходимость контроля численности и других видов. Каждый такой случай требует дополнительной аргументации и соответствующего согласования. Следует помнить, что регуляция численности популяций в заповедниках — особая мера, требующая осторожного и научно обоснованного решения. Она не может быть дежурным обыденным мероприятием, как это часто бывает, иначе заповедник превратится в охотничье хозяйство.

В связи с этим возникает ряд вопросов: в каких случаях необходима регуляция, каковы ее цели, каких тактики лучше всего подходит для достижения цели, во всех ли заповедниках необходимы регуляционные меры, какими методами их проводить? За исходное следует принять положение, согласно которому в заповедниках сохраняется и поддерживается такой ход природных процессов и явлений, который обеспечивает относительно равновесие и устойчивость заповедных экосистем и поддерживает их эталонное качество. В одном случае это достигается простой охраной территории, в других — путем научно обоснованной корректировки уклоняющихся от норм явлений и процессов, то есть в первом случае природа предоставляется «самой себе», а во втором — предполагаются определенные регуляционные мероприятия.

Поскольку Типовое положение о заповедниках от 27 апреля 1981 г. считает главной их целью «сохранение в естественном состоянии типичных или уникальных для данной ландшафтной зоны территорий (природных комплексов) со всей совокупностью их компонентов» и изучение естественного течения природных процессов и явлений, то за теоретическую основу разрабатываемой методики следует взять представление об экологических пирамидах. Заповедные экосистемы должны включать все уровни трофической пирамиды в тех количественных соотношениях, которые поддерживают их стабильность и естественное функционирование в течение длительного

времени. Если какие-то звенья экосистемы по тем или иным причинам нарушены, то человек обязан искусственно восстанавливать их, а если это невозможно, то взять на себя функцию утраченных факторов регуляции.

Способы поддержания охраняемых систем в режиме их естественного функционирования зависят от степени антропогенного нарушения природы заповедника и влияния преобразованных ландшафтов соседних территорий.

Вопрос о том, вмешиваться ли в охраняемую природу или нет, какими средствами и с какой интенсивностью, в течение какого времени, решается с учетом размера заповедника, способности его экосистем к авторегуляции и восстановлению, степени нарушенности окружающих заповедник ландшафтов, антропогенной нагрузки на них и ряда других факторов.

По степени устойчивости охраняемых экосистем и их способности к саморегуляции заповедники условно можно разделить на следующие группы:

1. Заповедники, занимающие не менее 500 тыс. га с коренными сообществами и расположенные в относительно слабо измененных зональных условиях (на водоразделах пространств или включающие бассейны рек и т. д.). Их природные комплексы не нарушены или очень слабо нарушены деятельностью человека, они способны к авторегуляции. Хозяйственная деятельность на окружающих заповедник территориях такова, что разрушительного влияния на охраняемую природу непосредственно или через охранную зону не оказывает. Вмешательство любого характера со стороны человека недопустимо.

2. Заповедники, занимающие от 100 тыс. га и более и представленные вторичными сообществами климатических степей или тундр, при которых устанавливается биотическое равновесие, а также заповедники со слабо нарушенными климатическими сообществами, способными к восстановлению. Заповедники этого типа окружены умеренно трансформированными ландшафтами, не утратившими зональных черт. Влияние деятельности человека реально на охраняемую природу только по периферии заповедника и в том объеме, который не вызывает коренных перестроек охраняемых экосистем. Любого характера вмешательства человека в природу таких заповедников недопустимо.

3. Заповедники площадью от 20 до 50 тыс. га, расположенные в районах значительной антропогенной трансформации. Охраняемые сообщества могут представлять различного рода сукцессионные стадии. Преимущественно это производные сообщества, частично спо-

собные к саморегуляции. Не исключено значительное антропогенное влияние извне. При нарушении оптимального состояния охраняемых экосистем или их составляющих возможна искусственная регуляция, не носящая систематического характера (например, один раз в несколько лет), с целью поддержания общей устойчивости экосистем.

4. Заповедники небольших площадей — менее 20 тыс. га, экосистемы которых утратили естественную самостоятельность и устойчивость. Как правило, располагаются они в районах, где природа сильно

изменена человеком, и поэтому влияние возмущающих факторов извне, даже при наличии охранной зоны, достаточно велико. Сохранение типичных или уникальных черт исконных экосистем возможно лишь при систематическом научно обоснованном управлении природными процессами.

Регуляция численности животных в заповедниках возможна как прямым воздействием на популяции (например, отлов или отстрел), так и косвенным путем, в частности изменением площади обитания видов. Последнее достигается созда-

нием вокруг заповедника дополнительных охраняемых территорий иного типа, чем сам заповедник.

К проведению регуляционных мероприятий в заповедниках следует прибегать очень осмелительно, когда есть полная уверенность, что они необходимы. Вмешательство человека в природу заповедников, даже самое незначительное, может вызвать далеко идущие отрицательные последствия, которые могут быть обнаружены десятилетия спустя. Таких примеров практика заповедного дела знает немало.

СТРАТЕГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. АРМАНД.

старший научный сотрудник
Института географии АН СССР

Основная проблема заповедников — это проблема соотношения целей дальних и целей ближних, задач завтрашнего дня и задач сегодняшних. Или, если хотите, разрешение конфликта между нами и внуками.

Заповедники — область нашей деятельности, прямо направленная на дальнее будущее, на сохранение природы для наших потомков. Но диалектика состоит

Краснозубые казарки в заповеднике Аскания-Нова.

Фото Н. ЛОБАНОВА

в том, что решить эту задачу можно лишь в том случае, если попутно заповедники что-то выдают и для наших современников, хотя такое использование заповедников почти всегда вредит. Мы не можем просто сохранить территорию: огородить ее высоким забором, запретить на ней всякую деятельность, в том числе научную работу, подготовку студентов, экскурсии, ведение личного хозяйства работниками заповедников.

Каждый заповедник существует не только в будущем, но и в нашем времени и должен вписываться в действующий общественный механизм. Дальние и ближние цели людей, как правило, не совпадают и даже противоречат друг другу. Отсюда многочисленные беды заповедников, конфликты, юридические и практические сложности. Как следует подходить к их разрешению? Нам кажется, общий принцип должен быть такой: в каждом конкретном случае безусловное предпочтение должно отдаваться дальним целям, дальним задачам над сегодняшними. Потомки не могут прислать к нам делегата для защиты своих интересов. А нанести им непоправимый вред — нет ничего проще. Поэтому только в том случае, если бескомпромиссное решение в пользу абсолютной заповедности совершенно невозможно, надо соглашаться на разумный баланс охраны и использования ландшафтов.

Теперь о стратегии научных исследований в заповедниках. Мне пришлось несколько лет работать в заповедниках в связи с решением задач мониторинга — слежения за состоянием окружающей среды, — которыми занимается Институт географии АН СССР. В итоге постепенно сформировалось мнение о том, что несколько направлений в научной работе заповедников должно быть принято в качестве основных. При условии, конечно, сохранения индивидуального лица каждого заповедника, каждого работающего в нем коллектива.

Так вот, первая задача заповедников в науке, решение которой, я бы сказал, оправдывает их существование как научных учреждений, — это проведение непрерывных многолетних наблюдений за одними и теми же явлениями природы.

Именно возможность получать многолетние ряды данных создает заповедникам решающее преимущество, которого лишены другие научные учреждения. Это слежение призваны осуществлять Летописи природы. Но мы знаем, что Летописи природы часто идут неудовлетворительно, без необходимой заинтересованности, что программа ее нуждается в усовершенствовании.

Современный уровень науки требует использования указанного преимущества заповедников значительно полнее, чем это делается до сих пор. Пока что научная тематика заповедников во многом зависит от состава и интересов конкретных исполнителей, от заинтересованности вышестоящих организаций. Темы часто меняют, закрывают, скажем, после защиты очередной диссертации. Между тем, стратегия должна быть такой: при обсуждении планов научных работ заповедников абсолютное преимущество следует отдавать долгосрочным, переходящим из пятилетия в пятилетия темам.

Затем важным положением должно стать изучение территорий-аналогов. Для того чтобы заповедник мог выполнять свою функцию экологического эталона, нужно, чтобы наблюдения велись не только на его ограниченной территории, но и в соседних, включенных в хозяйственный оборот ландшафтах-аналогах. Этот новый принцип выдвинут в рамках выполнения программы мониторинга, и я думаю, что он может очень сильно повысить и научное значение работ заповедников и их практический выход. Цель — сравнение. Сравнение того, что же получается при хозяйственном использовании земель — при рубке леса, пастбище скота, кошени — и при естественном, насколько это возможно, развитии природы. Частично это сделано, например, в Центральном-Черномозном заповеднике. Здесь изучают косимую и некосимую степь, и уже есть интереснейший многолетний ряд параллельных наблюдений на этих участках. Принцип аналогов должен стать, по моему мнению, одним из главных при определении научной тематики заповедников.

Заповедники должны решать кардинальные проблемы самих же заповедников, такие, как определение оптимального размера заповедной территории, зонирование и другие. Размер территории, необходимой для нормального функционирования экосистем, зависит от дальности и путей миграции животных, от переноса семян растений, определяющего восстановление растительности на гарях и вырубках. Таких данных у нас крайне недостаточно. Для определения достаточных размеров резервов недавно в Бразилии было предпринято исследование

дование миграций птиц в сельве. Полезно нам развить этот опыт на базе уже существующих заповедников для планирования будущих.

Поднимался вопрос о создании центрального архива научных материалов заповедников, о «банке» данных. Вопрос больной. Сейчас он поставлен центральными организациями и, по-видимому, рано или поздно будет решен. А пока заповедники должны организовать у себя хранилища полевых материалов, картотек, образцов, коллекций, собирать фототеки. Ценность этих материалов огромна, с каждым годом наблюдений она растет, хотя сейчас они иногда могут казаться никому не нужным балластом.

Еще несколько слов о регулировании состояния экосистем, о вмешательстве в природу заповедников. Наша дискуссия подтверждает сложность этой проблемы. Похоже, что во многих случаях, а может быть и во всех, не регулировать нельзя. Но при этом мы нарушаем сам принцип, саму идею заповедника для сохранения естественных природных систем. Проблема выглядит неразрешимой. Говорят, нужно научное обоснование того, до какой степени вмешательство возможно и целесообразно. Есть такое обоснование? Нет. Больше того, мы не знаем критериев, опираясь на которые можно было бы разработать подобные нормы. Конечно, можно построить модель экосистемы в надежде, что получим ответ об оптимальном соотношении хищников и их жертв, о наилучшем размере стада копытных и т. п.

Я знаю только один пример, когда пытались построить модель биогеоценозов заповедника, направив на это все научные силы, — в Кавказском заповеднике. К большому сожалению, опыт не был понят, его не поддерживали, и он увял. Модель помогла бы решить много научных и практических вопросов. Но не решила бы основного — о показателях естественности экосистем. Любый математик, построив модель, спросит: чего вы хотите дальше? Мы можем задать условие — два золка на территории или двадцать волков, и система окажется отрегулированной в соответствии с этими количествами хищников. Она придет в соответствие с тем, что мы ей зададим. Критерия естественности, я считаю, нет и не может быть. С этим приходится примириться. Было бы гораздо более реально ориентироваться на другой критерий — сохранение максимальной устойчивости экосистем. Тут тоже много еще неясного, но эта задача решается. Во многих случаях мы можем дать на нее ответ или, по крайней мере, знаем, как подойти к решению. Что же касается естественности, следует максимально воздерживаться от введения в экосистемы заповедников (и прилегающих территорий) новых видов.

Мы согласны с мнением Ю. П. Язана о принципах размещения заповедников, но с одним замечанием. По-видимому, не только образцы типичных ландшафтов должны становиться заповедниками, но также и территории противоположного типа — редкие, уникальные, пограничные. Экосистемы, существующие рядом с ландшафтными границами, наиболее разнообразны по своему составу и строению, наиболее чувствительны ко всякому внешнему воздействию. А это очень важно, например, для проведения наблюдений по программе мониторинга.

ГНЕЗДОВАНИЕ ТРАВНИКА В ИСКУССТВЕННЫХ ГНЕЗДОВЬЯХ

М. ЖМУД

Серия опытов, направленных на повышение гнездовой емкости угодий для травника, проведена нами в 1978—1982 гг. в низовьях Тилигульского лимана, в 42 км восточнее Одессы. Испытаны четыре группы искусственных гнездовий общей численностью 112 штук.

Исследуемая популяция травника численностью 350—400 размножающихся пар ежегодно гнездится главным образом на небольших островках в колониях ржанкообразных птиц (речная, чайконосая, пестроклювая, малая крачка, шилоклювка, чибис, морской зуёк) с плотностью поселений до 9 гнезд на 100 м². Искусственные островки и гнезда устанавливали до начала размножения в самых разнообразных стациях, включая нетипичные для изучаемого вида.

Искусственные островки [кочки] изготавливали из дерна с сохранившейся прошлогодней растительностью. Они имели форму квадрата со стороной 10—25 см. Их устанавливали на временно затопленных мелководьях с глубиной воды до 25 см, в местах, где при низком уровне воды идет нормальное гнездование травника. К моменту установки островки возвышались на 5—10 см над поверхностью воды.

Всего установили 63 искусственных островка. Они сразу же привлекли державшихся поблизости травников. Уже через 12 часов на одном из них появилась первая гнездовая ямка, а на вторые сутки было отложено первое яйцо. Птицы занимали кочки постепенно, по мере падения уровня воды. Вероятность их заселения зависела от частоты установки, размеров искусственных островков, характера окружающей местности, а также высоты и густоты сохранившейся на кочках прошлогодней растительности. Оптимальными оказались сооружения размерами 20×20 см. Установленные с плотностью 3 штуки на 100 м², они занимались травником на 90%. С появлением на островах в последней декаде апреля речных крачек, активно занимающих сухие возвышенности, включая искусственные островки, травники они становились менее доступными. К тому же крачки сильно вытаптывали на них растительность, делая кочки непригодными для гнездования куликов.

К моменту выплывания у травника птенцов уровень воды резко падал и гнезда на островках возвышались над поверхностью земли на 15—35 см, что нехарактерно для вида. Однако это незначительно влияло на успешность размножения. Лишь в тех случаях, когда гнезда размещались на очень мелких кочках, из них вызвали отдельные яйца. Установка искусственных кочек на временно затопленном острове с плотностью 4—6 штук на 100 м² полностью обеспечила его обычную гнездовую емкость для куликов.

В отдельных случаях травники занимали

искусственные островки даже из водорослей, если их устанавливали среди возвышающейся над водой прошлогодней растительности. Однако из таких сооружений их обычно вытесняли речные крачки, которые занимали и все освободившиеся гнезда на кочках после выплывания птенцов травника. В некоторых из них начало кладки крачек отмечали уже на вторые сутки после освобождения гнезд.

Платформы-плотки изготавливали из пенопласта, на который сверху прикрепляли тонкую дернину с сохранившейся прошлогодней растительностью. Устанавливали их как на временно затопленных участках островов, так и в более глубоких местах. На месте плотки закрепляли с помощью металлических приколов. Всего расставлено 29 штук.

Сразу же после установки эти сооружения привлекли травников. На некоторых из них были устроены гнездовые ямки, однако яйца так и не были отложены. Крупные плотки (80×80 см) посещали речные крачки и краквы, некоторые вскоре устроили на них гнезда. Видимо, качка мелких плотиков под действием волн делает их непригодными для гнездования наземногнездящихся видов. Плотки больших размеров устанавливали в более глубоких местах. Но площадь, очевидно, не отвечала минимальным размерам гнездовой территории для травника. У крачек же на плотке умещалось несколько гнездовых участков.

Наземные искусственные гнезда (18 сооружений), изготовленные из подручных материалов (прошлогодняя растительность, дерево, рубероид), представляли собой шалашики разной формы и размеров. Устанавливали их исключительно на поверхности земли. Травники они привлекали мало. Некоторые из них птицы посещали, в двух отмечены попытки строительства гнездовых ямок, но гнезда так и не появились. Из наземных сооружений заселялись только естественные кочки, перенесенные на лишенные наземной растительности участки островов.

Искусственные гнезда, приподнятые над водой, включали в себя группу гнездовий для травника, менее всего сходных с естественными местами его гнездования. Изготавливали их из стеблей прошлогодней растительности в виде корзинок длиной 30 см и диаметром 15 см и из досок от ящиков размерами 15—25×20—35×18—25 см. Форма дощатых сооружений была разной: кубическая, конусообразная, с одной открытой стороной и с двумя. На дно гнезда клали мягкую траву для выстилки, и пол немного выступал вперед, образуя небольшое «крыльцо». Такие гнездовые крепили к колям и устанавливали на временно затопленных мелководьях на высоте 5—25 см над поверхностью воды. Рядом с ними сооружали кочки-присесты из подручных материалов. В некоторых слу-

чаях кочки соединяли с «крыльцом» гнезда при помощи доски, замаскированной водорослями. В тех случаях, когда расстояние до ближайшего сухого места не превышало 2 м, присест не устраивали. Было выставлено два гнезда-корзинки и восемь гнезд ящичного типа.

Первое посещение корзинок отмечено через двое суток после их установки. На четвертые сутки в одной из них было отложено первое яйцо, за которым появилась полная кладка из четырех яиц.

Так как выставили в гнезде было мало и она постепенно терялась, а птицы из-за 30-сантиметровой высоты над поверхностью земли (к этому времени вода отступала от гнезда) не могли пополнять ее самостоятельно, лоток был слабо вырыт. Кладка лежала прямо на просвечивающем дне корзины и занимала всю площадь лотка, в связи с чем имела нетипичное для яиц куликов расположение. Однако это не сказалось на длительности насиживания и успешности гнездования. Через 29 суток после откладки первого яйца из всех четырех вылупились птенцы.

Второе искусственное гнездо-корзинка оказалось на участке агрессивного самца, который занимал его не менее двух лет (по данным кольцевания). Свое гнездо он устроил на соседней кочке, а к искусственному не допускал других птиц. Позже в нем отдыхали птенцы хозяина территории, куда они взбирались по наклонной доске, а сам он предпочитал сидеть на его крыше.

Неожиданным для нас оказался результат с деревянными гнездами-ящиками. Травники стали их посещать сразу же после установки на острове. Во многих появились гнездовые ямки, а в одном, размерами 20×35×18 см с одной открытой стороной, на третьи сутки появилось даже яйцо. Но вскоре интерес к таким гнездам у птиц резко упал, чему способствовало обнажение значительной части острова в результате падения уровня воды, а следовательно, и появления многочисленных естественных мест для устройства гнезд. Брошенным оказалось и первое гнездо с одним яйцом. Птицы продолжали посещать лишь сооружения размером 20×20×18 см с двумя открытыми сторонами. Через 10 дней после установки в одном из двух таких ящиков появилось первое яйцо, а в последующие четверо суток — полная кладка. Как и в случае гнездования травника в гнезде-корзинке, выставка из него постепенно терялась и не пополнялась по тем же причинам. В результате яйца лежали на фанерном дне ящика, занимая весь увеличенный лоток. Ход репродуктивного цикла не отличался от обычного для травника исследуемой группировки. Из всех четырех яиц благополучно вывелись птенцы.

Второе гнездо такой же формы и размеров очень скоро из-за падения уровня воды оказалось с гнездом на суше и не было заселено, как и все остальные гнезда ящичного типа иной конструкции.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что травники предпочитают естественные места устройства гнезда искусственным. Из искусственных они заселяют только те, которые в наименьшей степени уменьшают обзор насиживающей птицы (кочки, гнезда-корзинки с просвечивающей крышей, гнездовые ящики с двумя выходами), что важно для открытогнездящихся куликов.

УДК 502.743

СОВЕЩАНИЕ ПО РЕДКИМ ЖИВОТНЫМ

А. РУСТАМОВ,
академик АН Туркменской ССР.

О. СОПЬЕВ,
кандидат биологических наук, доцент.

И. КАЙДУН,
научный сотрудник
Отраслевой лаборатории по охране
животного мира и заповедному делу
Туркменского сельскохозяйственного
института имени М. И. Калинина

III Всесоюзное совещание по разведению и созданию новых популяций редких и ценных видов животных проходило в 1982 г. в Ашхабаде на базе Туркменского сельскохозяйственного института. В его работе приняли участие более 100 человек из девяти союзных республик, работники более 40 различных научно-исследовательских учреждений, вузов, природоохранных и охотхозяйственных организаций, заповедников, зоопарков.

На первом заседании были рассмотрены законодательные основы охраны редких видов животных в СССР, охарактеризовано их разведение в неволе как своевременное и перспективное направление природоохранительной работы. Было сообщено о действующих мерах по регламентации добычи животных, занесенных в Красную книгу.

Подчеркнуто первостепенное значение развития сети питомников для разведения редких видов животных, рассмотрены проблемы их эксплуатации и трудности создания новых питомников. В частности, отмечалось, что до сих пор не определен их статус, серьезная проблема существует в области планирования, практически отсутствует специальное целевое финансирование, не предусмотрен штат квалифицированных сотрудников, крайне плохо обстоит дело с оборудованием, полноценными кормами, стройматериалами. Все это тормозит дальнейшее развитие сети питомников.

Было сообщено о продолжающемся успешном расселении туркменского кулана в предгорной равнине Копетдага, о перспективах расширения его ареала от Бадахша до Каспийского моря. Подобные экспериментальные работы проводят и в отношении джейрана. В стадии разработки находятся вопросы разведения и расселения бородастого и винторогого козлов, бухарского оленя, фазана, тура, каспийского ушара, среднеазиатской кобы. Был рассмотрен опыт зоопарков в разведении редких видов животных.

На заседании, посвященном питомникам, по разведению редких и ценных видов птиц, было доложено о результатах работы и перспективах развития журавлиного питомника в Окском заповеднике. Сотрудниками этого заповедника решен вопрос содержания журавлей в условиях продолжительной многоснежной зимы, были проведены первые опыты по искусственному осеменению птиц и инкубации яиц. Участники совещания прослушали сообщения о методах добычи и транспортировки птиц для питомников, о состоянии и перспективах развития питомника хищных птиц в

Окском заповеднике, о соколином питомнике в Карачагальском госохотхозяйстве.

Большой интерес вызвало сообщение о проблемах и перспективах зольерного разведения дроф, в котором была обоснована необходимость создания двух питомников по разведению дроф (на базе заповедника Аскания-Нова и в Семеновском заказнике Саратовской области). В отношении джека запланировано создание оседлой популяции на охраняемой территории в одной из республик Средней Азии. Для этой цели создается зольерная размножающаяся группа птиц при Бухарском джейраньем питомнике. Целесообразно создать аналогичные центры по разведению джека на подходящих территориях Туркмении и Казахстана. Разведение стрепета предполагается осуществить совместно с дрофой. Были заслушаны доклады о разведении глухара и заравшанского фазана, о первом опыте содержания турача и дикуши.

На заседании, посвященном питомникам, по разведению редких млекопитающих, был рассмотрен вопрос разведения зубра в СССР. Значительные успехи в деле сохранения и разведения этого ценнейшего вида породили ряд новых проблем. Первый этап сохранения генофонда (создание питомников) пройден, настало время интродукции зверей в природу.

К весне 1982 г. численность джейранов в Бухарском джейраньем питомнике (площадь 5125 га) превысила 200 голов. Рассматриваются предположения создания на базе этого питомника центра по разведению джейранов для реинтродукции их в природу и создания новых популяций. Представляет интерес план восстановления природных комплексов Западного Копетдага в Сюнт-Хасардагском заповеднике, где планируется питомник по разведению джейрана, бородастого козла, архара, кулана, бухарского оленя.

На заседании было рассказано о первом опыте и перспективах зольерного разведения горалов в Лазовском заповеднике, кавказского горного барана и бородастого козла в Армении, винторогого козла в Таджикистане, а также о возможностях зольерного разведения выхухоли.

На заседании, посвященном вопросам реакклиматизации редких и ценных видов животных, были рассмотрены общие принципы создания новых популяций редких видов животных. Подчеркивалось, что в соответствии со статьей 29 Закона СССР об охране и использовании животного мира, самовольные, не согласованные с соответствующими научными организациями и не подкрепленные разрешением государственных органов переселение животных категорически запрещено.

Серия докладов была посвящена созданию новых популяций бухарского оленя в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане. Сообщалось об опытах реакклиматизации кулана в различных районах Туркмении и перспективах подобных работ в Казахстане.

На заседании, посвященном разведению редких и ценных видов амфибий и рептилий, помимо других тем, были рассмотрены вопросы коренной перестройки работы серпентариев СССР. В связи со значительным уменьшением численности ядовитых змей в естественной обстановке все большее значение приобретает их разведение в неволе. Однако это наталкивается на значительные препятствия организационного характера.

РУССКАЯ ПСОВАЯ БОРЗАЯ: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ

И. СОЛОВЬЕВ

Прежде чем приступить к рассказу о происхождении современной русской псовой борзой, на мой взгляд, необходимо разобраться в том, чем отличаются друг от друга сказки, легенды и объективная истина. Если мы этого своевременно не определим, настоящая статья не приблизит нас к правильному пониманию происхождения породы и нам снова придется плутать в непролазных чащах гипотез и версий, которыми переполнены статьи из периодических изданий и книг.

Я сторонник документальных фактов, но, к сожалению, их всегда бывает недостаточно, как правило, они кратки, а иногда противоречивы, ибо сообщали их хотя и современники событий, но чаще всего люди, не особенно разбирающиеся в собаках, а тем более в тонкостях выведения породы русской псовой борзой. Темных мест в истории породы предостаточно.

У меня есть уверенность в том, что наши далекие предки были рациональные создатели современных пород собак, им никогда не приходило бы в голову выводить породу исходя из соображений моды, отбирая для этой цели мало пригодных для нормального существования и практического использования уродцев, потомки которых, безусловно бы, вымерли, попав в те суровые условия, в которых находились предки наших современных собак. Создатели древних пород собак были практичны. Им никогда не пришла бы мысль выводить охотничью породу собак, используя для этой цели пастушеских или караульных. А ведь существует множество гипотез о том, что в крови наших собак присутствуют в качестве предков охотничьи собаки, а в крови худшего пастуха или сторожа, чем русская псовая борзая. Говоря современным языком, эти качества в ней не «запрограммированы». Именно это заставляет искать ее действительных предков исключительно среди охотничьих пород собак того периода.

Территория нашей страны в первой половине второго тысячелетия новой эры представляла собой бескрайние лесные массивы и непроходимые болота с редкими вкраплениями пахотных земель и лугов, что явно не способствовало той псовой охоте с борзыми, которой мы пользуемся в настоящее время. Охотничий промысел тех далеких лет в основном заключался в добыче пушны и крупных копытных, а лучшей породы, чем лайка, для этой цели трудно было придумать. Надо предполагать, что разнообразнейшей лавк в ту пору было великое множество. В старинных русских и литовских лето-

писях говорилось о том, что с их помощью ловили и добывали не только пушных зверьков, но и крупных копытных. Уверен, что совсем не легендарной была лошадь-собака, встречающаяся на территории России вплоть до XVIII в. Ее сила и рост позволяли ей догонять и валить не только оленя, но и лося, и ее название явно связано со способностью одолевать этого могучего зверя. Портрет такой собаки можно увидеть и в наши дни на фресках храма Святой Софии в Киеве, сделанных в XII в.

ТИП СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПСОВОЙ БОРЗОЙ.

Коротай [от Прелести и Коллика Воронцова, родился в 1900 г.] на Петербургской выставке получил 1 приз и бриллиантовую звезду стоимостью 1000 руб.; продан в Англию за 4000 руб.

Именно это изображение и породило легенду о том, что будущая королева Франции Анна Ярославна привезла в Париж в качестве приданого готовых русских псовых борзых. Но это всего лишь легенда, а первым документальным источником об использовании борзых на Руси являются записки посла Священной Римской империи в Московском великом княжестве З. Герберштейна, относящиеся к первой четверти XVI в.

Он описывает парадный выезд великого князя московского Василия III на охоту под Можайск. В княжеской свите были многочисленные псы с медвежьими собаками и коуцы — стройными и легкими собаками с пушистыми хвостами и ушами. Руководителем псовой части охоты был татарский хан Ших Алей. Опираясь на это утверждение, можно сделать вывод о том, что псовина охота была для русских

новостью. Можно смело предположить также и то, что, в свою очередь, татарская знать переняла манеру лавочной охоты с борзыми собаками у арабов, часть владений которых была захвачена татаро-монголами еще в XIII в. Привезенные ими на Русь коуцы, безусловно, были дальними родственниками современной салюки, близкими родичами тазы, встречающимися и в наши дни на огромных степных и горных территориях Средней Азии.

Герберштейн рассказывает о том, что при отсутствии вольного зверя псаря выпускали из мешков заранее отловленных зайцев и коуцы их с легкостью ловили. Пожалуй, это было первое упоминание о садках в нашей стране. Названия породы — коуцы — хоть и отдаленно, но созвучно с хортыми, а именно так называли, да и теперь называют борзых в некоторых странах Центральной Европы. Но датировать XV веком создание породы русских псовых борзых тоже несколько преждевременно. Основанной костяк породы сложился лет на 50 позднее, когда после покорения Казанского и Астраханского ханств русский царь Иван Грозный выселил часть непокорной татарской знати в Костромские и Ярославские земли, наделив их там земельными угодьями.

Вполне естественно, что сторожили этих мест, русские бояре и дворяне, владельцы лоших собак, живя по соседству с татарами, поняли прелесть охоты с ловчими собаками и пытались создать новую породу собак, которая унаследовала бы качества лошадей собаки и коуцы. Первые дали своему потомству силу, отвагу и мощь, способность к броску на коротких дистанциях, а также одели в более подходящую по климатическим условиям псовину. В свою очередь, восточные борзые придали лайкообразным собакам легкость и грациозность, борзобразный тип, а также способность к более длительной скачке по открытым пространствам полей и пастбищ, которых в те годы стало появляться все больше и больше.

Год 1600 можно с полной определенностью назвать годом рождения новой самобытной породы: именно тогда царь Борис Годунов, посылая посольство к персидскому шаху Абасу I, включил в число даров пару русских псовых борзых. Естественно, что шаху трудно было удивить восточными борзыми, так что посланные туда собаки уж наверняка резко отличались от них. Начало XVI в. в России называли Смутным временем. Лжедмитрий I, по словам современников, был заядлым псовым охотником. Есть данные, что им были привезены в Москву не только польские харты, но и чистокров-

ные грейхаунды. Мне трудно судить о происхождении польского харта, но, по свидетельству старых русских специалистов, он происходил в основном от гладкошерстных борзых Западной Европы, в ту пору еще многочисленных. Но главную роль тут, видимо, сыграл грейхаунд — в создании этой породы участвовали и восточные борзые. Можно также предполагать, что харт имел родство с лошадьми собаками, распространенными в Литве, и прибалтийскими клоками — потомками легендарных варяжских борзых, распространенных в давние времена по всей Северной Европе вплоть до Британских островов. Клоки, или брудастые жесткошерстные борзые, получили свое русское название за клокастую торчащую грубую шерсть и, вероятно, были близкими родственниками с вольфаундами и дирхаундами. Польский харт в Москве был перемешан с древней псовой борзой, но он не оказал особого влияния на породу.

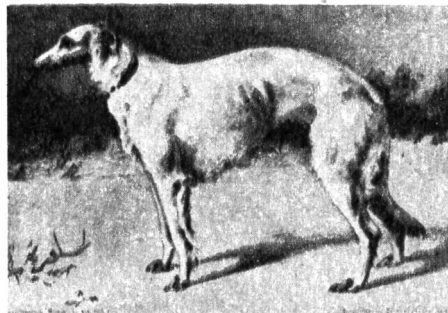
Видимо, русских охотников новая разновидность породы не устраивала, и по именному указу царя Михаила Романова для создания борзой части царской охоты в Москве в Галич и Чухлому было снаряжено три опытных конных псара с приказом выдвигать им в помощь стрельцов и пушкарей против бояр и дворян, не желавших расставаться со своими собаками. Это сведение подтверждает то, что первые русские псовые борзые были выведены в этих местах.

В старейшей рукописной книге о борзых «Охотничьям Регуле» Христиана фон Лесина (Лесинга), датированной 1635 г., есть довольно подробное описание этих собак, но о происхождении древних псовых борзых ничего не говорится. По его словам, древняя псовая борзая обладала «длинной, висющей в закруте псовиной» и в общих чертах напоминала наших современных собак. Затем почти 70 лет о русской псовой борзой нет никаких достоверных данных, но, видимо, за этот срок породе удалось вырасти количественно и стать гораздо стабильнее. Только из документов о Северной войне 1700—1721 гг. мы узнаем, что фельдмаршал Б. П. Шереметьев успешно травил русскими псовыми борзими зайцев и лисиц во время перерывов между сражениями.

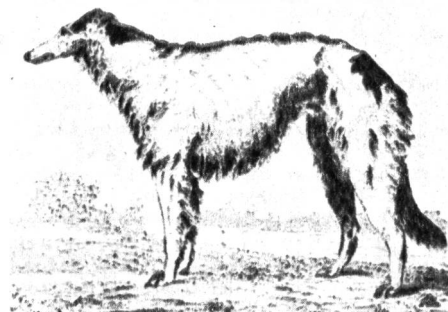
Прошло еще четверть века, прежде чем наступил период, когда многочисленные факты о борзых вообще, а о русских псовых в частности стали сыпаться как из рога изобилия. Император Петр II почти все свое короткое царствование провел не в заботах о государстве, а в охотничьих забавах. По воспоминаниям современников, любовь к охоте переросла у него в болезненную страсть. Он даже покинул северную столицу и уехал в Москву, где в окрестностях было больше простора для травли.

Испанский посол герцог Де-Лирия в докладе на родину сообщал: «Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а любит псовую охоту. Я представил царю двух грейхаундов, коих нарочно выписал из Англии, и его Величество был доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность». Будущая российская императрица Анна Ивановна писала из Курляндии своей тетке, царевне Наталье Алексеевне: «Доношу Вашему Высочеству, что несколько собак сыскано, сообщите Государю братцу о сих борзых собаках, а я буду стараться еще». Видимо, в этом

ТИПЫ БОРЗЫХ ПО РИСУНКАМ ИЗ СТАРИННЫХ АЛЬБОМОВ И КНИГ.

Колпик — псовый кобель М. В. Столыпина.

Удалой — густопсовый кобель А. С. Вышеславцева.

Карай — чистопсовый кобель Межарова.

письме разговор шел о клоках, которые были редки, а может, и о борзых других западных пород. Сохранился документ о том, что в Измайловском зверинце в Москве, где располагалась императорская псовая охота, в 1727 г. содержали 420 разноплеменных борзых собак. А в 1733 г., когда императрицей была уже Анна Ивановна, этот список увеличился чуть не вдвое. К концу же ее царствования обергермейстером ее охоты был назначен казенский губернатор А. П. Волынский, который включил в эту охоту еще 200 собственных собак.

Из переписки А. П. Волынского, Ф. Наумова и графа С. А. Салтыкова, опубликованной через 100 с лишним лет в журнале «Охота» за 1842 г., мы узнаем, что тогда в России, кроме многочисленных русских псовых борзых, встречались брудастые: прибалтийские клоки, вольф-

хаунды и дирхаунды и гладкошерстные: польские харты и грейхаунды. Там же говорится о межпородном скрещивании. Салтыков просил Волынского прислать ему брудастую суку для вязки с польским хартом, принадлежавшим послу Польши в России Зиверту. Именно к этому периоду можно отнести и появление как в Прибалтике, так и в России курляндской борзой, произошедшей от скрещивания клоков с русской псовой с возможным незначительным добавлением польского харта.

Русские помещики поразились росту и злобе клоков, а новоявленные приехавшие из Прибалтики владельцы из немцев умилялись красоте и резвости русской псовой борзой. Увлечение брудастыми борзыми и их помесями затянулось на долгие годы, по крайней мере до конца XVIII в. Известно о том, что кобель Зверь, принадлежавший князю Г. Ф. Барятинскому (предполагаемый автор первой печатной книги о борзых, изданной в Москве в 1785 г.), произошел от кровного вольфаунда Рид Кинга и русской псовой Милотки. Этот легендарный кобель был знаменит не только тем, что первым из русских собак имел полную трехколенную родословную, но главное тем, что неоднократно в одиночку брал матерого волка.

К тем же временам относятся и первые упоминания о густопсовых борзых. Существовало мнение многих старых специалистов, в том числе и Мачеваринова, владельца рукописной книги XVIII в., называемой «Книгой о порядочном содержании борзых и гончих собак», с авторским посвящением графу А. Г. Орлову, что эта густопсовая разновидность русской борзой была выведена при непосредственном участии этого известного конезаводчика, создателя породы знаменитых на весь мир орловских рысаков. Может быть, что причастность к созданию новой породы графа Орлова была только легендой, но думается, что она правдоподобнее многих других.

Параллельно с этим, безусловно, шла и работа по межпородному скрещиванию западных гладкошерстных борзых с русской псовой, однако о чистопсовой разновидности русской борзой разговора еще не велось. Основной породой тех лет была обыкновенная русская псовая борзая. В своих записках о крестьянском восстании Емельяна Пугачева Дубровин упоминает о том, что симбирский помещик П. М. Ермолов, прадед Н. П. Ермолова, — создателя первого стандарта современных русских псовых борзых — преподнес усмирительно бунта графу П. И. Панину в качестве подарка трех псовых борзых своей охоты, ведущей свое начало с XVII в.

В записках А. Т. Болотова, датированных 1791 г., есть красочное описание травли зайца-беляка и лисиц из-под гончих на лесных полянах Псковщины. В 1810 г. большая книга, посвященная охоте и породе охотничьих собак, была издана В. Левшиним. В этой книге, рассказывая о борзых, автор ничего не говорит о их происхождении, но перечень существующих в России пород им приведен: «Псовые собаки разделяются на обыкновенных псовых и густопсовых, к ним и принадлежат собаки, русскими называемые, имеющие длинную шерсть в завитках, очень густую и длинную псовину на правеле. Брудастые собаки имеют шерсть весьма

густую, длинную и клокастую. Сих тоже разделяют на брудастых обыкновенных и клоков. Клоки имеют по всему телу, даже на голове и ногах, шерсть густую, жесткую, иногда худрявую, лучшие из них курляндские, у оных голова, уши, ноги до локтей и хвост бывают как бы выбриты. Есть также английские, польские и крымские, которых у нас нарекают хортьими». Тут Левшин был не четок в определении названий пород, смешав в одну кучу крымскую разновидность салюки, восточную борзую с рейхаундом, но это и подтверждение версии о том, что татарские борзых коуцы перекрестили в хортьих.

Говоря о состоянии поголовья борзых в России в самом начале XIX в., Левшин с горечью заявляет: «Впрочем, ныне породные собаки редки, ибо охотники, сделавшись непостоянными, одной породы не держатся». Сказано это было излишне пессимистично, но в этом была и доля истины. Но еще более серьезные потрясения ожидали породу обыкновенных псовых и более молодую породу густопсовых борзых всего через несколько лет.

После победоносного завершения войн с Наполеоном русская армия с триумфом возвращалась домой. Я, пожалуй, не преувеличу, если скажу, что каждый четвертый офицер из многочисленных кавалерийских соединений был в ту пору борзятником. Нет никакого сомнения в том, что многие из них, возвращаясь домой, везли на родину западных борзых: были это и польские хорты, и рейхаунды, и представители других гладкошерстных пород борзых собак, ныне безвозвратно исчезнувших. Все эти собаки были плохо приспособлены не только к работе в суровых осенне-зимних условиях русской псовой охоты, но и требовали комнатного, а не псарного, то есть полудворового содержания. И всех этих собак срочно начали «одевать». Для этой цели использовали прежде всего все те же две самые многочисленные и удобные для этого породы, а именно: обыкновенных псовых и густопсовых. Но, к сожалению, это наименее разумное решение не привело к ожидаемым результатам. Помеси с гладкошерстными западными борзыми давали хоть и резвых, но совершенно неспособных работать по сугробам, насту и гололеду собак, да и неважная оброслость собак, полученных от этих очередных многочисленных опытов, не оправдала себя даже в южных районах нашей страны, куда с освоением новых земель переместились многие помещики, а с ними и многие псовые охоты.

Практически повторилась старая история, пришедшая к известной нам экспедиции в Галич и Чуклому. Но следует быть объективным и признать в том, что новых охотников-степняков из южных и юго-восточных губерний европейской части России, в какой-то мере не устраивали даже чисто кровные псовые и густопсовые борзые. Дело в том, что степная охота отличалась от охоты в более северных и лесистых областях тем, что борзые собаки, привыкшие работать из засад и на коротке, то есть догонявшие зверя за считанные секунды, используя присущий старинным псовым бросок, не всегда были способны догнать зверя, поднимавшегося в степи значительно раньше, чем на малых полях и лесных опушках. Спо-

собностью длительного преследования эти собаки не обладали, им просто не хватало силы к дальней доскачке. Выход из этого трудного положения был найден только тогда, когда в России стали появляться первые горские (курдские) восточные борзые. Что же это были за собаки и почему они получили такую популярность?

Я не стану давать их подробного описания, но судя по нему, это были широкозадые, иногда от рождения худые собаки, похожие на горную разновидность салюки, основным их качеством являлись очень твердые подушечки лап, приобретенные при работе на каменистой почве, хорошая увертливость, азартность при преследовании зверя и длительная доскачка за ним. Впервые горок привез в Россию М. В. Гудович в 1807 г. из Закавказья, где в то время шла война с Ираном. Сперва этой породой явно пренебрегали, но в 1817 г. на псарне у И. А. Коллрикова родился феноменальный кобель Сердечный, купленный генералом П. В. Изашкиным. Он перенял от своего горского отца удивительный азарт преследования, способность к длительной скачке, а его «подшвы» были непробиваемыми, ему были не страшны гололед и острые, как ножи, осколки крепкого наста, не говоря уже о замерзшей пакоте, на которой другие борзые часто калечились и надолго выбывали из строя. От своей псовой матери он унаследовал не только сложку и стати, но и бросок. Среди борзятников России Сердечный П. В. Изашкина был не менее знаменит, чем Зверь Г. Ф. Барятинского. С 1818 по 1823 г. он был единственным победителем садов, где бы они не происходили, да и в практической охоте не упускал любого зайца. Кроме всего, Сердечный был прекрасен одет. Свидетели его экстерьерных достоинств и работы (из числа самых азартных и состоятельных охотников) пытались приобрести щенков из его потомства, но он ничего выдающегося после себя не оставил. Тогда охотники за любые деньги стали приобретать кровных горских собак, а затем сводить их с псовыми и густопсовыми.

Турецкая кампания 1828 г. пополнила количество горок в стране, их непосредственное потомство от псовых сук, а именно Любезна А. А. Столыпина и Отрадна А. С. Хомякова в 30-е годы XIX в. повторили на садках успех Сердечного. «Надо было видеть», — писал П. М. Мачеварианов, — как господа саратовские, а в подражание им смежных губерний охотники, озадаченные горками, кинулись добывать собак с вислыми ушами. Тут не было разбора: ни кровности, ни породности, ни стати, ни лада, лишь бы висели уши». Это, пожалуй, была первая дань моде. Именно этому времени мы обязаны появлению многочисленных помесей русской псовой с горской и крымской восточными борзыми, а иногда вообще неизвестно с чем.

Данные о том, что этот процесс произошел только после Крымской войны 1853—1856 гг., приведенные в книге Н. Н. Челищева, изданной в 1936 г., неверны, ибо поголовное увлечение восточными борзыми к 50-м годам XIX в. резко пошло на убыль. В этой же книге Н. Н. Челищев пытается доказать, что часть псовых и густопсовых борзых, в том числе и собаки его «Челищевской» фамильной породы

остались кровными и не несут в себе ни капли восточной борзой крови. Это уже не легенда, а откровенная сказка. Версия эта выдумана полностью и опровергается тем, что предки автора гордились, что еще в 20-е годы создали свою породу с примесью куцей горки; это можно подтвердить документально.

По собранным материалам из журналов тех лет, по данным русских родословных книг о происхождении современных борзых, изданных в конце прошлого века отчетливо видно, что кровных псовых и густопсовых давным-давно не осталось. Псовыми и густопсовыми еще в 60-е годы XIX в. называли тех собак, на которых меньше, чем на других, сказалось прилитие крови восточных борзых. Такие собаки прежде всего сохранились в тех немногих охотах, где работа над породой велась целенаправленно, то есть путем планолистического скрещивания, четко придерживались типа псовой и густопсовой борзой. В массе же своей поголовье собак тех лет утратило присущую старым собакам оброслость, большинство потеряло строгую затяжку ушей, их концы стали опускаться вниз (ухо с кривью) и именно эту разновидность мешаных собак стали называть чистопсовыми.

Впервые этот термин употребил в 1846 г. в своей книге об охотничьих собаках Н. Реут: «Таким образом», — писал он, — произносятся псовистая или псовая борзая, мы определяем тип русской борзой собаки. Виды ее по количеству псовины определяются выражениями: густопсовая, псовая и чистопсовая. Отличительный характер первых двух составляет длинная шерсть или псовина, иногда в завитках по всему туловищу, кроме щипца, головы, ушей и ног. Чистопсовая собака не опушена псовиной по туловищу, но имеет ее на правили, краям бедер и по бокам шеи».

Теперь, когда мы попытались разобраться в причинах появления чистопсовой разновидности русских борзых, нам стоит поговорить об очередной легенде, с годами превратившейся в гипотезу, которой до наших дней любят пользоваться владельцы бедно одетых современных русских псовых борзых. В своем фундаментальном труде о борзых, вышедшем в конце XIX в., П. М. Губин, оправдывая недостаточность «кодежды» собак собственного завода, отставил версию о том, что чистопсовые борзые — не потомки западных и восточных борзых, как это было на самом деле, а самая древняя коренная русская порода, ведущаяся в чистоте с древних времен, и происхождение ее названия идет от понятия «чистый пес», что говорит о том, что эти собаки без всяких примесей. В поддержку своей правоты он ссылаясь на некую рукописную книгу от начала XVIII в., где будто бы говорилось об этом, но самым занятным было то, что он никому эту книгу не показывал, хотя его неоднократно просили об этом. Только публикация рукописи «Регула» Х. Ласинга, найденной в 90-е годы, нанесла губинской версии серьезный, но, к сожалению, не окончательный удар.

Год 1861, год освобождения крестьян в России от крепостной зависимости, стал переломным годом в русской истории вообще и в истории русской псовой борзой в частности. На протяжении 60—70-х гг. большинство владельцев псовых охот,

особенно те, которые держали собак не из-за охотничьей страсти, а из тщеславия, лишившись бесплатных ловчих, псарей и загонщиков, постарались от своих собак избавиться. Количество борзых резко сократилось, но, как это ни парадоксально, порода от этого только выиграла. Вместе с усатыми и бородатыми брудастыми борзыми ушло в набитие огромное количество чистопсовых, ведущих свое происхождение от крымков, а также многочисленные выборзки, вообще не знавшие родства. Конечно, их участь разделила и некоторая часть нужных для будущего восстановления породы собак, но я смело могу утверждать, что не лучшая. Все самое ценное из распушенных охот, порой за весьма доступную цену, а порой и просто бесплатно, попало к новым владельцам, которые знали настоящую цену хорошей борзой собаки.

Этой жестокой отбраковке мы обязаны тем, что наша борзая сегодняшних дней имеет совершенные формы и сохранила многие из лучших рабочих качеств, присущих только этой породе. Немногочисленные сохранившиеся псовые охоты теперь уже велись рациональнее и серьезнее, разведение породы шло экономнее, без ненужных затрат на неоправданные и сомнительные опыты, случавшиеся в прошлом не раз.

В 1875 г., когда почти все из известных борзятников страны собрались в Москву на свой первый съезд, всем или почти всем присутствующим стало ясно, что с существующим поголовьем борзых собак вряд ли удастся вести отдельно густопсовую, псовую и чистопсовую разновидности. Было своевременно и мудро решено, что единственная возможность сохранения породы вообще — объединение трех существующих типов породы русских псовых борзых в единственный — современную русскую псовую борзую.

После этого важного события было еще 13 лет беспримерных по накалу сражений не только словесных, но и заполонивших страницы многочисленных охотничьих журналов тех лет бескомпромиссных баталий, где старые и молодые борзятники «ломали копья», выясняя желаемые стати будущей новой породы. А. С. Вышеславцев и С. С. Кареев ратовали за густопсовую, П. М. Губин, оставаясь верен себе, — за чистопсовую, а Мачеварианов и Ермолов, поддерживаемые мыслящей молодежью, среди которой выделялись С. В. Озеров, Н. А. Болдарев и А. П. Вальцов, шли по пути к созданию нечто среднего — современной русской псовой борзой. Время доказало, что именно они были правы, ибо их коллективное детище мы с вами знаем и любим до сегодняшнего дня.

В 1888 г. Н. П. Ермолов было поручено написать стандарт современной русской псовой борзой, с этим заданием он блестяще справился. Именно этот год можно по справедливости назвать годом рождения одновременно и древней и юной породы, взявшей от своих многочисленных предков все самое лучшее. Именно так я представляю себе многовековую историю нашей породы, другого пути ее создания быть не могло. Я люблю ее прошлое, но в настоящее время меня все больше и больше волнует ее будущее, но я хочу верить, что далекие потомки моих и наших собак еще не одно столетие, удивляя и радуя людей будущего, сумеют достойно делить с ними пищу и кров.

Парад участников.

Фото Б. ЮРЧЕНКО

САДКИ ПСОВЫХ БОРЗЫХ НА ЗЛОБУ

В 1980 г. в правила испытания борзых собак был введен раздел «Правила садок борзых на злобу». С его появлением многие борзятники начали вести соответствующую работу для того, чтобы провести такие испытания. В 1982 г. Липецкое областное общество охотников и рыболовов организовало испытания русских псовых борзых на злобу по матерому подсадному волку.

Садки устраивались в 15—18 км от Липецка на одном из полей совхоза «Красный колос». Ровное открытое жнивье было окружено с западной и восточной сторон оврагами с кустарниками, небольшими сосновыми лесочками, с южной — широкой лесополосой, с северной — глубокой пахотой. Место оказалось удобным для проведения садок.

К испытаниям было подготовлено два матерых волка: волчица шести и волк восьми лет.

Первые Липецкие областные садки по волку на злобу состоялись 21 ноября, на них испытали 15 собак, из них три были расценены на диплом III степени: Гордый (68 баллов) и Пчелка (65 баллов) В. М. Погаева, Буян (62 балла) В. П. Болдина — все собаки из Липецкой области.

На вторые испытания (12 декабря 1982 г.) были приглашены борзятники Московского и Ленинградского ВОО, Ленинградского, Тульского, Харьковского и Ждановского областных обществ охотников. Испытания начались с торжественного открытия. Затем по распоряжению главного судьи из легкого алюминиевого ящика выпустили волка. Зверя не соструживали. Условия позволяли пускать борзых на большие дистанции — от 200 до 250 м. Для того чтобы приемщикам было удобно брать волка из-под собак, ему выше скакательного сустава задней левой ноги закрепляли специальный поводок, длиной около 30—40 м, конец которого оставался свободным.

В испытаниях участвовало 28 собак; из

них только три были расценены без присуждения диплома: Жрица и Гейша из Москвы, Великолепный Ленинградского ВОО.

Первые и вторые липецкие садки показали, что наши борзые проявили мало злобы к волку. Этому не следует удивляться, так как садки на волка у нас не проводились. Многие поколения борзых не видели этого зверя. Необходимо отметить, что несмотря на это, они не боялись его и не убегали. Наоборот, многие преследовали, окружали, смело подходили, некоторые старались брать, но настоящих хваток по волку не получалось. Все это убеждало в том, что восстановить столь необходимое и важное качество борзых — злобу — возможно, но потребуется немало времени и усилий для того, чтобы это сделать. Необходимо планировать и организовывать работу по испытанию русской псовой борзой на злобу и проводить их чаще.

Хочу заметить, что испытания борзых по волку — дело не простое, к ним надо тщательно готовиться. Довольно трудно приобрести волков, их содержать и выращивать. Первые садки и притравки лучше проводить по прибылому волку, затем переярку и матерому.

Для дальнейшей работы с породой русской псовой борзой важно, чтобы такие садки проводились в областях, где есть русские псовые. Это позволило бы в дальнейшем проводить и состязания борзых на злобу.

Полевые испытания, правильно организованные и хорошо проведенные, помогают оценить борзых и являются прекрасным методом отбора племенных производителей для последующего получения работоспособных породных борзых собак для охоты не только на лисицу и зайца, но могут быть применены и для охоты на волка.

С. БЕЗДЕННЫХ

СТРЕЛЬБА НАВСКИДКУ

Д. ПОЛЯКОВ,
оружиевед

Охотник, особенно начинающий, должен усваивать лучшие охотничьи традиции. Настоящий охотник получает удовлетворение от охоты только тогда, когда она носит спортивный характер. Это означает, что основным методом стрельбы на охоте по пернатой дичи должна быть стрельба влет. Она автоматически исключает стрельбу по неподвижному молодяку. Но и при стрельбе влет недопустима и запрещена стрельба на авось по стаям дичи. Стрелять можно только по конкретно избранной одиночной цели. Охотник, научившийся стрелять хорошо, правильно использует возможности дробового ружья и стреляет в пределах дальности действительного поражения. При этом, дичь, как правило, поражается чисто, а в случае промахов они также получаются чистыми. При такой стрельбе подранков обычно не бывает.

Из известных способов стрельбы влет наиболее результативна стрельба навскидку. Независимо от того, как начинает стрелять охотник, рано или поздно он поймает, что стрельба навскидку доставляет истинное удовольствие. Без умения стрелять этим способом охотник начинает чувствовать себя неполноценным. Он всегда будет понимать, что знающие, быстро попадающие в цель не для него. Поэтому он сам начнет в конце концов стремиться к освоению стрельбы навскидку, но это будет значительно труднее, так как устоявшиеся привычки будут давать о себе знать. Опыт стрелковых школ, где начинающих обучают только стрельбе навскидку, свидетельствуют в пользу того, что начинать обучаться стрельбе нужно именно с этого метода.

Прежде чем перейти к изучению особенностей стрельбы навскидку, начинающий охотник, да и тот, кто ранее не пользовался этим способом, должен сделать для себя несколько ясных и четких определений. Для начала нужно уяснить разницу между стрельбой пулей из винтовки или из гладкоствольного ружья и стрельбой дробью по движущейся цели. В первом случае при прицеливании мы совмещаем три точки: целик, мушку и цель и, стремясь удерживать это совмещение, плавно нажимаем на спусковой крючок. Во втором случае мы в доли секунды направляем ружье в точку поражения цели дробовым снопом и одновременно нажимаем на спусковой крючок. В первом случае взгляд фокусируется на прицельных приспособлениях, во втором — на цели. Если охотник не усвоит разницы между направлением ружья и прицеливанием, он никогда не сможет освоить стрельбу навскидку, так как при этом привычного и известного всем с детства прицеливания, то есть совмещения целика, мушки и цели, не происходит и не должно происходить. Спусковой механизм гладкоствольных ружей в отличие от винтовочного конструктивно создан так, что сход курка с шептала происходит без

предварительной потяжки, мгновенно, по достижении необходимого спускового усилия. Это не большово, на первый взгляд, отличие обеспечивает единообразие временных моментов от принятия решения на выстрел до фактического выстрела, чем достигается высокая результативность при стрельбе по быстро движущимся целям.

Если при стрельбе из винтовки стрелок, нажимая на спусковой крючок, не знает, когда произойдет выстрел и, затем дыхание, стремится к удержанию целика, мушки и цели в определенном положении во время плавного нажатия на спусковой крючок, то стрелок из дробового ружья должен четко и точно определить момент нажатия на спусковой крючок, то есть момент выстрела, иначе он промахнется. Если то же самое попытается сделать стрелок из винтовки, он вряд ли добьется желаемых результатов, так как «сорвет» винтовку. Эти различия, хотя о них мало говорят, носят принципиальный характер и являются основополагающими для различных видов стрельбы.

Нужно всегда помнить, что дробовое ружье имеет ограниченную дальность действительного поражения. Так, из стволов со сверловкой, близкой к цилиндрической, оптимальная дальность действительного поражения находится в пределах 17—30 м (максимально — 35 м), а из стволов со сверловкой полный чок 25—45 м (максимально — 50 м). Эти ограничения предъявляют к охотнику свои требования. Он должен уметь правильно и быстро определять расстояние до цели, как до неподвижной, так и до быстро движущейся. Это не такая простая задача, как представляется на первый взгляд. Чтобы не отклоняться от основной темы, хочу лишь отметить, что в различных условиях местности в зависимости от освещения, густоты растительного покрова, а также размеров дичи, человеку свойственно ошибаться в ту или иную сторону при определении расстояния до нее. От грубых ошибок охотника может избавить только постоянная тренировка в определении расстояния до предметов в условиях, приближенных к условиям охоты с последующей проверкой шагами.

Относительно правильного определения расстояния до движущейся цели нужно как для того, чтобы не стрелять за пределами дальности действительного поражения дробового ружья, когда промах становится закономерной неизбежностью, так и для того, чтобы правильно определять величину упрядения.

Трудно ли научиться стрелять навскидку? Ответ зависит от того, каких результатов вы хотите добиться. Если сравнить трудности достижения средних спортивных результатов (3, 2 и 1 разряды) на круглом стенде, то они ничуть не больше, а для некоторых лиц даже меньше, чем достижение таких же результатов в

легкоатлетических или игровых видах спорта (волейбол, футбол, хоккей, баскетбол, городки, теннис). Я встречал начинающих охотников, которые уже после нескольких тренировок на круглом стенде выполняли норму 3 разряда. Разница в результатах среднего стрелка и стрелка высшего класса заключается в основном в волевых качествах и постоянстве тренировок. В принципе почти каждый человек с нормальной координацией движений, нормальным зрением и спортивным темпераментом может научиться хорошо стрелять навскидку и достичь высоких результатов в стрелковом спорте. Но для этого нужно строго придерживаться определенных правил.

Стойка при стрельбе. Если посмотреть со стороны на стрельбу хорошего охотника или стендовика, то первое, что бросится в глаза, — это простота и непринужденность, с которой поражаются цели. Все это происходит так, как будто иначе и быть не может. И второе — кажется, что выстрелы производятся почти одновременно с появлением цели, непостижимо быстро для начинающего охотника.

Для достижения таких результатов прежде всего необходимо выработать правильную, удобную для стрельбы стойку. Она позволяет быстро поворачивать корпус стрелка направо и налево, обеспечивает устойчивое положение при необходимости повторного выстрела. Ступни ног нужно ставить на таком расстоянии друг от друга, чтобы между пятками было расстояние примерно на одну ступню, а между носками несколько больше. Если ступни ног расставить широко, то повороты корпуса будут затруднены и стрелок начнет делать поводку ружья движением рук, что приводит к промаху. Если ступни ног находятся слишком близко друг к другу, стрелок теряет устойчивость как при поворотах корпуса, так и при отдаче от первого выстрела.

Положение корпуса стрелка к плоскости стрельбы должно находиться под углом, примерно 45°. Ноги следует слегка согнуть в коленях, как при спуске на лыжах с небольшой горки. Корпус чуть наклонить вперед в сторону предполагаемого выстрела. Такая стойка дает возможность отдыха для всех мышц между выстрелами и обеспечивает возможность поражения целей только за счет поворота корпуса в секторе 150—170° без потери устойчивости.

Охотник должен правой рукой держать ружье за шейку приклада так, чтобы указательный палец серединой первой фаланги мог нажать на спусковой крючок. Левая рука держит ружье за цапву. Находящийся в такой стойке стрелок уже положением своего корпуса «прицелился» в заданном направлении еще до того, как приклад коснулся его плеча.

Прикладывание ружья. При стрельбе навскидку прикладывание ружья к плечу обычно совмещается с поводкой ружья:

В большинстве случаев прикладку ружья приходится производить в процессе поворота корпуса охотника. Правильная прикладка ружья в сочетании с правильной стойкой обеспечивает наведение ружья в ту же точку, куда смотрят глаза охотника. До прикладывания ружья к плечу охотник должен держать его так, чтобы вес ружья равномерно распределялся между правой и левой руками. Это определяется каждым охотником индивидуально путем подбора положения левой руки на цевье в ходе пробных прикладок. Когда охотник нашел нужное положение левой руки, нужно стремиться в любых условиях держать цевье в том же месте.

При прикладывании ружья его нужно сначала скинуть вперед и вверх, а затем, движением обеих рук прижать прикладом к плечу в плечевую впадину. При скидывании ружья правое плечо слегка приподнимается вверх, голова слегка наклоняется вперед. Когда приклад коснется плечевой впадины, гребень приклада должен прижаться к щеке охотника под правой скулой. Наблюдая за стрельбой хорошего стрелка, вы заметите, что он выбрасывает ружье вперед и вверх и беспрепятственно прикладывает его к плечу и щеке. В то же время он одновременно разворачивает корпус и смотрит туда, куда должен быть направлен выстрел. Как только ружье приложено, его стволы автоматически фиксируются в направлении взгляда стрелка, и он производит выстрел.

Наиболее распространенными ошибками у начинающих при прикладывании ружья являются:

1 — протаскивание приклада к плечу из-под мышки, что замедляет прикладывание, но обеспечивает постоянство прикладывания в одно и то же место — плечевую впадину; в результате приходится подправлять прикладку и стрельбы навскидку не получаются;

2 — охотник прикладывает ружье к плечу слишком низко и ему приходится сильно наклонять голову, чтобы щека легла на гребень приклада; такая привычка у некоторых охотников быстро укореняется, что замедляет прикладку, затрудняет стрельбу навскидку; некоторые тренеры говорят: «Хороший стрелок прикладывает ружье к щеке, плохой — щеку к ружью»;

3 — иногда охотник производит выстрел до того, как гребень приклада коснулся щеки. Хотя такое направление в стрельбе навскидку и существует, начинающему охотнику делать этого не следует, ибо этот способ требует устойчивых навыков стрельбы и владения ружьем, что дается не сразу. Начинающий охотник должен производить выстрел только после того, как щека коснулась гребня приклада, так как в данном случае мы получаем строго фиксированное положение стволов ружья, направленных в ту же точку, куда смотрят глаза охотника.

В процессе прикладки стволов ружья направляются в точку перехвата цели дробовым снопом и до нажатия на спусковой крючок удерживаются какое-то мгновение перед целью на величину упреждения, находясь в движении. Какое-то время поводка продолжается и после выстрела. Но все это происходит так быстро, что создается впечатление, будто при стрельбе навскидку поводка отсутствует. От стрельбы с короткой поводкой стрельба навскидку отличается тем, что, если в первом случае сначала осуществляется при-

кладка ружья, а затем начинается поводка, то при стрельбе навскидку прикладке ружья и поводке объединяются в одно движение.

В охотничьей литературе много пишется о ружьях прикладистых и неприкладистых. Не могу говорить о ружьях кустарного изготовления и ружьях с переделанными прикладами, но стандартные ружья заводского изготовления производятся с учетом последних научных исследова-

Прикладка ружья к плечу и щеке. Стрелок слегка наклонен вперед, правое плечо приподнято, щека прижата к гребню приклада. Руки заняли положение, удобное для стрельбы.

ний и являются прикладистыми для абсолютного большинства охотников. Конечно, приклад, изготовленный на заводе на заказ, по снятой с охотника мерке, лучше стандартного. Но насколько лучше? Об этом мало задумываются и мало пишут. Опыт лучших стрелков мира убедительно доказывает, что при сравнении результатов стрельбы из ружей с стандартными прикладами заводского изготовления и из ружей с прикладами, изготовленными лучшими оружейниками мира на заказ, последние показывают улучшение результатов стрельбы у различных стрелков на 2—5%. Для спортсменов высшего класса это вынужденное улучшение, но вряд ли оно может быть ощутимо даже очень хорошим охотником на охоте. Там возникает настолько много дополнительных помех, что они с избытком перпокроют эти 2—5% возможных промахов, связанных с недостаточной прикладистостью заводских ружей. Вот почему не следует искать причины неудач в неприкладистости ружья; ищите их в ваших ошибках и исправляйте их.

Прицеливание. О стрельбе навскидку некоторые оружейники пишут, что при этом методе охотник стреляет «как бы не целясь», но это далеко не так. За счет чего же происходит прицеливание при стрельбе навскидку? За счет того, что человеку свойственно направлять свои действия туда, куда смотрят глаза. Так, человек довольно метко может бросать камни, снежки, мяч; плотник бьет молотком по шляпкам гвоздей, не промахиваясь; хоккеист посылает шайбу в ворота клюшкой; футболист забивает мяч в ворота ногой; теннисист, сам находясь в движении, перехватывает ракеткой мяч и посылает в сторону противника с завидной точностью... И все это делается без каких-либо прицельных приспособлений! Стрелок из дробового ружья находится по сравнению с другими спортсменами в

сравнительно выгодном положении. Он стреляет дробью, которая при выстреле покрывает значительную площадь. На оптимальных дистанциях стрельбы диаметр круга действительного поражения дробового снопа достигает 106 см и имеет площадь 8824 см², то есть без малого квадратный метр. Такая площадь действительного поражения гарантирует от промахов при незначительных погрешностях в точности направления стволов ружья при стрельбе навскидку.

Стрельба навскидку, как и всякая другая, должна вестись с обоими открытыми глазами. Тот, кто прищуривает один глаз при наведении ружья в точку перехвата цели, лишает себя данного ему природой бинокулярного зрения. При этом затрудняется оценка расстояния и снижается острота зрения. Вся картина в момент выстрела представляется не так четко и запоминается хуже. Только когда у охотника, стреляющего с правого плеча, командным является левый глаз, нужно либо прищуривать его, либо переучиваться на стрельбу с левого плеча.

В момент обнаружения цели охотник должен сосредоточить на ней все свое внимание. В это же время производится оценка расстояния до цели, направления ее полета, определяется упреждение. Как только величина и направление упреждения выработаны, а это происходит одновременно с прикладкой ружья (и, конечно, без каких-либо математических расчетов), охотник параносит взгляд в точку перехвата цели дробовым снопом. При этом цель продолжает находиться в поле зрения охотника. Если охотник не перенесет своего взгляда в точку перехвата цели дробовым снопом, он промахнется, так как упреждения не получится. Прицельную планку (стволы) охотник видит не в фокусе, очень расплывчато. Некоторые отличные стрелки, сосредоточив внимание на цели, говорят, что они вообще не видят стволов, но это, конечно, не так. Стволы они видят, потому что при правильной прикладке они находятся в поле зрения охотника, но в порыве увлечения они так мало обращают на них внимания и так расплывчато видят их, что у них может сложиться впечатление, что они их не видят вообще.

Как уже отмечалось, дальность стрельбы из дробового ружья ограничена: Охотник должен успеть выстрелить, пока цель находится в зоне действительного поражения. Начинающий охотник должен привыкнуть себя стрелять быстро даже в том случае, если есть время на выцеливание дичи. Как только начинается выцеливание, поводка замедляется, дичь уходит за пределы досягаемости выстрела и в результате — закономерный промах. Если в начале обучения охотник стреляет быстро и промахивается, это беда поправима. Как говорят, для начала лучше промахнуться в хорошем стиле стрельбы, чем попасть в плохом. Плохие привычки укореняются и исправлять их в последующем очень сложно.

Проблема упреждения. Определение величины упреждения больше других стрелковых проблем вызывает споры и противоречивые высказывания. Создано огромное количество различных схем, таблиц, графиков и рисунков, показывающих, каким должно быть упреждение при стрельбе по быстро движущимся целям в том или ином случае. Эти пособия показывают величину и направление упреждения. Изучение таких пособий для

начинающего охотника полезно, так как они дают основу для размышлений и приучают думать о необходимости упреждения, что создает предпосылки для выработки конкретных навыков стрельбы.

Существует также значительное количество прицельных приспособлений, которые оказывают помощь начинающим охотникам в определении упреждения. Некоторые охотники на первоначальном этапе обучения стрельбе пользуются такими приспособлениями, но как только основы стрельбы навскидку осваиваются, необходимость в таких прицельных приспособлениях отпадает, и охотник ими больше не пользуется.

Сложность решения задачи по определению упреждения заключается в чрезвычайно сжатых сроках, отпущенных для ее решения, в невероятно больших количествах вариантов стрельбы по летящей дичи, в том, что человеку свойственно ошибаться как при определении дальности до летящей дичи, так и в определении направления и скорости ее движения. Так, упреждение, достаточное для поражения птицы, летящей от вас на расстоянии 30 м, приведет к промаху по этой же птице, летящей от вас на расстоянии 40 м. Много досадных ошибок делается даже опытными охотниками в связи с неправильным определением угла взлета или посадки дичи. Да и различная дичь отличается друг от друга и по скорости полета, и по манере поведения в полете.

Но самое главное — это то, что каждый человек индивидуален, и практически невозможно встретить двух одинаково стреляющих охотников. Между лицами, недооценивающими этот фактор, обычно и возникают споры или недопонимания, когда они не соглашаются друг с другом относительно величины упреждения в каком-то конкретном случае. На самом же деле один может обладать быстрой реакцией, другой — замедленной. Обычно каждому кажется, что он обладает быстрой реакцией и что он нажимает на спусковой крючок, как только в мозгу созрело решение на производство выстрела. Фактически же у каждого человека время от принятия решения до нажатия на спусковой крючок различно, а даже разница в 0,05 с влияет на величину упреждения. Скорость прикладывания ружья и поворота корпуса также различна у каждого охотника, а это, в свою очередь, дает различную скорость поводки ружьем. Нужно также учитывать, что у каждого конкретного охотника быстрота реакции может изменяться в зависимости от настроения, состояния здоровья, количества тренировок и т. д.

Обычно чем быстрее поводка ружьем, тем меньше упреждение. Опыт показывает, что если при быстрой поводке бывает достаточным упреждение в 30—40 см, то при медленной поводке оно может достигать 1,5—2 м, а при поводке с остановкой ружья — 3—4 м. Но могут быть и такие случаи, когда охотник обладает быстрой поводкой, но медленной реакцией выстрела. У такого охотника при упреждении 30—40 см будут промахи, и для попадания ему потребуются большие упреждения. И наоборот, можно встретить лиц с медленной поводкой, но быстрой реакцией выстрела (мускулатура рук более развита и тренирована, чем мускулатура тазобедренного пояса). Коротко говоря, великое разнообразие человеческих характеров, темпераментов, физиологических особен-

ностей и образа мышления не позволяет однозначно решить вопрос, каким должно быть упреждение при выстреле по быстро движущейся цели у того или иного охотника. Этот вопрос каждый охотник должен решать самостоятельно, либо, с помощью хорошего тренера или опытного старшего товарища.

Но не нужно и преувеличивать трудности проблемы упреждения. Она успешно разрешается с приобретением опыта стрельбы на основе особенностей нашего мозга запечатлеть в памяти только положительные результаты стрельбы. Промахи в памяти охотника фиксируются только тогда, когда он точно определил их причину и, следовательно, может ее устранить. Остальные в памяти не сохраняются. Попадания же фиксируются в памяти охотника всегда и сохраняются на всю жизнь. При этом наш мозг фиксирует в памяти не только положение стволов по отношению к дичи, но и стойку охотника, скорость прикладывания ружья, быстроту поводки стволами и т. д. В дальнейшем при аналогичных ситуациях наш мозг выдает нам своевременную и точную команду на выстрел, очевидно, решая ее ассоциативным методом. Поэтому для каждого охотника важна личная стрелковая подготовка, личный положительный опыт стрельбы.

Тренироваться в стрельбе навскидку лучше всего на стенде, но условия для этого есть далеко не у каждого. Можно также тренироваться в стрельбе навскидку в любом стрелковом тире, как из пневматического ружья, так и из малкалиберной винтовки. Стрелять можно и по неподвижным, и по движущимся целям, но при этом нужно забыть о мушке и целике, сфокусировать взгляд на цели и при касании приклада к плечу нажимать на спусковой крючок. Добившись результата, перейти к стрельбе с поворотом корпуса.

Можно к охотничьему ружью приспособить фонарик, луч которого совместить с направлением прицельной планки или с осью канала ствола. Луч фонарика сфокусировать узким пучком. Фонарик должен включаться при нажатии на спусковой крючок. С таким приспособлением можно успешно тренироваться в комнате.

Перед каждой тренировкой, как и перед выходом на охоту, очень полезна физкультурная разминка для рук и тазобедренного пояса.

Таковы основные положения стрельбы навскидку. Освоив их, охотник может приступить к постижению тонкостей этого способа стрельбы, стрельбы дуплетом, а также быстро научиться методу стрельбы с тщательным выцеливанием дичи, если в этом возникнет необходимость.

Но чтобы результаты стрельбы навскидку удовлетворяли вас, нужно твердо помнить основные ее положения: соблюдать правильную стойку в предвидении выстрела; правильно и однообразно прикладывать ружье при однообразном положении правой руки на шейке приклада, левой — на цевье; направлять ружье и делать поводку им только поворотами корпуса; стрельбу вести с обоими открытыми глазами, взгляд фокусировать на дичи, перед нажатием на спусковой крючок смотреть в точку перехвата цели дробовым снарядом; выстрелы производить быстро, без задержек, не останавливая движение стволов; помнить результаты стрельбы.

ГДЕ ОТРЕ

И. ШИШКИН

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» поставлена задача: «Значительно расширить выпуск запасных частей, узлов и агрегатов к машинам, оборудованию, транспортным средствам и приборам». (Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 154). Ружье — это тоже машина, точнее, метательная машина, в которой в качестве энергии используются расширяющиеся пороховые газы. И как всякая машина, ружье время от времени выходит из строя и требует ремонта, который невозможен без наличия определенного ассортимента запасных частей и узлов. Однако отремонтировать охотничье оружие в ряде районов нашей страны становится все труднее и труднее, а кое-где это стало вообще невозможным.

Об этом убедительно свидетельствует поток писем читателей, резко возросший в последние три-четыре года. Письма с жалобами на невозможность отремонтировать ружье или купить к нему запчасти идут со всех концов страны — как из густонаселенных районов России и Украины, так и из глухих мест Сибири и Дальнего Востока, как от охотников-любителей, так и от промысловиков.

«Нас — промысловиков и любителей» — в Горьковской области примерно 30 тыс. Но горе у всех одно: надежде отремонтировать ружье», — пишет Н. Толстобров (г. Горький). «По личной неосторожности», — пишет Н. Баранов (г. Приморск-Затонойской обл.), сломал шейку у ИЖ-54. Убедительно прошу сообщить, где можно произвести ремонт». Те же вопросы задают А. Шильников (ст. Курагино Красноярского края), В. Борисенко (пос. Горные ключи Приморского края) и сотни других охотников.

Чем же вызван этот поток писем?

Главная причина — отсутствие мастерских или отказ принять ружье в ремонт из-за отсутствия запасных частей. Охотник С. Гуськов (п/о Бареславка Волгоградской обл.) пишет: «Вы мне прислали адреса мастерских по ремонту охотничьих ружей. И стал я писать по этим адресам, всего написал в 16 мастерских, но все отказались ремонтировать ружье». «Второй год пытаюсь отремонтировать ТОЗ-34-28 и безрезультатно. Во Владивостоке мастерской нет, а из Хабаровска ответили, что мастерская не работает». (И. Продецкий из пос. Дальнегорск Приморского края). «Не берем», «нет мастерской», «запасных стволов, лож нет» — отказы, отказы, отказы...

Другая причина — охотник не может купить запасные части. «Телер», — пишет В. Данилаевич из сел. Красноярской обл., — базы Пзылпорта приклады не выкупают». «Я обратился на завод с просьбой продать мне новый ствол. С завода, — сообщает М. Пирожков (сел. Пу-

ОТРЕМОНТИРОВАТЬ РУЖЬЕ?

довка Томской обл.), — мне ответили, что продажей деталей он не занимается. И так, заводы и посылторги запчастей (включая стволы и ложи) не высылают. А так как запасных частей, как правило, нет в охотничьих магазинах (включая столичные), так как оружейные мастерские не продают запчасти охотникам, то даже те из них, кто умеет ремонтировать оружие, не в состоянии это сделать.

Невозможность вовремя отремонтировать ружье отрицательно сказывается на выполнении планов сдачи охотничьей продукции. Вот что говорит В. Юцкович (Томская обл.): «Как быть охотникам Севера, где оружейные мастерские на многие сотни километров отсутствуют? Из-за малейшей порчи ружья срывается промысел». «В данный момент не могу выполнять договор на сдачу пушнина: отправил ружье на ремонт в Тулу, прошло пять месяцев, а ответа нет», — жалуется А. Саркисян из г. Физули Азербайджанской ССР. О срыве промысла или преждевременном его прекращении из-за невозможности быстро привести в порядок оружие свидетельствуют и многие другие письма, поступающие в редакцию.

Некоторые охотники, не видя выхода из создавшегося положения, пытаются отремонтировать ружье собственными силами. «В первый год охоты», — сообщает С. Сазонов из г. Целинограда, — подул правый ствол. В мастерской определили, что вина моя, а заменить ствол нечем. Осадил я как мог ствол, но бой уже некачественный».

Обнаружив ружья с «поддутыми» или плохо выправленными стволами, с разбитыми ложами или другими неисправностями, инспектора, проверяющие техническое состояние оружия, или егеря требуют списать такое оружие или — если это возможно — отремонтировать его в определенный срок. Ф. Деркач (пос. Слатино Харьковской обл.) пишет: «Лопнула пружина, а так ружье почти новое. А егерь общества говорит: раз ружье сломалось, значит, надо его списать».

Подобные предложения вызывают решительный протест охотников: «Неужели из-за мелкой поломки выбрасывать ружье стоимостью более 300 руб?» (Ф. Федченко, г. Семипалатинск). «Жалко бросать хорошую и дорогую вещь из-за небольшой поломки. Никто ведь не выбрасывает новый костюм из-за того, что на нем случайно появилась небольшая дырочка», — пишет И. Дежнев (г. Свердловск).

Не хватает не только мастерских и запчастей, но и мастеров. «В настоящая зима», — сообщает А. Ульянов из г. Новосибирска, — в нашем городе с населением 1,4 млн. человек нет ни одной оружейной мастерской: старые мастера поумирали, а их ученики побросали это дело».

Так обстоит дело на периферии. Ну, а каково положение в Москве?

В столице работают три оружейные мастерские: оружейная мастерская Производственного комбината МООиР, оружейная мастерская Центрального совета ВОО и гарантийная мастерская Тульского оружейного завода, обслуживающая жителей Москвы и Московской области.

Оружейная мастерская МООиР — одна из старейших в стране: она работает с 1899 г. Тогда это была «Специальная оружейная мастерская братьев А. и В. Никитиных». В 1929 г. она стала промышленно-кооперативной артелью московских оружейных мастеров. Ныне в мастерской работают четыре мастера; какого-либо другого персонала нет. Мастерская принимает в ремонт оружие только непосредственно от его владельца; посылками ружья не принимаются, так как пропускная способность мастерской не позволяет обслуживать иногородних охотников по почте. Мы обратились с рядом вопросов к старшему мастеру оружейной мастерской МООиР П. М. Демикову.

— Павел Михайлович, как у вас обстоит дело с запчастями? Откуда вы их получаете?

— Мы подаем заявки на запчасти в Росохотрыболовсоюз, но заявки наши удовлетворяются не полностью, многие запчасти получаем редко и в недостаточном количестве, а некоторые вообще не получаем.

— А что еще мешает вашей работе?

— Многие: отсутствие нормального помещения, нехватка инструмента, система оплаты. Посмотрите на нашу мастерскую: это полуподвал, который весной заливают сточные воды. Летом, когда отопление выключают, помещение сыреет, деревянные части — ложи, цевья — начинают впитывать влагу; зимой дерево подсыхает. Разве это нормальные условия для работы оружейной мастерской?

— Все вы — люди пожилые, а Борис Алексеевич Стрелюкин уже на пенсии, но, к счастью, продолжает работать. Так ведь? А где же ваша смена?

— Смены нет. Оружейных мастеров никто не готовит. А готовить их нам самим невозможно: не на чем учить молодежь. Нельзя же их обучать на ружьях клиентов! — Вы говорили об оплате труда. Сколько у вас получает мастер?

— Примерно 230 руб. в месяц. Но ведь это же мастера высочайшей квалификации, все — шестого разряда. Каждый создает в своем лице слесаря, токаря, столяра, термиста, специалиста по верчению... Вот уйдут они на пенсию, а заменить их нечем. Кто тогда будет обслуживать охотников столицы, не знаю...

— Еще такой вопрос: нам приходилось наблюдать, как наши мастера не просто производят текущий ремонт, а в полном смысле слова восстанавливают, рестав-

рируют ружье. Есть ли специальная оплата за такие работы?

— Нет, хотя ремонт и реставрация — совсем разные работы. Одно дело — обычный ремонт серийных ружей: при наличии запчастей это дело нехитрое. Совсем другое дело — восстановление старых, иногда очень ценных ружей, когда приходится вытачивать те или иные детали. Ясно, что второе — дело намного более сложное, трудоемкое и должно, конечно, оплачиваться выше.

— Что же нужно сделать, чтобы устранить трудности, мешающие работе мастерской?

— Обеспечить нормальным помещением, запчастями, оборудованием, инструментом (его мы не получали уже семь лет), спецодеждой; подумать об изменении оплаты труда, о подготовке смены...

Примерно так же обстоит дело и в оружейной мастерской ЦС ВОО. В ней также работают четыре мастера, также не хватает запчастей, вот только с помещением положение лучше: мастерская военных охотников расположена в новом здании, в светлом помещении. В гарантийной мастерской Тульского оружейного завода всего один мастер, который ремонтирует ружья ТОЗ. Ижевский механический завод гарантийной мастерской в Москве не имеет.

Как видим, положение с ремонтом охотничьего оружия, мягко говоря, неблагоприятное. Не хватает мастерских, мастеров, оборудования, инструмента, запасных частей. Парсылка ружей по почте в мастерские, на заводы крайне затруднена (подробно об этом см. «Охота и охотничье хозяйство», 1982, № 6), запасные части почтой охотникам не высылаются. В результате такого положения нередко прерывается, а то и срывается работа охотников, ведущих промысел пушного зверя, отстрел копытных. Из-за невозможности вовремя отремонтировать оружие его списывают (часто — практически новое), то есть происходит уничтожение значительных материальных ценностей. Частым явлением стало пребывание в угodyах охотников с оружием, находящимся в неисправном состоянии. Случается, что охотники, не имея ни навыков, ни инструмента, сами пытаются отремонтировать ружье, что далеко не всегда кончается благополучно и для оружия, и для его владельца, и для окружающих.

Такое положение с ремонтом оружия совершенно непереносимо. И тем, кто несет за это ответственность, полезно вспомнить о решениях партии и правительства по вопросам ремонтной индустрии, принятых в последнее время на основе постановлений XXVI съезда КПСС. В предыдущей статье «Ремонтная индустрия» («Правда», 11.05.1982) говорится: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании хозяйственного механизма заводы должны лучше учитывать интересы потребителей, давать не только выгодную для себя комплектацию запасных узлов и деталей, но и все, что им заказано... Необходимо больше внимания уделять подготовке кадров для ремонтного производства, совершенствовать оценку труда ремонтников».

В марте этого года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии и улучшении

ЗНАМЕНИТЫЕ РУЖЬЯ. ЛЕФОШЕ

Бытового обслуживания населения», в котором большое внимание уделено ремонту бытовой техники («Правда», 30.03.1983). В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросу соблюдения договорных обязательств по поставкам продукции говорится о том, что Госплану СССР и Госнабупу СССР необходимо «усилить контроль за экономным и рациональным использованием материальных ресурсов» («Правда», 16.04.1983). На совещании в ЦК КПСС, посвященном некоторым практическим вопросам развития сельского хозяйства и реализации Продовольственной программы, вновь был поставлен вопрос о неудовлетворительном состоянии ремонтной базы. В своем выступлении на совещании Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов сказал: «Медленно создается база ремонта и хранения техники, большое количество машин списывается преждевременно» («Правда», 19.04.1983).

Итак, мы видим, что решения, принятые партией и правительством, обязывающие Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропова наделить наше хозяйство на коренную перестройку всей ремонтной индустрии, улучшение обслуживания как населения, так и организаций, на качественные изменения в ремонте бытовой техники, орудий труда, машин, оборудования. Главная цель — рациональное использование материальных ресурсов, сохранение, восстановление и дальнейшая эксплуатация той техники, которая еще может нам послужить, но которая нередко списывается преждевременно. Словом, экономика действительно должна стать экономной. Все это, естественно, относится и к той технике, которая используется в охотничьем хозяйстве.

Учитывая тяжелое положение с ремонтом охотничьего оружия, опираясь на решения партии и правительства по вопросам ремонтной индустрии, следует, как мы полагаем:

1 — создать оружейные мастерские по гарантийному и обычному ремонту в тех пунктах, где этого требуют интересы охотников и охотничье хозяйство нашей страны;

2 — обеспечить оружейные мастерские помещениями, оборудованием, инструментом, запасными частями, кедром;

3 — наладить снабжение охотничьих магазинов необходимым ассортиментом запасных частей;

4 — запасные части для отечественных ружей тех моделей, которые уже не выпускаются, а также для охотничьего оружия зарубежного производства получать (с соответствующим оформлением) от списанных ружей; это спасет от уничтожения большое количество оружия, которое — после соответствующего ремонта — еще длительное время может находиться в эксплуатации.

Выполнение комплекса перечисленных мероприятий позволит наладить быстрый и квалифицированный ремонт охотничьего оружия и даст охотникам возможность более успешно выполнять задачи, стоящие перед отраслью.

Охотникам, добывающим мясо копытных и пернатой дичи, пушнину и кожсырье, ведущим охоту вредной хищников, должны быть созданы все условия для того, чтобы их основное орудие труда — ружье — работало безотказно.

О самом Казимира Лефаше, парижском оружейнике первой половины XIX в., нам известно сравнительно немного, хотя его вклад в развитие охотничьего оружия велик. На получившего «переломки» такой популярности в середине XIX в., вряд ли бы мы пользовались сегодня этим удобным оружием. Следует сразу же оговориться, что не Лефаше придумал «переламывать» ружья для перезарядки — этот принцип был известен оружейникам еще в XVIII в. Но в эпоху шомполного оружия с раздельным зарядом, при котором основной заряд пороха сыпался в ствол с дула, а воспламеняющий — на полку, идея казнозарядности была труднореализуемой. Правда, делались охотничьи ружья и пистолеты с откидывающимися стволами, заряжавшиеся металлическими патронами-камолами, но воспламенение пороха все равно производилось через затравочное отверстие в стволе и в самой гильзе. Эти гильзы ковались и сваривались из железа вручную, были тяжелы, стоили дорого. Чтобы унитарные патроны оказались дешевыми и практичными, нужен был иной способ воспламенения, и он появился в самом начале XIX в.

Изобретение взрывных ударных составов и капсул на их основе привело к появлению капсульного оружия и дело толчок к созданию патрона современного типа. И пока большинство оружейников находилось под гипнозом кремневого оружия, приспособившего капсулу все к тому же раздельному заряду, несколько изобретателей пошло иным путем. Они стали помещать ударный состав непосредственно в гильзу. Прорывом подобного патрона и даже казнозарядного ружья предложил в 1812 г. талантливый швейцарский изобретатель и оружейник Самюэль Паули, работавший в Париже. Но прошло еще полвека, прежде чем усилиями оружейников разных стран — французов Поттз и Шнейдера, чеха Кржики, англичан Ланкастера и Дэй — был создан патрон центрального боя для охотничьего ружья.

В основе изобретения Лефаше тоже лежала идея единого (унитарного) патрона, но она была реализована иным образом. Над своей конструкцией он начал работать в 1825 г. и через семь лет предложил переломную систему ружья, использующую оригинальные патроны. Ружье этой системы имеется в коллекции Государственного Исторического музея и представляет собой большую редкость. Оно позволяет понять, каким путем шла творческая мысль изобретателя. Это — охотничье двуствольное ружье с красивыми дамасскими стволами, изящно выполненное и со вкусом оформленное. На нем, к счастью, имеются надписи и клейма, позволяющие кое-что узнать о Лефаше. На прицельной планке выгравировано: «Патент изобретателя Лефаше в Париже», из чего следует, что мастер считал себя создателем этой системы,

а патентование — доказательством ее оригинальности. На боковых досках ударных замков золотом инкрустировано: с одной стороны адрес — «улица Биржи в Париже», а с другой (очень важное свидетельство!) — «бывшая мастерская Паули». Видимо, Лефаше считал себя преемником того самого Паули, который изобрел ружье и патрон центрального боя в начале XIX в. Если Лефаше действительно был связан с Паули, то он, несомненно, мог многому от него научиться. Ружье Исторического музея датировано 1834 г. и относится к ранним ружьям Лефаше, поскольку имеет номер 197.

В этой модели Лефаше использовал известную идею «переломки» ружья, но решил ее по-своему. Недостатком всех прежних систем было слабое закиривание опускающихся стволов. Оно осуществлялось простой защелкой, заходящей в паз под казенниками стволов. Многократное использование ружья быстро расшатывало это крепление, к тому же не позволявшее плотно прижать стволы к ствольной коробке. В переломке Лефаше стволы запирались специальным эксцентриком, заходящим в две подствольных крюка и приводимым в движение длинным рычагом под стволами (он так и называется — рычаг Лефаше). Он позволял с усилием загонять эксцентрик в пазы крюков и тем самым плотно притягивать стволы к ствольной коробке.

Естественно, что казнозарядное ружье Лефаше должно было заряжаться готовыми патронами. Ружье Исторического музея снабжено специфическими гильзами. Они представляют собой стальные, вороненные в синий цвет цилиндры длиной 90 мм, возле доньшка которых приварены брандтрубки. Решение совершенно неожиданное: ведь основная масса ружей 1830-х годов имела брандтрубку на стволе; через нее и поджигался пороховой заряд. Капсульная система Лефаше была изобретением, опережающим свое время. Однако патроны были неудобны для серийного изготовления, и оружейник должен был это понимать.

Мы не знаем хода его рассуждений, но следующий шаг, приведший его к успеху, он мог сделать, оттолкнувшись от патрона с брандтрубкой. Возможно, торчащая из гильзы брандтрубка привела оружейника к мысли заменить ее бойком. Лефаше убирает капсулу внутрь гильзы и вставляет в нее небольшой старженье, удар по которому взрывает капсулу и воспламеняет порох. Так появился знаменитый шпильчатый патрон (подробно о нем см. «Охота и охотничье хозяйство», 1981, № 3), удобство которого привело к массовому распространению переломных систем.

Между 1835 и 1837 годами Лефаше окончательно дорабатывает свою систему под шпильчатый патрон, дорабатывает и сам патрон, сделав его еще более простым и дешевым. Он предлагает бумажную гильзу, доньшко которой было

жидким. В доньшко помещался ударный состав и шпилька, гильза заполнялась порохом, дробью и запиривалась. Такую гильзу можно было перезарядить несколько раз, и в этом было ее неоспоримое удобство. Казенники стволов ружей Лафаше имели вертикальный профиль, в который входила шпилька, чуть выступая над срезом ствола. После выстрела гильзу можно было извлечь из ствола за эту шпильку. Замок ружья был очень прост и представлял собой разновидность ударно-капсюльного замка. Только головка курка была плоской, поскольку выполняла функцию ударника, бьющего по шпильке.

В 40—50-е годы XIX в. популярность ружей, изготавливаемых Лафаше, была так велика, что многие европейские оружейники стали выпускать оружие под шпильчатый патрон. Оно было широко распространено в Австро-Венгрии, где изготавливалось такими известными оружейниками, как мастера Штеле и Шпрингер в Вене, Лебеда в Праге, Лейтнер в Ишле, в Бельгии фирмой Янсена и т. д. Делались и различные варианты этого оружия. Например, пражский мастер А. Лебеда («Охотник», 1982, № 5) берет патент на двустволку под шпильчатый патрон с вертикальным

расположением стволов. Другой знаменитый оружейник, Гастинг-Ренетт в Париже, патентует ружье под шпильчатый патрон с отодвигающимися стволами, однако эта конструкция оказалась сложнее и капризна. В России петербургский оружейник Ф. Вишневецкий создает свой патрон, в котором шпилька вставлялась в центр доньшка вдоль гильзы, что можно рассматривать как один из вариантов будущего патрона центрального боя. Вишневецкий производил и оружие под свой патрон.

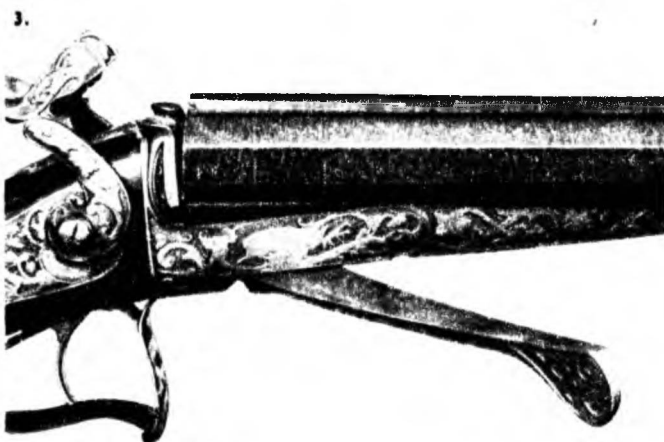
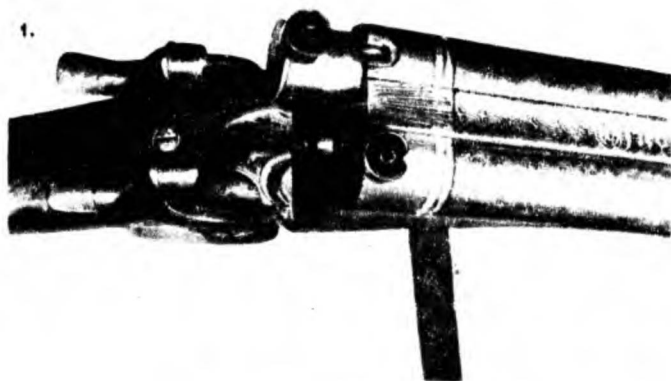
Система Лафаше — это целая эпоха в истории оружия. Начиная с нее пути боевого и охотничьего оружия расходятся, поскольку для боевого оружия переломное запираение слишком слабо, и в армейских винтовках применяют различные варианты скользящих, поворачивающихся затворов. Но для двуствольных и трехствольных ружей переломная система оказалась самой простой и удобной. Сконструированное в 1852 г. английским оружейником Ланкастером охотничье ружье под созданный им патрон центрального боя тоже было переломного типа, хотя мастер применил свой вариант запираения. То же можно сказать и о системе англичанина Дау, усовершенствованного в 1862 г. пат-

рон Ланкастера и предложившего свой вариант ружья с откидывающимися стволами. Несмотря на эти и многие другие изобретения, запираение рычагом Лафаше широко применялось в курковых ружьях центрального боя еще целых 50 лет, вплоть до начала XX в.

Влияние Лафаше на развитие оружейных конструкций проявилось не только в создании им переломной двустволки: в 1840-е годы он изготавливает многоствольный пистолет с вращающимися стволами под шпильчатый патрон с металлической гильзой. Эта система была запатентована Лафаше в 1846 г. и экспонировалась на первой Всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. Смерть оружейника в 1852 г. помешала ему закончить работу. Усовершенствовать эту конструкцию взял его сын Е. Лафаше, который создал в 1854 г. револьвер под патрон подобного типа.

Фирма Лафаше существовала и во второй половине XIX в., возглавляемая Е. Лафаше.

Ю. ШОКАРЕВ,
старший научный сотрудник
отдела оружия Государственного Исторического музея,
кандидат исторических наук

1. Охотничье ружье под металлические гильзы с Брандтубками. Рычаг отпирания сдвинут, ружье раскрыто. Хорошо видна гильза, выдвинутая из левого ствола. Мастер К. Лафаше. Париж, 1834 г.

2. Охотничье ружье под шпильчатый патрон Лафаше. Париж, 1860 г.

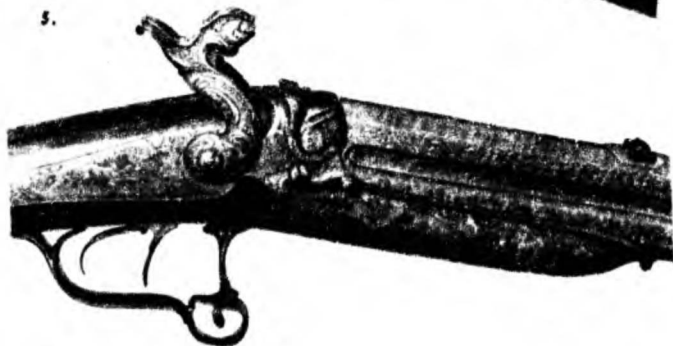
3. Центральная часть того же ружья. Рычаг сдвинут вправо, ружье приоткрыто.

4. Штуцер с вертикально расположенными стволами под шпильчатый патрон Лафаше. Мастер Лебеда. Прага, 1870-е годы.

5. Центральная часть того же штуцера. Ружье украшено великолепной гравировкой.

6. Двуствольное револьверное ружье под шпильчатый патрон Лафаше. Фирма «Е. Лафаше». Париж, 1860—1870-е годы.

Фото Л. БОЙЧЕНКО

„СТАРШИЙ БРАТ СВОИХ ГЕРОЕВ“

Исполнилось 100 лет со дня рождения писателя Бориса Житкова. Он родился в интеллигентной семье: его отец был преподавателем математики, автором учебников, мать — пианисткой. К ним тянулись образованные, прогрессивно и революционно настроенные люди. Широта культурных интересов семьи, отношение родителей к сыну как ко взрослому определили серьезность его ранних, не по возрасту, запросов и стремление к самосовершенствованию, к закалке воли.

Житковы жили в Одессе у моря, на военном молу. Борис целыми днями пропадал в порту. Он знал пароходы, организацию судового и портового дела. Его друзьями были грузчики, кочегары, ремонтники, относившиеся к нему с уважением и называвшие его, мальчишку, по имени-отчеству. Он жадно впитывал их речь, рассказы о море и кораблях. Его интересовали люди труда, влекло море. Мальчик рано обучился столярному мастерству, хорошо знал такежное дело, управлял парусом. Он самостоятельно изучал астрономию, метеорологию, занимался живописью, но самое главное — доводил до совершенства то дело, которым увлекался: плавая, он стал отличным пловцом; стреляя, бил без промаха влет перепелов; заинтересовавшись цирком, добился успехов в жонглировании и акробатике; хорошо знал кулинарию и огородничество; занявшись фотографией, получил первую премию на столичной выставке. Ему удавалось это благодаря организованности и самодисциплине, которую он воспитывал в себе с ранних лет.

Когда в 1907 году он окончил университет в Одессе, две кафедры, химии и ботаники, предложили ему остаться для научной работы. Но его привлекало более живое дело. Житков был назначен начальником экспедиции на Енисей для изучения фауны, флоры и самой реки. С помощью ярославских мужиков-переселенцев он собрал из доставленных заготовок экспедиционное судно, удачно провел экспедицию и поздней осенью 1908 года приехал в Петербург. Через год он снова стал студентом, одного из самых трудных факультетов Политехнического института — кораблестроительного.

В 1912 году Житков ушел на практику в плавание, в 1915 году был на практике в Архангельске, изучал деревянное судостроение, инспектировал суда перед выходом их в море. По окончании института работал на верфях в Николаеве, плавал на корабле и подводной лодке, специализировался по двигателям и в 1916 году был послан в Англию для приемки моторов к русским аэропланам. В канун Февральской революции вернулся в Петроград и вскоре переехал в Одессу, стал работать инженером в гавани. Летом 1919 года Одессу заняли белые. Чтобы избежать мобилизации в белую армию, Житков скрылся — жил в хибаре на пустынном берегу, существовал рыбалкой и охотой. Вместе с Советской властью вернулся в город, был направлен в Тираспольский уезд за-

БОРИС ЖИТКОВ

ведовать технической школой, потом преподавал в Одессе на рабфаке физику и химию. В 1923 году уехал в Петроград и встретился там с Чуковским, своим бывшим одноклассником, ставшим известным литератором.

Житков был превосходным рассказчиком, точно передававшим язык и интонацию тех, о ком рассказывал. По совету Чуковского он записал один из рассказов. Тот взял карандаш, чтобы поправить рукопись начинающего, — но править было нечего. Рассказ «Над водой» был написан просто и крепко, «житковским» лаконичным языком. Он был восторженно встречен редакцией детского альманаха «Воробей», где работал Маршак. Житкову шел тогда сорок второй год.

Житков обладал энциклопедическими научными знаниями, владел десятками ремесел, хорошо изучил людей и жизнь. Это был тот «бызайль» человек, которого так жаждал увидеть в советской зарождающейся литературе для детей Горький. В литературу пришел интеллигент с руками мастера и принес ту подлинно новую культуру, которая, по словам Горького, «начинается с уважения к трудовому человеку, с уважения к труду». Житков был мастером и в писательском деле. Еще раньше он приучил себя выражать мысли кратко и точно, писать без черновиков. Когда он переносил на бумагу свои устные рассказы, рукопись повторяла почти слово в слово то, что излагалось в разговоре. Эта дисциплина творческого труда позволила ему за пятнадцать лет работы в литературе выпустить фантастическое количество книг — около пятидесяти! Шла бурная отдача того, чем так

жадно и целеустремленно он насыщался. Борис Житков написал несколько рассказов для взрослых, большой роман «Виктор Вавич» о революционном движении 1905—1907 годов, создал пьесы... Но мировую известность ему принесли книги для детей. Он положил начало новому жанру научно-художественной детской литературы, написав несколько рассказов и повестей о технике, о вещах и машинах: «Пароход», «Телеграмма», «Про эту книгу», «Паровоз», энциклопедическую книжку для «граждан четырехлетнего возраста» «Что я видел» и другие. Житков принес детям романтику действия и знания, романтику веселого, спорного труда, романтику страстей по реальной, родной земле.

Особое место в творчестве Житкова занимают рассказы о животных. Они давно стали классическими в этом жанре литературы. У миллионов детей рассказы «Про слона», «Маггуста», «Про обезьянку» и другие пробудили интерес и любовь к животным, для многих из читателей изучение животного мира стало в дальнейшем делом жизни. Поступив по настоянию отца на математический факультет университета, Борис через год перешел на естественное отделение, убедившись еще раз, что советы следует сверять с элечениями сердца. Его рассказы о животных — это рассказы специалиста-биолога, облеченные в художественную, сюжетную форму. Они непогрешимо достоверны.

«Писать небрежно, неточно — это значит лгать», — приводит слова Житкова писательница Анна Гарф, бывшая сотрудница журнала «Юный натуралист». — Нет хуже лжи, чем ложь, напечатанная в детской книге». Некоторое время сотрудничал в «Юном натуралисте» и Житков. Он указывал на огромное значение и важность этого журнала, несущего миллионам ребят то знание природы и ту любовь к ней, которые обогащают жизнь любого человека, как бы ни сложилась его судьба.

Истории животных, о которых идет речь в рассказах, неотделимы от судеб людей. Любимые герои Житкова — это люди «высших человеческих качеств», которые он так настойчиво воспитывал в себе. Виталий Бианки называл писателя Житкова «старшим братом своих литературных героев». «Все дело в том, что ничего нет убедительнее личного опыта», — писал Борис Степанович в одном из своих писем. Пожалуй, он один и убедителен. И вот, чтобы писание было убедительным, надо сделать так, чтобы оно равнялось личному опыту.

Умер он уже давно, в октябре 1938 года, и прожил мало — пятьдесят шесть лет. До последних дней, несмотря на неизлечимую болезнь, он был полон творческих замыслов, делился планами создания большой книги «История корабля», мечтал спроектировать практичное судно для черноморских рыбаков. Он и в эти дни продолжал жить, ни на один оборот не сбавляя, — как он сам говорил, — вращения ума и духа.

В. ПЫЖОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы публикуем один из малоизвестных рассказов Бориса Житкова. В нем говорится о том тяжелом для писателя времени, когда он летом 1919 года скрывался на берегу моря от мобилизации в белую армию. С ним был мальчишка Володя.

Заметим еще, что совы полезные птицы и стрелять их в настоящее время запрещено.

МЫШКИН

Борис ЖИТКОВ

Вот я расскажу вам, как я мстил единственного раз в жизни, и мстил кровно, не разжимая зубов, и держал в груди спертый дух, пока не спустил курок.

Звали его Мышкин, котик моего покойного. Он был весь серый, без единого пятна, мышиною цвета, откуда и его имя. Ему не было года. Его в мешке принес мне мой мальчишка. Мышкин не выпрыгнул дико из мешка, вышагнул на пол, отряхнулся и стал языком приводить в порядок шерсть. Он ходил по комнате, извиваясь и волнуясь, и чувствовалось, что мягкий, ласковый пух змиг, как молния, обратится в стальную пружину. Он все время взглядывался мне в лицо и анимательно, без боязни следил за моими движениями. Я очень скоро выучил его давать лапу, идти на свист. Я, наконец, выучил его на условный свисток вскакивать на плечи — этому я выучил его, когда мы ходили вдвоем по осеннему берегу, среди высокого желтого бурьяна, мокрых рытвин и склизких оползней. Глухой глинистый обрыв, на версты без жилья. Мышкин искал, пропадал в этом разбойном бурьяне, а этот бурьян, сырой и дохлый, еще махал на ветру голыми руками, когда все уж пропало, и все равно не дождался счастья. Я свистел, как у нас было условлено, и вот уж Мышкин высокими волнами скачет сквозь бурьян и с маху сцепляется хвостками в спину, и вот уж он на плече, и я чувствую теплую, мягкую шерсть у своего уха. И я терся холодным ухом и старался поглубже задрать его за теплую шерсть.

Я ходил с винтовкой, в надежде, что удастся, может быть, подстрелить кролика, — которые здесь по-дихому жили в норах. Безнадежное дело пулей попасть в кролика! Он ведь не будет сидеть и ждать выстрела, как фанерная мишень в тире. Но я знал, какие голод и стрех делают чудеса. А были уж заморозки, и рыба в наших берегах перестала ловиться. И ледяной дождь брызгал из низких туч. Пустое море мутной рыжей волной без толсто садило в берег день и ночь, без перебоев. А жрать хотелось каждый день с утра. И тошная дрожь пробирала каждый раз, как я выходил и ветер захлопывал за мной дверь. Я возвращался часа через три без единого выстрела и ставил винтовку у угол. Мальчишка зарил ракушки, что насобирали за это время: их срывал с камней и выбрасывал на берег прибор.

Но вот что тогда случилось: Мышкин вдруг весь вытянулся вперед у меня на плече, он балансировал на собранных лапках и вдруг выстрелил — выстрелил собою так, что я шатнулся от неожиданного толчка. Я остановился. Бурьян шатался впереди, и по нему-я следил за движениями Мышкина. Теперь он стал. Бурьян мерно качало ветром. И вдруг писк, тоненький писк, не то ребенка, но то птицы. Я побежал вперед. Мышкин придавил лапой кролика, он аграриса зубами, в загривок и замер, напряжись. Казалось, тронешь — и из него брызнет хровь. Он на мгновение поднял на меня ярые глаза.

Кролик еще бился. Но вот он дернулся последний раз и замер, вытянулся. Мышкин вскочил на лапы, он сделал вид, что будто меня нет рядом, он озабоченно затрусил с кроликом в зубах. Но я успел шагнуть и наступил кролику на лапы. Мышкин заворчал, да так зло! Ничего! Я присел и руками разжал ему челюсти. Я говорил «тубо» при этом. Нет, Мышкин меня не царапнул. Он стоял у ног и ярыми глазами глядел на свою добычу. Я быстро отхватил ножом лапку и кинул Мышкину. Он высокими прыжками ускорился в бурьян. Я спрятал кролика и сел на камень. Мне хотелось скорее домой — похвастаться, что и мы с добычей. Чего твои ракушки стоят! Кролик, правда, был невелик! Но ведь сварить, да две картошки, эге! Я хотел уже свистнуть Мышкина, но он сам вышел из бурьяна. Он обливался, глаза были дикие. Он не глядел на меня. Хвост неровной плеткой мотался в стороны. Я астал и пошел. Мышкин скакал за мной, я это слышал. Наконец я решил свистнуть Мышкин с разбега, как камень, ударился в мою спину и змиг был на плече. Он мурлыкал и мерно перебирал когтиками мою шинель. Он терся головой об ухо, он бодал пушистым лбом меня в висок.

Семь раз я рассказывал мальчишке про охоту. Когда легли спать, он попросил еще. Мышкин спал, как всегда усевшись на меня поверх одеяла.

С этих пор дело пошло лучше: мы как-то раз вернулись даже с парой кроликов. Мышкин привык к дележу и почти без протеста отдавал добычу.

И вот однажды я глядел ранним утром в заплаканное дождем окно, на мутные тучи, на мокрый пустой огорошко и не спеша хурил папироску из последнего табачку. Вдруг крик, резкий крик смертельного отчаяния. Я сразу же узнал, что это Мышкин. Я оглядывался: где, где? И вот сова, распластав крылья, планирует под обрыв, в когтях что-то серое бьется. Нет не кролик, это Мышкин. Я не помнил, когда это я по дороге захватил винтовку, но нет, она круто зыбла под обрыв, стрелять уже было не во что. Я побежал к обрыву — тут ветер переносил серый пушок. Видно, Мышкин не сразу дался. Как я прозевал? Ведь это было почти на глазах, тут, перед окном, шагах в двадцати! Я знаю, она, наварное, сделала с ним, как я с зайцем: она схватила растопыренными лапами за зад и плечи, резко дернула, чтобы поломать хребет, и живого заклевала у себя в гнезде.

На другой день, еще чуть брезжил рассвет, я вышел из дому. Я шел наудачу, не ступая почти, осторожно, крадучись. Зубы были сжаты, и какая злая голова на плечах! Я осторожно обыскал весь берег. Уже стало почти светло, но я не мог вернуться домой. Мы вчера весь день не разговаривали с мальчишкой. Он сварил ракушек, но я не ел. Он спал еще, когда я ушел. И пса моего цепного я не погладил на его привет; он подвизгнул от горечи.

Я шел к дому все той же напряженной походкой. Я не знал, как я войду в дом.

Вот уже видна и собачья будка из-за бугра, вот пень от спиленной на дрова последней акации. Стой, что же это на пне? Она! Она сидела на пне, мутно-белого цвета, сидела против моего курятника, что под окном. Я замедлил шаги. Теперь она повернула голову ко мне. Оставалось шагов шестьдесят. Я тихо стал опускаться на колени. Она все глядела. Я медленно, как стакан воды, стал поднимать винтовку. Сейчас она будет на мышке. Она сидит неподвижно, как мишень, и я отлично вижу ее глаза. Они как ромашки, с черным сердцем-зрачком. Взять под нее, чуть пониже ног! Я весь замер и тихонько нажимал спуск. И вдруг сова как будто вспомнила, что забыла что-то дома, махнула крыльями и низко над землей пролетела за дом. Я еле удержал палец, чтобы не дернуть спуск. Я стукнул прикладом о землю, и ружье скрипело у меня в злых руках. Я готов был просидеть тут до следующего утра. Я знал, что ветер бы не застудил моей злобы, а об еде я тогда не мог и думать.

Я пробрался до вечера, скользил и падал на этих глиняных буграх. Я даже раз посвистел как Мышкину, но так сейчас же обозлился на себя, что бегом побежал с того места, где это со мной случилось.

Домой я пришел, когда было темно. В комнате свету не было. Не знаю, спал ли мальчишка. Может быть, я его разбудил. Потом он меня апотыхах спросил, какие из себя совиные яйца. Я сказал, что завтра нарисую.

А утром... Ого! Утром я точно рассчитал, с какой стороны подходить. Именно так, чтобы светлеющий восход бил ей в глаза, а я был на фоне обрыва. Я нашел это место. Было совсем темно, и я сидел не шевелясь. Я только чуть двинул затвор, чтоб прозвереть, есть ли в стволе патроны. Я закаменел. Только в голове недвижным, черным пламенем стояла ярость, как любовь, потому что только влюбленным мальчишкой я мог сидеть целую ночь на скамье против ее дома, чтобы утром увидеть, как она пойдет в школу. Любовь меня тогда грела, как сейчас грела ярость.

Стало светать. Я уже различал пень. На нем никого не было. Или мерещится! Нет, никого. Я слышал, как вышла из будки моя собака, как отряхивалась, греясь цепью. Вот и петух заорал в курятнике. Туго силится рассвет. Но теперь я вижу ясно пень. Он пуст. Я решил закрыть глаза и считать до трех тысяч и тогда зглянуть. Я не мог досчитать до пятисот и открыл глаза: они прямо глядели на пень, и на пне сидела она. Она, видно, только что уселась, она переминалась еще. Но винтовка сама поднималась. Я перестал дышать. Я помню тот миг, прицел, мышку, и ее над ней. Э тот момент она повернула голову ко мне своими ромашками, и ружье выстрелило само. Я дышал по-собачьи и глядел. Я не знал, слетела она или упала. Я вскочил на ноги и побежал.

Запнем, распластав крылья, лежала она. Глаза были открыты, и она еще поводила издернутыми лапами, как будто защищалась. Несколько секунд я не открывал глаз и вдруг со всей силой ударил прикладом по этой голове, по этому клюву.

Я позарнулся, я широко вздохнул в первый раз за все это время.

В дверях стоял мальчишка, распахнув рот. Он слышал выстрел.

— Ее? — Он охрип от волнения.

— Погляди. — И я кинул назад.

Этот день мы вместе собирали ракушки.

В НАЧАЛЕ АВГУСТА

Борис ПЕТРОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Была самая густая пора лета, стояли жаркие дни. В 10 часов еще тлели поздние сумерки. В северной части неба закат тихо передвигался к востоку, за дальние сумрачные горы, а купол свода был серым, и хотя краски летней зари уже погасли, но и темноты настоящей не предполагалось. С реки тянуло прохладой.

Сын уже спал в палатке, и я улегся, как всегда, настелив снизу помягче, но не укрываясь. И долго читал, пристроившись поближе к свече. А ночь все свежела. Но я так увлекся, что ежился, зябнул и никак не мог сообразить, что мне холодно. Наконец, дошло — я оторвался от книги и вышел из палатки с спальным мешком. Взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже два полнолуния.

Над темнеющим за песчаной косой плесом курился легкий туман. На берегу смутно чернели в вышине купы ветел. А над ними искрились звезды. За время светлых летних ночей я совсем забыл о них. Первая встреча после долгого перерыва была неожиданной. «Наверное, потому, что я выбрался со свету, ночь кажется темнее», — удивленно подумал я. Звездам положено украшать небо в августе...

Постепенно глаза обвыклись, и я увидел, что настоящей темноты все-таки нет. Небо глубокого синего цвета, почти лилового и краешек над горами начинал алет — стоял тихий час темноты. Но и звезды мерцали в небе. К тому же их было много, хотя светились они слабо, только народились. Для настоящих августовских созвездий нужен густой бархат фона, потому узорчатого ночного неба еще не было, но все же оно искрилось! Странное, трудно выразимое в словах состояние: и зорька июльская, и голубой сумрак, и звезды из августа — все сразу.

Значит, август со своими ночными бриллиантами подкрадывается исподволь, в тишине, когда все спит. И лишь на краткий середина час ночи первые звездочки выглядывают и начинают теплиться в небе. И я их случайно в этот таинственный час застал. «А вообще-то сегодня уже тридцатое июля», — сообразил я, — даже, собственно, пошло тридцать первое. Чему же удивляться. Не заметил, как лето проскочило...»

Утром мы долго не жили в палатке, потом неторопливо кипятили чай. Не хотелось никуда спешить, не хотелось никаких волнений и страстей... Я сидел на бревнышке у костра, ждал, когда кружка проостынет и поглядывал вокруг. Было такое ощущение, словно в мире что-то изменилось.

Мы жили на берегу Чулыма неделю, и все время стоял зной. С утра над луговинами жидкими пластами плавали душистые туманчики, а в небе начинали грозоздиться кучевые громады. Днем набегал ветер, плеса искрились, прибрежные тальники серебрились и струились

листвой. Солнце палило, песок на обширной отмели накалялся и пышел зноем.

Может, я все это придумываю? Не знал бы, что среди ночи впервые мерцали звезды, и ничего бы особенного не заметил. Возможно. И все-таки день был другой, не такой, как до этого. Ласточки-береговушки по-прежнему верещали над водой, солнце, как и вчера, палило, но... ветерок приносил прохладу, вон и листочки таловых сколько насорил вокруг, узеньких, бледных и невесомых, как перья. К вечеру ветер стих, и поплыли запахи — прибрежной мяты, вянущих трав с пастбища, сырых лозинников. Мята кажется тоже так настойчиво прохладно не пахла все эти дни... Нет, день все же сегодня другой — это был день августовский. На календаре последний июльский листок, но что значат наши календари для природы! Просто август нынче поторопился и прибыл раньше установленного нами срока.

И в довершение всего во время вечернего клева (мы лениво ловили на хлеб у травы сорогу) у Сережи, когда он тащил к берегу рыбешку, вдруг удочка чуть не выпетела из рук: кто-то мощно ударил в глубине. Мой рыбак до того растерялся, что похолодел, однако продолжал тянуть изо всей мочи.

— Папа! — выдохнул он шепотом.

Я отлянул, увидел выгнутое знаком вопроса удище, побледневшее лицо, успел подскочить и разглядел, как из бутылочно-зеленой глубины странно боком появилась белая рыбочка, перехваченная полерек чем-то вроде плоского утиноного клюва. У самого берега щука выпустила из пасти добычу, и гибкий хлыст выбросил серебристую рыбку высоко над Сережиной головой.

— Папа, что это? — растерянно произнес сын.

— Щука схватила! — Сорожка была наискось распорота по боку двумя бороздами. — Скажи спасибо, что леска уцелела.

— Я даже испугался, — сознался он. — Думал, кто-то удочку вырывает.

— Водяной!

— А у нее нос черный... как у крокодила. Папа, а если бы мы ее поймали, что с ней делать?

— Со щукой-то? В воду пустили бы.

— Зачем?!

— Продели бы в губу булавку и отпустили плавать, пока не понадобится.

— А! — удовлетворенно согласился он. — Я подумал — совсем.

Значит, все-таки август, раз начинается щучья пора... К следующему утру я стал готовить спиннинговую снасть. На закате ветер наконец утих, запад был сизо-красным, и на нем — черные силуэты топей и ветел. В сумерках заметно посвежело. Я сразу забрался спать в походный ватный мешок.

— Ты же доказывал, что больше всего на свете любишь смотреть на поплавок!

— вдруг спросил Сережка. Он долго устремлялся, возился и наконец затих в спальнике, я думал — уснул. Но, видимо, и его вечернее приключение не оставляло в покое. И вообще, он не мог упустить случая и не задать вопроса, на который не просто сразу ответить. Да я и сам почему-то чувствовал себя немного изменившимся.

Я с ранних лет бродил за отцом с ружьем, но первое время довольно прохладно относился к рыбной ловле. Например, как Сережка сейчас: клюет — и он с интересом сидит с удочкой, но стоит замереть клева, и азарт у него остывает, он начинает бродить по берегу, бросать в воду камешки. На самом рассвете, когда сердце истого любителя замирает от предвкушения, сын может лениво проговорить сквозь дрему:

— Что-то не хочется... Я, пожалуй, еще посплю.

Точно таким я был в его годы. Но постепенно рыбацкая страсть разгоралась во мне и с годами заняла в душе место наравне с ружейной охотой. Причем именно азарт удильщика, настоящего поплавочника — пристрастие к созерцанию тихих вод и ожиданию поклевы. В Сибири я, правда, пристрастился еще к блеснам и постепенно завел полную спиннинговую охоту. Сам удивляюсь: казалось бы, так далеко это изобретение спортсменов-англичан от нашего мирного терпеливого ужения! Но страсть к поплавку и спиннингу, у которого поплавок вообще нет, с некоторых пор странным образом уживаются во мне. Как если бы некая неутомимая лисица и простодушная тетерка жили под одной крышей. В летние месяцы я все-таки предпочитаю ловить на Чулыме сорогу в проводку, мечтая об изрядке попадающихся могучих язях с альби перьями. Но в августе... В августе начинает холодать и светлеть вода в реке, росы становятся свежими, туманы — густыми, ночи — звездными. Август для меня — пора спиннинга. И я изменяю любимому поплавку.

— Конечно, — задумчиво проговорил Сережка, не дождавись моего ответа, — такую щуку поймать! Не то что ельщик.

Не отрицаю: подержать на удочке крупную рыбу — настоящее рыбацкое счастье. Но честное слово, дело не только в раз мере добычи. В чем-то еще, чего я никак не могу уяснить, улавливая в душе непонятное ощущение вины перед другом-поплавком. В конце концов, щуку можно поймать и на живца, даже более крупную. Но никакие щучиши не могут соблазнить меня заняться жерлицами и живцами.

На рассвете, оставив Сережку досматривать самые сладкие сны, я отправился со спиннингом. Еще дня три назад заприметил обширную молчаливую заводь, затертую травой. Длинные темноцветные пряди лениво колыхались в струях, а на поверхности кое-где торчали изреженные бело-розовые соцветья сусака. Самое щучье место. Если идти туда берегом, придется лезть сквозь заросли травянистых и цепкого таволжника «воробейника», сразу по пояс вымокнешь от обильной студеной росы. Я решил срывать злущину напрямик скошенными лугами. Солнце еще не восходило, и пойму затопил туман.

В лугах было росисто и ознобно. Я шел по серой от оседающей влаги отаве

и оставлял на росной траве нервный зеленый след, который, как лыжня, тянулся за мной далеко через покосы. По сторонам в тумане смутно виднелись копны, пахло сеном, мокрой зеленой травой и теплыми калужинами, заросшими кувшинками и осокой.

Вспомнились зеленый простор и небесно-голубые озерины в травах на явских лощинах. Луга моей юности... Какие вы были душистые, какими непомятыми травами выстланы! В июне по вечерам их заполнял неумолчный азартный скрип коростелей, которых мы, мальчишки, не раз пытались вытудить из кустов — вот ведь он, под ногами! Но всегда безуспешно. Июнь в лугах — праздник зеленого цвета. Посветлее — просторы юных и нежных трав, потемнее — жирно-зеленая осочистая оторочка ручей и пережабин, вовсе густая крепь — темные дубовые гривы с крепким ожимым ароматом, щекощущим ноздри. Сырая теплота болотин, парные настои травогона, зеленый и голубой мир вокруг... Позже были у меня немереные волжские займища, очерченные осоковыми гривами в дальнем мареве, с длинными-предлинными сонными и бочажистыми затонами, и была среди них, в глубине займища, старичья с красивым названием — Княгинька. Мир огромный, казался, без конца и края... Конечно, правда, наступил — теперь все эти просторы давно успокоились на дне великих волжских водохранилищ. Но мне и еще достались в жизни луга — поемные сибирские. В мае Тобол разливался вольными водами километров на пять в ширину, а к июлю в заречье выгоняло буйные травы — медведь медведем. И тоже хранились в тех лугах потаенные курьи и ляги, заросшие по берегам, таловой и ольховой непролазью — Прорва, Глубокая, Бобровя... Уток на них выводилась истинная прорва! А караси обитали золотые и тяжелые, как слитки. Комарья, правда, тоже плодилась несусветно, но о нем как-то и не вспоминается. В июле луга поспевали и закипал великий сенокос. Утром за Тоболом слышались стрекотанье «беларусей», доносилось шорканье кос — вся деревня уходила стродать. Жаркий сенокосный ветерок несет горячее дыхание бело-розовой цветени, а в сумерках наплывает медовый дух молодого сена и приторная болотная сладость. Где-то побрывают в отсыревшем воздухе боталами вольно пущенные в ночное лошади. Тяжелых и основательных стогов по Тоболу наставляли бесчисленно, однако все травы осилить не могли — оставалось сколько угодно заматерелых дупелиных нехосей, болотных кустарничков, нетронутых тупиков, затнутых жесткой резучкой и постной шумихой, излюбленных выводками крякв. А по выстриженным паточинам и потным местам высыпали взматеревшие бекасы. К августу в лугах снова воцарялась тишина. Как я ждал всегда этот день — первое августа, исконный срок охотничьего праздника — открытия осеннего сезона!

Снова над головой торопливо просвистели крыльями утки. Я не удержался, прикинул к плечу сложенный пополам удилище и пощелкался... Вспомнилось, какая парная бывает в этот час вода в мелких болотцах. На рассвете идешь покосами по зыбкой обильной росе, а потом осторожно ступаешь в податливую тину — из-под ног обильно журчат пузыри, и озерная водичка

кажется теплой, как чай... Когда это было? Когда-то мы с отцом охотились в пойманных лугах на уток. Вот так же на заре приходили к травянистому берегу и по колено в теплой воде брели через осоку на плесо. А когда перелет кончался и солнце всходило, мы отправлялись бродить по заросшим озерам — стреляли с подъемом тяжелух-крякв и шустрых чирят. «Каа-каа-каа!» — с громким плюханьем и возмущенным кряком из осоки взмывает свечой матерья утка, и долго плазает затем, над водой синий пахучий пороховой дымок. Давно это было... Весь август когда-то считался месяцем луговой утиной охоты. Вот такие же были туманные и озонные рассветы и душистые копны в лугах. А ночевали мы в пышных стогах сена или в шалашах покосчиков, истомно пахнувших вянущей лозинкой и медовым разнотравьем. А потом сроки осенней охоты начали постепенно переноситься все позже, и утиной стрельбы в лугах с подхода не стало. Потому что сторожкие осенние кряквы перемещаются на открытые воды и на выстрел пешего стрелка не допускают. Незаметно с годами получилось, что не стало для меня августовских росистых полей. Сколько раз бывало: так заприсится душа! Но... что делать там в эту пору? И только теперь спиннинг как бы возвратил в те далекие туманно-благословенные времена, вернул мне забытые луга в росе и августовский запах сена. Я долго пытался сохранять традицию — в ночь на открытие осенней охоты обязательно спать в стogu. Но пришлось отказаться: последние ночи августа в Восточной Сибири студеные, к рассвету, случалось, так заколещешь, что выбравшись из охолодавшей норы, долго, дрожа, бегашь в темноте вокруг зарода, пока зуб не научится снова поладать на зуб. Какая уж тут радость!

Увлечшись воспоминаниями, я не заметил, как пересек криволучье (по-сибирски — «забюжу»), и вот он снова — берег Чулыма. Да заводь травяная — многообещающая. Чулым все-таки река быстрая и перекатистая, вся из мелкошироких плесов, главные щучьи места — травяные улова и курьи. Кажется, не напрасно я сюда прибрел. Поднимаю голенища болотных сапог и захожу в воду по колено. Начнем, пожалуй.

Я немного волнуясь перед первым забросом, словно начинающий — побаиваюсь, что не сумею сразу управиться с катушкой, соскользнет леса и залутаю «бороду». С первого раза и не надо стараться запустить блесну как можно дальше, сперва восстановим в памяти назовь, начнем полугоны... Нормально выходит, все по уму. А теперь можно метнуть посмелее — вот кой соблазнительной козлиной бороде — торчащей из воды травы. Хорошо прошла блесна, так и чудилось: вот-вот раздастся знакомый долгожданный толчок под водой. Что ж, надо искать щучку, искать настойчиво. Перейду метров на двадцать ниже и попробую заброс с другой стороны — проведу приманку против течения, чтобы подматывать совсем медленно. Тогда моя латунная рыбка будет играть выше и больше смахивать на ослабленную рыбешку. Я выбираю лесу несколькими резкими оборотами барабана и делаю паузу, давая блесне две-три секунды свободно падать, переваливаясь с боку на бок. Но поклевки нет, что-то нет пока желающих позавтракать моей железкой. Что

ж, впереди целое утро, ищи место, пробуй, меняй блесны — в спиннинговой ловле тоже ведь, как на утиной охоте, ноги кормят. Помню раньше — кончалась утренняя зорька, и мы отправлялись бродить до жары.

— Пойдем ногами свое счастье вылавливать, — смеясь, говорил отец, закидывая ружье на плечо — Охотника девятый день радует.

И правда, крякухи да чирки и в прежние времена не под каждой кочкой сидели. Ходишь, ходишь, ноги уж стали чужунными, так бы повалился в пышную копну и уснул. Но обидно: охотничья сумка пуста. Не на каждом плесе и в прежние годы сидели серые утки. Час бродишь — ничего, только где-то вдали за кустами услыхал лопот крыльев. Еще час — поднялся селезень, да неловко, не дался под выстрел, или сам не сумел поймать на мушку, отпуделял в белый свет. Такое неудачное утро, хоть плачь! Понадобилось время, чтобы я понял одно неопровержимое правило охоты на уток с подхода: не замкнешь — не убьешь! Прогуляешься по бережку даже самой подходящей болотины — пусто. Но стоит вдоль кромки проплыхать сапогами, глядишь, и не вытерпит молодая крякуха, встанет на крыло. Так что лучше сразу снаряжайся не в длинные сапоги, а в самые дырявые обутки и настраивайся лезть по пояс (благо, что вода в начале августа теплая) — тогда наверняка будешь с удачей. Хотя бы и не очень скоро. Одну болотину протоптал, вторую — будто и не было тут никогда серых уток. И вдруг — чудо чудное! — подхожу к озерцу, и прямо из-под ног (как я их раньше не заметил!) срывается пара кряковых, и — дуплет, верх охотничьей удачи! И сразу утро становится счастливым, редкостным, по везению, полным воспоминаний, а изнурительных трех часов пустой ходьбы словно и не было. Выходил настойчивый охотник свое счастье, полный впечатлений возвращается на стан. То-то и говорили в старые времена: охотника не день кормит, а час...

Обидаю всю траву на привахе улова, я выбрался на сухое, вскарабкался по откосу и полез через кусты, чтобы попасть к самому ухвосту заводи. Сколько же в этих кустах было черной смородины! Кто не бывал в Сибири, с трудом представит, какие у нас на Чулыме заросли дикого смородинника и какое бывает изобилие ягоды в урожайные годы. Забираешься в сумрачную, напиганную острым смородинно-красивым ароматом чащу, приподнимаешь за конец длинную гибкую ветвь, а снизу усыпано черными крупными и мелкими каплями. Сочные, душистые — ешь и остановиться не можешь. Пересилишь себя, решительно отвернешься от соблазнительного куста и тронешься дальше. Но тут же на глаза попадает ягода еще крупнее и слаще! Ну как, скажите, пройти мимо? Это изобилие смородины чрезвычайно вредно для спиннинговой ловли: идешь к намеченному щучьему месту, да никак дойти не можешь, а тем временем обидает, лучшая пора клева на исходе. Нет никакой другой возможности победить смородиновое искушение как снять рюкзаки, положить на него удилище и начать поглощать ягоды горстями — «оберучно». Единственное спасение. Скоро набиваешь оскомину —

зубы ноют, кончик языка, кажется, потрескался. Тогда снова надевай рюкзак, бери в руки спиннинг и спокойно иди рыбачить — некоторое время на усыпанные ягодой кусты и смотреть не хочется.

Все-таки выбрался я из сморсдиновых зарослей к ухвостью травяного улова. Поищем счастья здесь. Щука ведь тоже стоит не в каждой траве и не за любой корягой. Река длинна, а настоящих уловистых мест на ней — можно перечислить поименно. Это как знание верных лазов на охоте. Встречаются такие места — где бы ни поднял в окрестностях русака,

бороздах под ярами. Середина же Чулыма, ровные галечные корыта русла — пусты. Зато на заливах Красноярского моря надо забрасывать блесну как можно дальше от берега. На Кандате щучка-быстрянка держится либо под нависшими кустами, либо выше перекатов, сторожит рыбешку, стоя в самом устье слива, как у зоротных столбов. Попадал я в Эвенкии на озеро Кэвэдэ, в котором щуки было столько, что... ловить практически невозможно. Сверкнувшую железу сразу хватала ближайшая крокодилица, но пока ведешь ее к берегу, остальные, как безмозглые

челты артелька чирков, в котором можно поднять зарткого бекаса, а где слетит спокойный упитанный дупель.

Дупель... Расхвастался! Чувствую, знаю — а поклевок-то все нет. Впрочем, я сегодня позднонато вышел на зорю. Август только начался, только первый его день. И хищник жирует сейчас лишь на темно-зорьке, в самую, кстати сказать, пору утинного перелета. Это через недельку-другую заметнее начнет осыпаться река — увереннее примутся играть ночные звезды, тогда можно будет охотиться на щуку и поздним утром или ранним вечером. А сегодня надо было выходить на зорю затемно. А я пронежилась до «челового» времени. Ладно, все равно что-нибудь нам Чулым подарит, а не то — я его настойчивостью возьму.

Ну, а что обещает нам это ухвостье травяного улова? Я постоял, задумчиво окинул взглядом открывшееся место. Заросли кончались тупым мысом, который находился в треугольнике: струя течения со стороны русла и приглубое перустье с илистым дном у берега, продолжение западавшего в Чулым летом ручья. Теперь воды в ручейке нет, все ее топкое дно заросло зеленой щетиной хвоща. Значит, придется залезать по колено в вязкий ил, иначе до конца травяной заросли не достать. Фу, как цепко схватывает сапоги тяжелая грязь — еле выворачиваю с громким чавканьем на каждом шагу. Дальше идти нельзя, придется пробовать отсюда.

Блесна падает посредине улова, я даю ей спокойно опуститься и считаю про себя: раз, два, три... Леска ослабла — приманка на дне. Ого, да тут метра четыре глубины, хорошее местечко. Но — для сентября, а сейчас зряд ли щука станет жить в этой сонной суводи — неклевое место. Нужно попасть поближе к хвостам травы. Второй, третий забросы — блесна приходит свободно. Надо еще ближе к траве, к самой кромке! Ах черт, угодил прямо в травяную «бороду»! Ничего опасного — сочные стебли легко рвутся. Еще заброс, чуть левее — и снова на тройнике виснут зеленые клочки. Спокойно, не злись. Текущая проза жизни — пустые забросы, задев, трава на крючке. Если точно по часам отметить на листе бумаги, скажем, черным цветом время пустого бросания и мотания, ходьбы по берегу и поиска, а красным — минуты поклевки и вываживания добычи, то... ха! — график получился бы сплошь черным, только краткие красные мгновенья удачи! Слава богу, графиков мы не ведем, а всего одна минута счастья напрочь стирает в памяти черный цвет безвременья. Не день хормит, а час, минуты, собственно. Это тебе не озеро Кэвэдэ.

Удар! Блесна снова идет свободно... Но я точно ощутил: это был не обычный задев — явная хватка щуки! Почему-то она не засеклась — промахнулась, или я слишком быстро подматываю леску? Ну-ка, милая, еще разок!.. Вторая, третья попытки, я ожилась, хотя стараюсь сделать вид, что не волнуюсь. Блесна проходит точно тем же местом, но щука «молчит». Попытаемся иначе — вести приманку не вдоль травы, а с реки к зарослям, будто рыбака торопят в укрытие. А перед самой границей резко выдерну блесну, чтобы она перелетела через водоросли. Надо было сразу встать в эту позицию, но она с первого взгляда показалась мне неудобной.

обязательно он сделает круг и пройдет через излюбленную рассосину оврага. Как подала гончая голос, беги в знакомую рассосину и жди. Так и у щук: я сам с удивлением убеждался в их неистребимой привязанности к некоторым местам. Помню, на одном плесе посреди вдоль течения замыло лесину, только вершина торчала над водой. Тоебовалось лишь не поленившись и сделать крюк к этой лесине. Бросаешь блесну выше коряги, даешь нести ее немного вниз и начинаешь подмотку, чтобы приманка прошла как можно ближе к торчащей вершине. Щука хватала обязательно. Иногда не с первого, а с третьего заброса, но — обязательно. Сколько я их там переловил! «Обшучился» сегодня, на следующий день можно идти — место непременно занято.

На каждой реке щучьи уголья свои, чем-то отличные. На Чулыме молодые, гибкие и прогонистые хищницы любят травяные заводи, а которые постарше, толстые и хомлеватые, чаще стоят в

жадных акулы, бросаются на «удачливую» соперницу и рвут ей бока, так что вытаскиваешь скелет с лохмотьями. Правда, на том озере я был всего раз и лишь пару дней — настоящему рыбаку делать там нечего.

Замечаю, что с некоторых пор я стал чувствовать щучьи места. То есть не просто понимать, где может стоять хищница, а ощущать каким-то нутряным свойством. Здесь, кажется, стоит в засаде молоденькая полосатая «травяночка» — ну-ка, попробуй! И очень часто не ошибаюсь. Бывает, что щуки в этом месте все-таки нет, но уж всегда пусты те места, которые кажутся мне безжизненными. О! А здесь под сумрачным обрывом, именно вот у этой коряжины... Нельзя мимо пройти — надо бросить! Или я теперь чутьем предсказываю плеса, на которых жируют стаи крупных речных окуней. Точно так же, как раньше знал — предчувствовал места, в которых могут дремать тяжелые крякухи, где пря-

Неудобно!.. Это смотря для кого. Рыба, я убедился, как раз и ловится там, где нам неудобно, куда заходить трудно, где забрасывать в кустах неловко или того гляди мертво засадишь в подводную корягу драгоценную самодельную блесну. В таких местах и «стоят» настоящие щуки, которые только ждут нашего приплавания. Но мы чаще всего проходим мимо этих уголков — на быстрый взгляд они «неудобны» и только. Зато каждый рыбак обязательно выйдет на приветливый мысок, на котором кусты не мешают размахивать удочкой, а течение кажется самым подходящим для проводки. Только рыбы здесь нет, а если и была, ее давно распугали одинаково думающие рыболовы, строем топающие на «удобное» местечко. Точно так же, как на утиной охоте: вдоль затона зыбется тропка-береговушка и, где удобно, выглядывает через кусты к воде. Но утки в этих, регулярно посещаемых уголках, разумеется, никогда не сидят. Или на тетеревиной охоте: когда бродишь с ружьем по перелескам, опушкам и вырубкам, — привычный глаз сам собой выбирает путь покороче и легче, срывает углы, огибает трудные места. Здесь выкошено, шагать легче, а там уголок некоси, в ней еще хранится роса, вымокшая... Кусты легче обойти, чтоб не царапаться, угол колка — срезать напрямую — ведь делать крюк (автоматически решает сознание) нерационально. А она, золотая птица, как раз там и сидела!

В некоси, под кустом, в углу колка. Здравый смысл и привычный опыт мысли сами собой незаметно влекут меня по легкому и кратчайшему — рациональному пути. Но ведь целесообразен этот путь с точки зрения человеческой, в интересах экономии сил и времени. И ничего я так не найду — никакого открытия не сделаю. Потому что на охоте, на рыбалке надо думать не обычно, не как «удобнее», а особенно — «по-тетеревиному» или «по-утиному», по тому, какую именно золотую птицу я сегодня ищу. Или вот — «по-щучьи», «по-осуневому»... Конечно! И если думать «по-щучьи», то... нечего мне торчать в этой тине, надо пересечь ручей, забрести в самую траву и бросать за нее. Чтобы блесна шла с реки к засаде, и тут у самой границы, наперняка, и ждет в укрытии зубастая хищница, так что моя железка приплывет ей прямо в пасть.

Через десять минут я уже стою в траве на новом месте. Плавный взмах удильщика — и блесна, сверкнув в воздухе, летит за кромку водорослей. Тонкая зершинка чутко передает ее резвую игру и упругое сопротивление току воды. Вот и край травы, я начинаю поднимать конец удильщика, и... сопровождая приманку, из глубины выходит плоская морда. У самой поверхности воды щучина дьявольски извернулась змеей, сыграв белым брюхом, и снова ушла в бутылочно-зеленую глубь реки... Так! Значит, несомненно: надо сменить блесну!

Магазинных приманок я не признаю — только самодельные. Зато каждую знаю «в лицо», для каждой — свое имя. «Морская» — значит, была удачна на заливе Красноярского водохранилища; «Бахта» — по названию звенящей реки, на которой прошла боевое крещение; «вигриная», «пескарь»... Официальные названия кажутся мне бездушными и ничего не говорят: «гейнд-блинкер» — каково,

а? Или что такое «норич»? А вот «ивовый лист» или «карасик» — живые создания! Знаю, что «ивовый лист» с наплавкой олова на этой тихой воде будет вял, тут ему течения не хватает. А вот «карасик» лирик и темен, не любит быстрой струи, которая сразу выносит его на поверхность, зато на тиховодье «карасика» можно проведи совсем медленно, причем он будет изображать зазевавшуюся, беспечно прогуливающую рыбку. Да, попробуем прицепить именно «карасика». Посмотрим, милейшая хищница, устоите ли вы против него!

Блесну сменил. Попробовал стать удобнее — сделал еще пару шагов глубже, ближе к границе травы, и... неудобно вытаскивая ногу из водорослей, покачнулся, зачерпнул сразу обоими голенищами. Свежая утренняя вода ринулась по сапогам вниз, зло добираясь до самых теплых ступней — брр... Угрозило же! Но я почему-то, как все утро сегодня, снова вспомнил утиную охоту и ее нехотеливое правило: «Не намокнешь — не убьешь!» и только улыбнулся. Даже вода в сапогах показалась не такой холодной. Ладно, не буду выбредать на берег и выжимать портянки — потерплю! И так, попробуем предложить ей «карасика».

На этот раз она взяла верно. Удара, впрочем, не было. Просто я снова подвел блесну к самым мотающимся на течении хвостам и уже начал поднимать, как вдруг она глухо засела (я в первый момент подумал: опять в траву...). Но тут же удильщик передо мной — мощный толчок.

Даже шпенек катушки, за который я легко крутил барабан, выпрыгнул у меня из щепоти, и шпуля сделала несколько стремительных оборотов назад. Так берет очень крупная щука. Я успел представить, как она «стояла» в самых зарослях, слегка выставив широкий нос на течение, и как раз к носу и подошел, нахально захватывая, «карасик». Хищнице осталось только разомкнуть пасть...

Как она негодовала! Сначала в глубине, не показываясь на поверхность. Я сделал несколько тугих оборотов и подтягивал ее к траве на полметра, но она мощно изгибалась и уходила в сторону, ласково резала воду, оставляя лузгистый след. Кончик хлыста гнулся и хлестнулся, как я ни старался поднять его. Затем рыбина все-таки вынуждена была поддаться и вскипела на поверхность, отчего гряды реки заходили волнами. Щука изворачивалась поперек и упиралась неподвижной корягой, закусив лесу в углу глупо улыбающейся пасти. Я тянул, стремясь повернуть ее мордой к берегу. Мне надо было завести ее в узкий заливчик между двумя космами рдестов, чтобы лишить простора действий. Завел... Теперь нужно как-то подтащить ближе — по траве, по поверхности, не давая зарыться в самые заросли... Но тут она сама вдруг мне помогла. Из всех сил хлбыстнула хвостом по воде, подскочив на воздух, и я за этот миг сумел подтянуть ее на полметра ближе. Еще удар и прыжок колесом, и снова на лету вырваны полметра. Последние шаги к берегу я тащил ее по плотной травянистой массе. Почувствовав непривычную твердь гальки под боком, она снова отчаянно хлбыстнула, и блесна далеко выскочила из ее пасти, усеянной мелкой щетиной зубов. Но теперь это было не страшно...

Вот она лежит передо мной. Страхито оно, мое охотничье счастье, которое я все-таки изловил сегодня. И что мне теперь время нудного пустого бесклевья — его отныне как будто и не было! Все с этим спиннингом — как на охоте! А больше всего похожа спиннинговая ловля на охоту своим внутренним настроением, ритмом, что ли. Так же, как когда-то, я хожу в августе по лугам, брожу и «постреливаю» и возвращаюсь на стан к жару с гулом в ногах и сумкой добычи.

Но почему я все твержу: «как на охоте»? Просто спиннинг и есть самая настоящая охота, в прямом смысле слова. С ружьем, с блесной, с фотсаппаратом — охота! А рыбалка — это когда с поплавком, когда замираешь и ждешь, погружаясь в блаженное состояние созерцательности. Во всяком случае, для меня все именно так. Может быть, для других иначе, не знаю, не буду утверждать и не собираюсь настаивать, что только мой взгляд на вещи и есть самый верный, в все остальные подлежат переделке на мой вкус. Давно уж я вышел из того возраста, когда судят о жизни и о людских пристрастиях столь неколебимо.

Зато теперь я знаю, как объяснить свое поведение сыну. Я изменяю любимому поплавку, но не ради другой рыбалки — я оставляю его ради охоты. Выходит, в душе я так и остаюсь — прежде всего охотником. Неожиданное открытие. Я-то был уверен, что просто возраст берет свое. А какой, собственно, возраст?.. Август — уже не ярое лето, но еще далеко и не осень.

С ТУНДРОЙ ШУТИТЬ НЕЛЬЗЯ

О. РАПОПОРТ

Над тундрой с ее бесчисленными речками, болотами и озерами стояло незаходящее, необычно жаркое летнее солнце. Широко разбросанные по тундре сопки казались призрачными, пляшущими в струящемся мореве мощных испарений. Жара и духота овладели суровым краем, и даже неизвестно откуда набегавший ветерок не нарушал тишины первозданного ландшафта, не рябил зеркальную гладь воды, и только настырный комариный зуд постоянно висел в воздухе.

В один из таких июльских дней, проплыв на лодке около семидесяти километров по реке Хадутей, я пристал к песчаному берегу. Еще вчера останавливался в чуме у ченцев-рыбаков, а сегодня на многие десятки километров — ни жилья, ни людей.

Мне предстояло отыскать затерявшийся в однообразных просторах тундры одинокий чум оленеводческой бригады Андрея Жукеева. В его стаде надо было выделить больных оленей, подогнать их к Хадутею и выпастить там до осени. Такую работу предстояло провести и в других стадах, которые находились на летних пастбищах севернее Хадутея.

Месяца два назад Андрей рассказывал мне, как найти его чум.

— Где Хадутей делает петлю, ты бросай лодку, выходи между двумя сопками в тундру и иди дальше. Большое озеро останется у тебя слева, потом впереди будет Нянь-Сяде, оттуда пройдешь еще столько же и там увидишь чум. Мы поставим его на сопке.

— А сколько километров от Хадутея до твоего чума?

— Кто у нас километры мерял? Но, однако, больше пятидесяти будет. Мы так считаем: зимой совсем близко, на оленях едем, летом совсем далеко, пешком идем.

В эти северные края я попал впервые, да и тундру только еще начинал узнавать и обживать. Но был молод, горяч, самонадеян, крепок и вынослив, как россомаха, и готов шагать и шагать без усталости многие километры.

Вытащил лодку на берег, на всякий случай закрепил якорек в песок, свистнул собаку и, оставив в лодке рюкзаки с провизией и котелок, налегке тронулся в путь. Еще подумал: «Зачем по жаре тащить тяжелый рюкзак, часов за двенадцать-то уж дойду до чума!»

В пойме Хадутея сплошные заросли кустарника. Где-то еще в чаще я зацепил и порвал свой накомарник. Пробираться через кустарник было тяжело, но и когда вышел в тундру, идти стало не легче: проваливаясь в болоте, с трудом вытаскивал сапоги.

Впереди виднелось несколько сопкок. Какая же из них Нянь-Сяде? После долгих раздумий решил: надо идти к той, что левее. Пока дошел до нее, солнце опустилось к горизонту. Упав на мягкие моховые коврики, я с наслаждением вытянул ноги

и начал давить комаров и мошек, набившихся под накомарник.

Я продолжал всматриваться в окрестности, но нигде не было видно ни чума, ни дыма и никаких следов, которые могли оставить оленеводы. Где искать их чум? Куда идти? Вдали виднелась сопка с плоской вершиной. Может быть, с нее что-нибудь увижу? Но путь к ней преграждала речка, пришлось ее обходить. Дальше оказалось озеро. Прошел сначала по топкому берегу, а потом брел прямо по воде, чуть-чуть не заливая высокие сапоги. С плоской сопки тоже чума не увидел.

Солнце поднялось выше. На горизонте я заметил низкую, серую полосу. Через некоторое время потянул прохладный ветерок, стало легче идти, начал пропадать гнус. Ветер усилился, повеяло холодом — с моря надвигался туман. Скоро все закрыла плотная пелена. Этого еще мне не хватало! Мало того, что даже признаков чума не нашел, в таком «молоке» и подавно ничего не разгляжу. Видимость всего несколько метров. По компасу определил направление, но немного прошел и попал в кустарник, дальше — речка. Еле-еле выбрался на высокое место без кустов, там и решил переждать, пока рассеется туман. Комары и мошки исчезли, и не верилось, что совсем недавно мириады их вились надо мной и лежали под накомарник. Лыжный костюм согревал плохо, и вскоре моя нижняя челюсть стала подпрыгивать. Побегал, немного согрелся, перебрался ближе к кустам, там показалось теплее, но пугала неизвестность — сколько придется мерзнуть и кружить на одном месте? А вдруг несколько дней не будет закрыто пеленой?

Сколько прошло времени, определить не мог, но вскоре туман начал рассеиваться, стало светлеть, потом все вокруг пожелтело, в разрывах облаков показались небесная синева. Засияло солнце, снова поднялся гнус, и мне опять пришлось надевать накомарник. Куда идти? Искать ли чум или поворачивать обратно? О еде я не думал, но есть хотел все больше и больше. С собой у меня ничего не было и я не раз пожалел, что оставил в лодке малосольные муксуны — подарок знакомых ченцев-рыбаков.

Наконец понял, что чум Андрея мне не найти и надо поворачивать обратно к Хадутею. Много дней спустя, уже осенью, я все же встретился с Андреем, и он рассказал: «Жара была сильная, комар поднялся такой, что нельзя было кочевать, поэтому мы не дошли до той сопки».

Чтобы сократить свой путь и не делать большого крюка, решил переплыть небольшую речку. Одежду не стал снимать — испугался комаров, которые постоянно вились около меня. Плыл в одежде и накомарнике, только снял сапоги и держал их в руке. На берегу немного отжал на себе

куртку и брюки: натянул сапоги и пошел дальше. Поднялся на высокий берег и начал искать приметные сопки, которые должны были находиться на моем обратном пути к Хадутею. Но во время блужданий в тумане, по-видимому, ушел в сторону и не смог найти свои ориентиры. Решил идти по компасу, определив, в какой стороне должна быть река, куда мне надо добраться. Прошел немного — опять речка, которой вроде не было, когда шел от Хадутея.

Костюм мой высох, задубел и брюки стали натирать ноги, но надо идти — искать свою лодку, а главное, там еда.

Опять подошел к какой-то речке, но прежде чем ее переплыть, решил раздеться, чтобы не мочить одежду. Но только снял куртку, как на меня навалилось что-то тяжелое. Боли не чувствовал, но на спине появилась мощная присоска — спину облепили комары и начали пить из меня кровь. Всплыли в памяти трупы погибших от комаров оленей. При их вскрытии было видно, что они почти полностью обескровлены. Вспомнил также вычитанное в книге: если комары облепят всего человека, напьются его крови и произойдет их смена до семи раз, крови в теле не останется. Напуганный такими воспоминаниями, поспешно натянул на себя куртку и поплыл через речку уже в костюме, сапоги опять держал в руке.

На возвышенности начал оглядываться — место совсем незнакомое. Как попал сюда? Наконец-то дошло до меня: компас залил водой, сразу не обратил на это внимания и двинулся в сторону от пути, по которому шел к Нянь-Сяде. Но в какую сторону? По пойме Хадутея рос реденький лесок, а тут деревьев не видно. Только сейчас я понял, что заблудился... Но надо идти, если буду сидеть и чего-то ждать — погибну. Искать меня никто не станет — не знают, куда я ушел. Страха не было, но появилось чувство растерянности и злости на самого себя за свою беспечность и легкомыслие. Я не испытывал страха, может быть, потому, что все время светило солнце...

Голод все больше давал о себе знать, а есть нечего. Воды сколько угодно — кругом речки, озера, болота. Хотя бы один сухарик, какие мы грызли летом в тундре (хлеб, сушеный на ветру и превращавшийся в сероватый «наждак»: начинаешь его грызть — сразу кровоточат десны). Но, увы, и такого сухарика у меня не было. Ягоды еще не созрели — самое голодное время в тундре.

Потерял счет дням своих блужданий, стало трудно определять время — солнце не заходит, сносится немного к горизонту, а потом опять начинает подниматься. Насчитал двенадцать речек, которые переплыл, а потом сбился. Помню, когда солнце немного опустилось к горизонту, вдали увидел что-то вроде группы деревьев — может, там Хадутей? Пошел в ту сторону. Долго брел. Переплывал речки. Солнце поднялось и затем начало падать к горизонту. Вдруг в одном месте на берегу озера увидел совсем свежие следы от сапог. Обрадовался, даже побегал, надеясь догнать человека, который только что прошел здесь. Но вдруг осенило — так это же мои следы! Не поверил, смерил: точно, мои. Значит, целый день шел, сделал круг и вышел на свой же след.

Идти было мучительно трудно из-за погартостей на ногах. Выломал палку и побрел, опираясь на нее. Накмарник уже не защищал от гнуса — сквозь дыры в тюле в него набилось полно комаров и мошек.

Чувство голода давило все больше и больше. Начал жевать совсем зеленую голубику, морошку, но голод заглушить не мог. Пес иногда подбегал ко мне, а когда я пробирался через кусты, понуро шел за мной след в след. У меня даже мелькнула коварная мысль — съесть собаку. Но, когда я позвал ее, она почувствовала, видимо, в моем голосе, интонации злой умысел и не подошла. А потом совсем отстала. Позже я узнал, что она вышла к моей лодке и через несколько дней ее нашли ненцы-рыбаки. Они рассказали мне при встрече месяца через два: «Смотрим — около лодки сидит твоя собака. Когда мы подплыли, она начала лаять и убежать в тундру, однако, звала за собой тебя искать, но мы думали так — «пустобрех»».

На берегу ненцы на всякий случай развели большой костер, набросали сырого мху — поднялся высокий столб дыма, который было видно издали. Мне бы спокойно осмотреться вокруг — тогда я обязательно заметил бы дым, но, увы, я брел, не осматриваясь брел без сна и отдыха. Временами упаду где-нибудь на мох, сниму сапоги, чтобы ноги немного отдохнули, суну их в воду или в ил, закроюсь от комаров, чуть-чуть подремлю и бреду дальше. Когда уже не было совсем сил, упал и забылся. Очнувшись от своего же крика — здесь я! Показалось, меня ищут, кричат, и я ответил в забытьи — начал уже бредить. Все чаще и чаще одолевала мысль: куда иду, все равно не выйду ни к лодке, ни к людям.

Однако если буду сидеть без движения, все кончится скорой гибелью, поэтому надо идти, идти и идти — в этом хоть какая-то надежда на спасение.

Накмарник порван, лыжный костюм в грязи. Бреду, хромая, опираясь на палку, по-прежнему облепленный тучей комаров. Идти, ступать на стертые ноги становится все тяжелее. Чувство голода уже притупилось. Единственное желание — выйти к людям. Но где их найти? Подумал, что скорее всего людей можно встретить вблизи побережья, но как определить, где оно? И тогда решил: пойду вдоль речки, ведь должна она куда-то впадать, так, может быть, доберусь и до побережья. Поймы рек были сильно закустарены, но мне нельзя терять их направление и, как бы речка ни петляла по тундре, решил путь не сокращать, идти только по берегу. Чтобы выжить, надо выходить на побережье Тазовской губы, там, скорее всего, встречу людей.

В одном месте остановился, опираясь на палку, и вижу — по другому берегу спокойно, с остановками, что-то разыскивая, шагает медведь. Свежих медвежьих следов я встречал много, вдоль рек они были везде, но так близко зверя встретил впервые. Он меня не замечал. Кроме жара, у меня ничего не было, страха я не испытывал, была только какая-то злость: пусть медведь нападает — буду с ним драться, все равно погибать! Но мы мирно разошлись. Только он был полон сил, а я еле-еле брел.

Основной моей задачей было не откло-

ниться от русла реки в сторону. Потеряв счет дням блужданий, я дошел наконец до устья речки, где она впадала в более крупную реку, которую надо было переплыть, чтобы потом идти к побережью уже вдоль нее. Прежде чем войти в воду, я долго лежал на берегу, забылся, начал бредить. Очнувшись, с трудом поднялся и побрел в воду. Поплыл, держа сапоги в руке. Проплыл немного и почувствовал,

Рисунок И. ШИПУЛИНА

что дальше плыть нет сил, а до берега еще далеко. Повернуть обратно? Но все равно надо переплывать эту реку, другого пути нет, иначе смерть. И поплыл вперед, переворнувшись на спину: утону, так утону... Выползая на берег, я понял, что другой речки мне уже не одолеть — эта последняя...

После длительного отдыха побрел дальше. Бреду, спотыкаясь, падаю в кустарнике, поднимаюсь, ползу. По сторонам не смотрю, мне бы только не потерять из виду реку, но она большая, по ней и катер свободно пройдет.

Пробираюсь через кустарник и тут вроде послышались голоса. Остановился, прислушался: нет, ничего не слышно, значит, показалось. Потом снова — люди разговаривают... Что же это такое? Наужели опять начал бредить? Да нет — ясно слышу отдельные слова. Спотыкаясь, падая, забыв про боль, выскрываю из кустов к воде и вижу около другого берега лодку, а в ней ненцев-рыбаков. Наужели я спасен! Начал звать. Но люди не подплывали ко мне, продолжая о чем-то спорить. Потом доплыли до середины реки и кричат: «Кто такой?» Я ответил. «Сними накмарник!», — требуют. Я сдернул с головы накмарник, который уже почти не защищал от комаров, остался только ситцевый верх да погнутый обод с порванной тюлью. Рыбаки переговаривались между собой и начали грести ко мне. Я бросился к лодке, все еще боясь, что ненцы передумают и уплывут.

В этом месте у рыбаков был поставлен запор, перегораживавший реку. Раз в неделю они приплывали сюда рыбачить. Заметив меня, рыбаки сначала подумали, что это медведь: я брел почти на четвереньках, опираясь на палку. Их смутил

только ситцевый, цветной накмарник. Они даже хотели стрелять в меня, увидев через кусты мой хоричневый хостом. Когда ненцы убедились в том, что это человек, то подумали: скорее всего какой-нибудь баглый преступник. Об этом они и спорили в начале, не подплывая ко мне.

Рыбаки выскочили из неводника, стали здороваться со мной, расспрашивать, как оказался в этом месте без лодки, ведь кругом вода. Они дали мне малосольной рыбы и хлеба, но я пожевал и выплюнул. Есть уже не хотелось. Рыбаки начали неводить, а я нашел в лодке какой-то грязный мешок, укрылся им и уснул, успокоенный, что теперь буду жив. Спал долго, рыбаки успели несколько раз закинуть и вытянуть невод. Потом они вскипятили чай и начали будить меня. Отпил немного чаю из кружки — начались рези в животе, больше пить не стал. Опираясь на палку, дошел до лодки, перелез через ее борт и устроился на носу неводника. Ненцы не спеша попили чаю, поговорили и решили плыть к своим чумам, хотя до встречи со мной договаривались неводить еще у одного запора. Дали мне старую малицу, которую я сразу же натянул на себя. Ветер усилился, по реке пошли волны с гребешками, комаров не стало, начал сеять мелкий дождь, но мне теперь ничего не страшно — я охоло людей.

Эта мысль не покидала меня все время. Пока плыли до чума, рыбаки все расспрашивали меня, пытались выяснить, по каким местам шел, как смог все перенести и не погибнуть — ведь я проплутал по тундре больше восьми дней, ничего не ел, да и прошел около ста пятидесяти километров. В те места, где я блуждал, ненцы заезжали только зимой во время охоты на песцов, а летом никто из них там не бывал.

На широком плесе перед мысом, где жили рыбаки, волны начали захлестывать неводник. Когда подплыли к берегу, промокший насквозь, я с трудом вылез из лодки. Сбежались все, кто был в чумах. Один старик-ненец похвалил рыбаков: хорошего «осетра» поймали. Все засмеялись, надо полагать, «осетром» был я.

Эту рыболовецкую бригаду обслуживала фельдшер. Она долго ахала, глядя на мои стертые ноги. Под напором сильного ветра скрипели чум-палки, хлопали юбки, но в чуме у доброго хозяина Ангали было тепло, горел костерок. Выпил постепенно кружку ухи, накрылся сухой малицей и на оленьих шкурах уснул. Спал долго и просыпался только, чтобы попить ухи и смазать ноги. Лежа в чуме, осознал всю опасность, которой подвергся из-за собственного легкомыслия. В дальнейшей своей работе в тундре я уже так не рисковал. Прежде чем идти по незнакомым местам, изучал карту, шел по компасу от ориентира к ориентир, если заставал меня туман в незнакомом месте, располагался на отдых. И взял за правило — без рюкзака с провизией, сменной одежды, палатки в путь не трогаться.

Это позволило мне проработать на Крайнем Севере после описанного случая более двадцати пяти лет. Хотя и доводилось попадать за это время в сложные ситуации, но все оканчивалось благополучно благодаря соблюдению обычных правил предосторожности.

Владимир СЕМЕНОВ

СКВОРЕЦ

М. А. Дудину

Он упивался раннею весной,
Он щелкал соловьем, кричал воронкой...
И пел, и трепетая влюбленно надо мной,
И слепил мир, красивый и зеленый.
А я стоял в то утро на посту
И склады охранял с вооружением,
И, слушая его, хранил мечту,
Как мне сберечь наш мир от разрушения.
Я охранял ту песенку скворца,
Я охранял покой на всей планете,
Как памятник погибшего отца
И матери, умершей в лазарете.

Речушка — шириной в прыжок коня,
Укрытая черемухой цветущей,
Который год, как Сольвейг, ждет меня
В свои нетроутые кущи.
И крошечными глазами омутов
Она глядит на облака и тучи.
На зорях к ней выходит из кустов
Воды напиток лесь могучий.
Кружат в деревьях серые кукушки,
И журавли уж много лет подряд
В низине у береговой опушки
Полету учат журавлят.

Александр ШУБИН

В ЛЕСУ

Лес. Иду, прислушиваясь чутко,
Но не слышу и лесных шагов:
Мох пружинит под ногами, как губна,
У глухих озерных берегов.

Снеговик ракитник вижу в промежутки,
Как качнулся шомпол камыша,
Как взлетели над водою утки,
Сам ружье сжимаю, не дыша.

А продался, где слетает с кленов
Лепками утиными листья,
Вверх глядит лисица удивленно,
Меж кустов заметная едва.

Легкий треск — и зверь метнулся круто
И ушел в кустарник в полутьму,
Где, быть может, свежей кровью уток
Показались ягоды ему.

Он ушел без всякого урона
И ушел совсем не от меня:
Дуб в лисицу желудей патроны
Разрядил без грома и огня!

II

Промчался ливень с грохотом и блеском.
Просторы неба снова голубы,
И снова я брожу по перелескам
И рву грибы.

То белый гриб в берете шоколадном,
То груздь, подобный сахарнице, рву.

июль

Золотая середина лета.
Кисточки кипрея расцвели,
И зима теперь, наверно, где-то
У другого полюса земли.
Буйством трав, цветов, грибов и ягод
Завлекают нас и луг, и лес...
Глады реки лучистым перетягом
Льсут солнце посреди небес.
До утра не устанут зарницы
Знаменем в полнеба голыхать.
Пахнет хлебом тучная пшеница,
И земля добра, как мать.

* * *

На Валдае листья пожелтели,
В озера упали медяки.
Кронштейны с болота улетели
С песнями разлуки и тоски.
Золотом облиты перелески,
В изумруде потные луга.
Пауки-трудяги занавески
Вешают на новые стога.
Трактор

по-хозяйски
на рассвете
Поднимает черный пласт земли...
Осень на Валдае!
По планете
Улетают к югу журавли!

Во всю щекохочут солнечные пятна
В лесу траву.

Вот класть грибы мне не во что,
и все же,
Не прохожу я мимо мест грибных,
Ведь мне, признаться, всех грибов
дороже
Азарт, что связан с поисками их.

Пройдя чапелью от края и до края,
Сажусь неторопливо на межу,
Подумать можно: я здесь дни теряю,
Тогда как я здесь годы нахожу!

III

Озерный запал в августовском зное,
Меланхолический посвист кулика;
Вода теплая, как молоко парное,
И заводь вся качается слегка.

Я опускаю удочку к прогалу,
Где нет травы, и напряженно жду.
Вот пробка ваньки-встаньки заплывала
И опустилась в воду на виду.

Я потянул — и зазвенела леска.
И пробежал по удильцу ток...
Вильшущий ливень сверкнул
летунным блеском
И где-то сзади шлепнулся в песок.

Опять клюет, еще клюет, и снова
Я извлекаю из воды линя.
Не замечая в угнетенье леса,
Как обступают сумерки меня.

Передовой опыт в охотничье-рыболовном хозяйстве. Вып. 2. М., Россельхозиздат. 1933. 20 000 экз. 87 с., 15 к.

Свердловский выпуск сборника содержит разделы: «Раббота общества и охотничье-рыболовное хозяйство», «Рыболовство и рыболовство», «Лучшие люди», «Научно-техническая информация».

Всероссийское совещание «Биосферные заповедники». Современное состояние и перспективы развития. Тезисы докладов. [15—18 декабря 1981 г.]. Путилово. 1981. 600 экз., 72 с., 60 к.

В сборнике опубликованы тезисы докладов ведущих советских специалистов-экологов на Всесоюзном совещании, посвященном биосферным заповедникам. В основной части докладов обсуждались теоретические и практические вопросы организации сети биосферных заповедников на территории Советского Союза. В некоторых выступлениях руководители и научные сотрудники первых советских биосферных заповедников, утвержденных ЮНЕСКО, иллюстрировали организационный опыт и результаты исследований по программе МАБ ЮНЕСКО на территории своих заповедников.

Михайлов Л. Е., Изметинский Н. Л. Ижевские охотничьи ружья. Ижевск. Удмуртия. 1982. 30 000 экз., 264 с., с ил., 75 к.

В книге рассказывается об устройстве современного дробового охотничьего оружия, работе его отдельных механизмов, приводятся описание моделей, выпускаемых ижевскими мастерами, даются полезные советы по устранению основных неисправностей, снаряжению патронов для стрельбы, по выбору ружья. Читатель познакомится с краткой историей становления и развития оружейного производства в г. Ижевске. В это второе, переработанное издание авторы включили новые главы: «Виды охоты и спортивной стрельбы» и «Производство охотничьих ружей».

Х. Г. Пысин. О памятниках природы России. М., Сов. Россия. 1982. 50 000 экз., 176 с., ил., 2 р. 70 к.

В книге рассказывается о проблемах, связанных с выявлением, учетом и охраной уникальных природных объектов, которые используются в научных, культурно-просветительных и эстетических целях. Подробно разбираются типы памятников — геологические, ботанические, водные, зоологические, комплексные. Овещается опыт Всероссийского, автономно-республиканских, краевых, областных и райских обществ охраны природы, в частности их работа по воспитанию населения в духе бережного отношения к окружающей среде.

А. Уваров. В бобровом лесу. М., Мысль. 1983. 100 000 экз. 143 с., ил., 90 к.

Автор книги, норвежский писатель-натуралист, крупный популяризатор науки, фото- и кинооператор, рассказывает о способности бобра преобразовывать окружающую местность, их полезной роли в природе, о том, как постепенно накапливались наши знания об этом интересном представителе животного мира. Художественное повествование о бобрах А. Уваров сочетает с важнейшими проблемами географии и охраны природы.

КОГДА ОПАСЕН ЛОСЬ

Н. СОКОЛОВ

Много лет прошло с тех пор, как старый охотник поведал мне историю о смертельно раненном лосе, который бросился на человека и рухнул лишь у самых ног перепуганного стрелка. Напрашивается вопрос: а пытался ли зверь мстить? Может быть, ему уже было не важно направление движения, и охотник случайно оказался на его пути?

Только сравнительно недавно, работая сначала на Костромской лосеферме, а потом на лосеферме Печоро-Илычского заповедника, мне удалось в какой-то мере понять настроение лоса, увидеть, как этот зверь реагирует на те или иные раздражители.

Буквально в первые же дни своего пребывания на лосеферме пришлось столкнуться с одной из основных форм защитной реакции лоса — отпугиванием. Лосиха, заметив нового человека на своей территории, стала медленно приближаться, заложив назад уши и опустив голову (рис. а). Грива ее стояла дыбом, а глаза сверкали. Вернее, сверкали белки глаз, тогда как сами глаза были как бы вывернуты из орбит, что придавало им весьма устрашающий вид. Однако я устоял перед ее натиском, и лосиха, видя, что данный маневр не удался, сразу стала равнодушной и принялась обгладывать осиновые ветки. Следует обратить внимание, что страх человека лось замечает сразу и начинает активно преследовать его, причем первые признаки, указывающие на изменение в поведении зверя, появляются, когда человек окажется ближе 20—25 м.

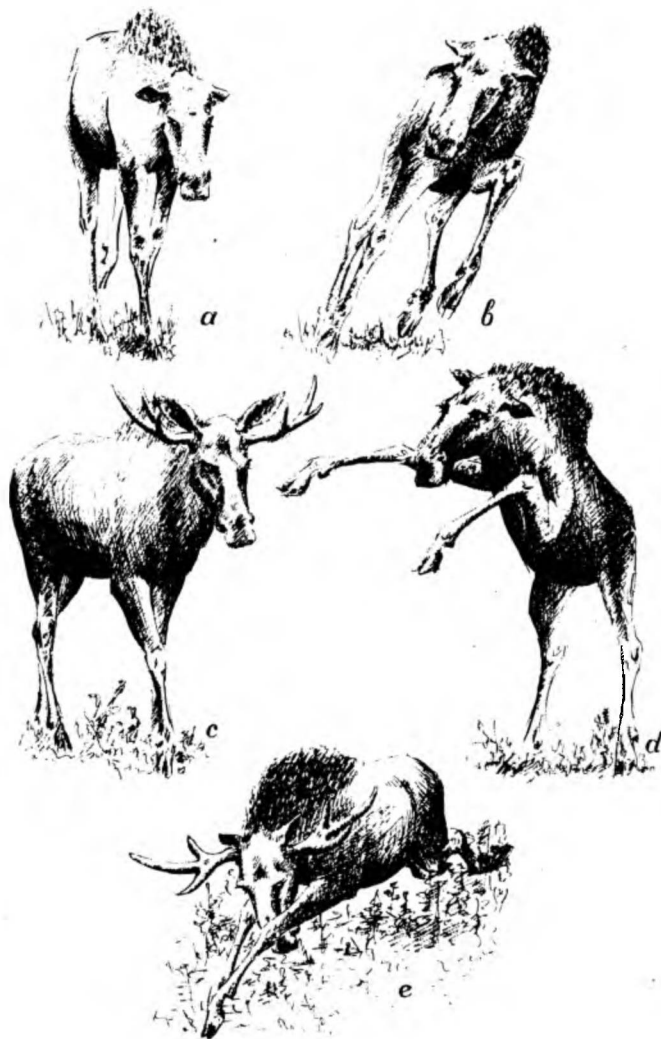
Иногда лось начинает пугать человека, с трудом пересиливая свой страх. В таком случае в его движениях чувствуется неуверенность, и внимательный человек сразу заметит готовность лоса к любой момент убежать, что чаще всего и случается (рис. в). Так ведет себя животное на территории лосефермы. Что же касается поведения за пределами данного участка, то оно меняется. Лось становится осторожным, вплоть до того, что иногда, заведя человека, затаивается и пропускает перед ним. Впрочем, это правило не без исключений. Некоторые одомашненные лоси до такой степени верят человеку, что, не выказывая ни малейшего страха, подходят к охотникам, грибникам, ягодникам, другим людям в лесу, за что иногда расплачиваются жизнью. Раненный человеком одомашненный лось приходит, если это в его силах, на лосеферму. К сожалению, такого зверя лечить зачастую бывает уже поздно.

Во время гона лоси, особенно самцы, иногда теряют осторожность, но большей злобы по отношению к человеку не проявляют (рис. с). На Костромской лосеферме в такой период дикие быки почти каждую ночь взламывали изгороди и заходили в загон к лосихам, причем одомашненного быка, то есть обладателя этих лосих и данной территории, нередко изгоняли. Все эти баталии происходили после наступления глубоких сумерек, а утром, стоило появиться человеку, как очередной дикарь сломая голову мчался к лесу, делал гигантский прыжок через изгородь и, разметав верхние жерди, исчезал в лесу. Однажды работники лосефермы предприняли попытку задержать «дикаря» в узком, длинном коридоре. Лось, поняв, что он в западне, бросился на человеческий заслон и, никого не задев, промчался мимо.

Конечно, зверь остается зверем, и привычки у него тоже звериные. Лоси довольно часто выясняют отношения с помощью копыт, и надо отдать должное их умению обращаться со своим оружием. К примеру, привязанный в кузове грузовика лось сумел сломать часть нижних бортовых досок. В другом случае у женщины, повернувшейся под ноги лосихи, мгновенно была перебита рука. Лось бьет как задними ногами, так и передними, причем задними наносит удары назад или вбок, а передними — практически в любую сторону, но пользуется ими чаще всего при защите.

У лосей своеобразная иерархия. Случается, что довольно мелкая, но, очевидно, вздорная лосиха, поднявшись на задние ноги, барабанит передними по спине более крупной соседки (рис. d). Как-то довелось видеть, как одна лосиха пыталась укубить другую.

Лось проявляет агрессию и к человеку. Однажды я был вынужден забрать у доброй по отношению ко мне лосихи лосенка.

Горе, обидя зверя, если можно так выразиться, были настолько велики, что спустя месяц, а может больше, она подкараулила меня в загоне и, отрезав пути к отступлению, пошла на сближение. Между нами оказалось дерево, и лосиха после нескольких бесполезных кругов поднялась на задние ноги, уперлась грудью в ствол дерева и начала бить передними ногами, стараясь задеть обидчика. Мне, оказавшемуся между мелькавшими копытами, оставалось только ждать, когда лосихе надоедет это занятие. В другом случае я преследовал по загону во время гона быка, чтобы поближе его сфотографировать. Это вывело зверя из себя, и он, коротко всхрапнув и взбрыкнув всеми четырьмя ногами, бросился за мной. Изгородь была близко, и аскарабкаться на нее было делом одной секунды. В тот же миг копыта лоса щелкнули по нижним жердям (рис. е), после чего доведенный до бешенства зверь стал бить передними копытами по луже, чтобы была рядом с изгородью, окатывая себя и меня грязью. Только после этого он успокоился и ушел.

Преувеличивать опасность нападения лоса на человека вряд ли стоит, но нельзя и недооценивать ее. Как дикие, так и одомашненные лоси, особенно во время гона, опасны и к ним ни в коем случае не рекомендуется подходить близко.

БОРЗЫЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В. КАЗАНСКИЙ,
эксперт всесоюзной категории

Охота с борзыми, а значит, и создание пород борзых собак в Западной Европе имеют большую давность. Племена кельтов, занимавшие еще во II тысячелетии до нашей эры большую часть Европы (между Реной и верхним Дунаем), охотились на зверей. Правда, у нас нет документальных доказательств, что добывали они животных с борзыми, но очень вероятно, что это было так. Но может быть, что в столь давнем периоде служили им и не настоящие борзые, а травильные собаки, которым можно отвести место между борзыми и гончими. Дело травильных собак — гнать зверя, пока его не встретит скачущий на лошади охотник и поразит своим оружием (стрела, копье), или они сами не возьмут обессилившее животное.

Более поздние сведения о кельтах дают уверенность в том, что у них были именно борзые и почти наверняка можно утверждать, что это были арабские борзые слюгги.

Англичане получили от кельтов борзых слюгги. Но так как эта порода, созданная в странах с жарким климатом, очевидно, мало подходила к условиям Британских островов, то в течение веков от слюгги вывели новую породу — грейхаунда, а позднее, видимо, от этой крупной борзой более мелкую породу — виппета (происхождение виппета от грейхаунда точно не доказано).

В «Очерке истории «борзой собаки» (1891) Г. Д. Розен делает краткий обзор развития охоты с борзыми в Западной Европе и характеризует борзых, применявшихся на этой охоте.

В средние века, сообщает он, в странах западной Европы применялись три породы борзых: крупная брудаста (дирхаунд) для охоты на крупных копытных зверей (олений, лосей) и волков; хортая (то есть грейхаунд), сходная с современной английской борзой, для охоты на зайцев; левретка (итальянская) для травли кроликов. В начале XVI столетия охота с борзыми в Западной Европе приходит в упадок. Она уступает место парфорсной охоте с гончими. Несмотря на это, борзых собак ценили очень высоко. Короли держали их в такой холке, что разрешали собакам спать на королевских кроватях. Лучших рабочих борзых приобретали в Бретани, Ирландии и Шотландии, то есть из пород, созданных кельтами (вольфхаунд, дирхаунд).

Ирландские борзые были самыми рос-

лыми и достигали высоты в холке $27\frac{1}{2}$ вершка, то есть метра и 15 сантиметров. Жили они в дворцах своих хозяев-аристократов, присутствовали при их трапезах и свободно протягивали головы через плечи обедающих.

Лучшие заячьи борзые (грейхаунды В. К.) во Франции получали из Пикардии и Шампани (XVI век). Английские борзые особенно прославились в XIV столетии. Ценилась также испанская порода «галго» и близкая к ней португальская; они были резвейшими в степи (на равнине) и в горах, были очень резвы на коротке. В 1844 г. охота с борзыми во Франции была запрещена. Прекратила свое существование охота с борзыми и во всех странах Западной Европы, кроме Испании.

Но в странах Западной Европы интерес к этой собаке не угас. Есть немало любителей борзых, не расстающихся с ней из-за ее красоты, ради ее былых подвигов в борьбе с волком и другими хищниками, но, кроме этого поддерживается любительское стремление иметь борзую еще и ради ее работы на кинодроме.

В настоящее время в Западной Европе разводятся несколько пород борзых.

Слюгги — древнейшая порода борзых, давшая целый ряд современных пород борзых. Местом ее возникновения считается Азия, арабские страны.

На западе Европы борзая слюгги жила и работала в первом тысячелетии до нашей эры у кельтов, но она была забыта и потом как бы заново открыта при завоевании Алжира Францией. Теперь эта чисто охотничья порода пользуется любовью французов.

И вряд ли понимают горожане-любители, что борзая, созданная для больших пространств, в городе страдает от нарушения ритмов ее жизни, так как лишена деятельности, для которой создана. Люди, увлеченные романтической древностью породы, сквозь все века пронесшей красоту и охотничью страсть, умелость на охоте и вихревую резвость, стремятся иметь это диво у себя дома, вместе с тем, хотя бы сохранить породу, как она есть. Для этого человек дел ей стандарт, подверг выставкам, где красота строго подчинена определенным нормам, дал ей дипломы и призы, как будто этого достаточно для сытой, холеной и любимой собаки.

Но шло время и стало видно, что порода идет к упадку. У этой доброй по

характеру породы собак в городе стали проявляться наряду с изнеженностью злобность, обостренная нервозность. Тогда вспомнили об охоте. Стали посещать со слюгги Испанию, где в определенные периоды разрешена охота на зайцев с борзыми и где существуют состязания борзых по вольному зверю. Но краткие поездки на охоту и на бега на кинодромах не могут удовлетворить собаку, у которой веками арабы-кочевники вырабатывали

Слюгги.

Безмерную неутомимость в скачке. В это же время слюгги, живущие в Африке, работают, как работали многие века и ловят зверя, как и прежде.

Слюгги — собака довольно рослая: рост кобелей до 70 см, сук — до 65. Голова не тяжелая, но крупнее, шире, чем у грейхаунда. Уши небольшие, треугольником, висячие. Живот подтянут не слишком резко. Хвост тонкий, без подвеса. Шерсть короткая, тонкая, мягкая. Окрас песочный или рыжеватый с мазуриной на морде.

Грейхаунд.

Грейхаунд — это собака, которую русские помещики приобретали под названием «английская борзая» ради ее исключительной резвости. Ее помесь с русской псовой называли «хортая», и это было правильно, так как первая генерация этих собак была сходна с той хортю борзой, которая встречалась на юго-западе России под названием «польский харт». Очень возможно, что этот харт имел то же происхождение, что и хортежи на псарнях русских помещиков.

В отношении злобы к зверю грейхаунд оказался слаб и для охоты на волка непригоден, но ведь на Британских островах уже давно исчез этот хищник, и не на ком было англичанам выработать у своей борзой злобу, подобную той, которая прославил русскую псовую борзую. И грейхаунд стал собакой кинодрома, так как охота с ним невозможна ни в Великобритании, ни во Франции. Зато как собака бегов, грейхаунд не имеет себе равных.

В 1947 году в Лондоне на кинодроме с дистанцией 640 м грейхаунд Данте II показал резвость 16,12 м/с, то есть 58 км/ч. На этом же кинодроме этот сенсационный рекорд был побит трижды разными грейхаундами: 16,14 м/с в 1961 г., 16,18 м/с в 1967 г. и 16,13 м/с в 1969 году. В 1952 году в Лондоне на ипподроме Зит-Сити с дистанцией 480 метров Ендис Госсип на дерби показал скорость 16,85 м/с, или 60,66 км/ч.

Грейхаунд остается непревзойденным на дистанциях от 400 до 600 метров.

Внешность грейхаунда очень характерна: сложение сухое, но очень сильное. Рост кобелей — 71—76 см, сук — 68,5—71 см. Голова длинная, умеренной ширины и со слабым перегибом, уши маленькие в форме розы, тонкие. Грудная клетка очень глубокая и объемистая. Хвост длин-

ный, низко посаженный, довольно широкий у корня; несет его собака низко опущенным. Шерсть короткая и тонкая. Окрас: серый, серо-голубоватый, неярко рыжий, тигровый и другие. Пропорциональность сложения, стройность, богато развитая мускулатура — все с первого взгляда заставляет признать совершенство форм и способность этого животного к необычайно быстрой скачке.

Борзую виппет считают происходящей от грейхаунда и бедингтон-терьера. Но хотя виппет напоминает грейхаунда, он не является маленькой копией последнего. Корпус и особенно шея виппета относительно короче чем у грейхаунда, голова длиннее и шире. Во всех частях своего сложения виппет более сбалансированный (компактный). Большинство авторов считают, что в действительности виппет — порода чистая и древняя и что происходит она не от грейхаунда.

У французских обществ скачек борзых, существующих за счет денежных пари (тотализатор), популярность виппета растет. На коротких дистанциях он дает скорость на уровне грейхаунда, да и на средних дистанциях способен конкурировать с грейхаундом. В Швейцарии в 1972 г. на дистанции 450 м виппет развил скорость почти 57 км/ч. Есть сведения и еще большей резвости на сокращенных дистанциях. Виппет — маленькая борзая. Рост кобеля 47 см, суки — 44 см. Голова длинная и сухая, широкая между глазами. Уши маленькие, тонкие, розовые. Хвост длинный, очень подвижной, держится не выше линии спины. Шерсть короткая, тонкая, гладкая. Окрас — любой.

Вольфхаунд ирландский. Собака крупного роста — кобели до 79 см. Родина

Вольфхаунд.

его — атлантические прибрежные земли. Впервые упоминание о вольфхаунде мы встречаем в IV веке. В «Истории Ирландии», написанной иезуитом Эдмундом Кампионом в 1571 г., можно прочесть: «Ирландцы не пропустят ни волка, ни собаку, с которыми можно на него охотиться, тех самых, что крупнее жеребенка. Облик ирландского вольфхаунда подобен общему виду грейхаунда; он более объемист, как мастиф (некогда существовавшая порода огромных собак для охоты на крупного зверя, — В. К.)». Ирландцы имели собаку исключительную, которая могла сравниться с волком и способную к охоте на лося и на других крупных зверей, например на медведя. С вольфхаундом продолжали охотиться вплоть до 1780 г., когда он завалил последнего волка в стране. Тогда эта порода стала декоративной.

Самый крупный экземпляр породы в настоящее время имеет высоту в холке 96 см. Шерсть вольфхаунда грубая и жесткая, одноцветная от серой до чисто-белой, включая цвета чарный, коричневый, красный, олений. Голова длинная с бороздой между глазами, уши маленькие, как у грейхаунда. Морда длинная, заостренная, живот без резкого подрыва. Хвост длинный, изогнутый. Шерсть не очень короткая.

Дирхаунд. Кельтское племя пикты создало дирхаунда. Очевидно, взяв вольфхаунда, они облегчили его, чтобы приспособить для охоты на ланя. Эта гипотеза весьма приемлема, но никакими документами не подтверждена.

В настоящее время следует ограничиться констатацией, что дирхаунд существовал в XV веке. Эта порода была в фаворе вплоть до XVIII века, когда охота стала привилегией знати и дробление имений сократило количество мест обитания ланей. Тогда дирхаунд становился редкостью.

В Шотландии любители дирхаундов объединились для сохранения этой породы и за отсутствием ланей открыли скачки на зайцев на трудных территориях, где работа собак детально оценивалась. Быстрота, сила, выносливость, ловкость и смелость создали дирхаунду славу. В Англии ежегодно регистрируют около сотни родившихся дирхаундов. Часть щенков направляют в Америку, Швецию, Голландию. Живет дирхаунд и в Канаде, Норвегии.

Более стройный, чем вольфхаунд, он в общем не превышает 80 см в холке при минимуме по стандарту 75 см. Голова клином, широкая между ушами, узкая к носу. Уши посажены на уровне глаз, заложены назад, как у грейхаунда. Шерсть жесткая и грубая, длиной до 8—10 см. Окрас собаки только одноцветный. Наиболее типичен серо-голубой, бывает светлее и темнее, допустимы другие окрасы, за исключением белого.

Гальго — испанская борзая. Испания была первой страной Западной Европы, где развивалась охота с борзыми. Благодаря своему географическому положению Испания имела широкие торговые связи, и поэтому получала борзых различного происхождения. Таким образом, вполне закономерно, что гальго не смогли сохраниться в Испании в нетронутым виде. Из Галлии попадали сюда борзые породы слюгги, привозились и породы африкан-

ского происхождения (египетского). В связи с этими различными влияниями облик гальго менялся: то, например, хвост закручивался, как у египетского «тезема», то стал длинным, цилиндрическим, изгибаясь лишь в своей хоненной части. Влияние различных пород, очевидно, вело к разнотипности гальго.

В начале XX в. испанцы стали усиленно приливать к своим борзым кровь английской борзой — грейхаунда, что изменило экстерьер в сторону схождения с этой породой и, конечно, повысило резвость испанских борзых. Современный стандарт гальго — это, по существу, стандарт англо-испанской помеси, что не мешает испанцам называть ее по-прежнему гальго.

Обижение испанцев с английскими любителями «борзого спорта» привело к появлению в Испании нового вида скачек — на кинодроме — и популяризации нового метода скачек по электрическому «зайцу». Так, гальго Дестико II в 1949 г. на чемпионате в Испании показал скорость 58,896 км/ч.

Скачки оказались полезными и в племенном деле, помогая отбору резвейших и вообще способнейших производителей. Федерация Гальго ведет родословную книгу. За десятилетие — с 1961 по 1970 г. — в нее записано 8193 собаки, в 1971 — 1028 собак, в 1972 г. — 1479 и в 1973 году — 1435. Эти цифры показывают, насколько сильна и многочисленна порода гальго и как популярна в Испании борзая, охота с ней и скаковой спорт.

Современный гальго сравнительно не крупная собака: рост кобелей — до 65 см, сук — до 60 см (в среднем). Голова сухая, удлинненная, узкая между ушами. Уши острые, тонкие, полувисячие, поставлены высоко и оттянуты назад. Хвост длинный, тонкий, изогнутый. Шерсть короткая и тонкая (есть жесткошерстная разновидность). Окрас хорицевый, «русый» (шатен), красный, черный, рыжий, белый.

Маленькая итальянская борзая. На рисунках, дошедших до нас из древнего Египта, встречаются изображения борзой, подобной современной итальянской маленькой. Скелет борзой этой породы найден в гробнице королевы (правление ее можно отнести примерно к 3200 году до н. э.). Позже борзые этой маленькой породы попали в Грецию, а затем и в Римскую империю. Распространившись по всем странам Европы, эта маленькая собачка имела особый успех у монархов и их окружения. В послепетровскую эпоху она стала придворной собакой русских знатных особ под названием «левретка».

В конце XIX века, когда началось установление стандартов и развитие кинологии, для маленькой итальянской борзой также был написан стандарт, причем, чтобы отличить ее от английской маленькой борзой вилпет, рост левретки был сильно и совершенно искусственно ограничен. Это ограничение не позволило собаке развиваться так, как назначила ей природа. Больше полувека понадобилось кинологам и любителям, чтобы установить ее истинные качества.

Начиная от 1968 г. наконец-то маленькая итальянская борзая получила возможность стать тем, чем она была во времена фараонов. Маленькую итальянскую борзую используют в охоте на хурапато, которых она разыскивает, а также в скач-

ках на кинодромах, где ее скорость приближается к данным вилпета.

Основные черты экстерьера: очень длинная голова (40% роста). Линии черепа и морды параллельны, но перелом незначителен, морда заостренная. Уши поставлены высоко, маленькие, слегка опущенные, сложенные пополам, лежат на затылке с приоткрытой ушной раковиной. Рост 32—38 см, максимальный вес 5 кг.

Мадьяр-агар, или венгерская борзая, не была известна Международной кинологической федерации до 1971 г. Происхождение этой венгерской породы, видимо, следует искать где-то в рамках истории слюгги. Организовав скачки борзых для всех пород, венгры увидели несовершенство своего агара. Внесение крови грейхаунда несколько изменило общий вид агара, хотя и тут агар остался очень близким слюгги. В последние годы упорядочена племенная работа с этими собаками и для начала 340 агаров записаны в племенную книгу (1972). По условиям жизни страны с агарами почти не охотятся, но периодически устраивают скачки по искусственному зайцу.

В основном экстерьер борзой мадьяр-агара определяется следующими чертами. Голова в форме треугольника, как при взгляде сверху, так и сбоку; череп широкий. Уши средней величины, не тонкие, поставлены высоко, могут быть полувисячими. Стоячие уши — признак непородности. Телосложение сильное, живот заметно подогнут. Хвост не очень тонкий, на конце загнут. Шерсть грубоватая, короткая, гладкая, зимой очень густая. Окрас любой: сплошной, пегий, мраморный. Рост кобелей 65—70 см, сук — пропорционально меньше.

Салюки, или персидская борзая, известна на западе много веков и, по существу, не персидская и не арабская. Есть несколько

очагов распространения этой борзой на Ближнем и Среднем Востоке, но ее прародина и место традиционного обитания — обширные степи Центральной Азии, где она обычно называется иранским словом «тазы» и к этому названию обычно добавляется название народа, среди которого она живет.

Из этих сведений напрашивается вывод, что тазы и салюки, по существу, одна порода, очевидно, состоящая из нескольких разновидностей.

На кинодромах салюки показывают недурную резвость. В 1971 г. в Швеции зарегистрирована скорость скачки салюки 51 км/ч, в 1972 г. в Швейцарии — 52 км/ч. Но ценна в породе не вспышка резвости на малом расстоянии, а способность не терять скорости на дистанции четверо большей, чем дорожка кинодрома. Во Франции насчитывается лишь немного более ста салюки, но породе не грозит исчезновение, так как значительные группы этих борзых имеют Англия и другие страны.

Экстерьер салюки довольно близок к стандарту тазы: такой же рост — 60—65 см, такие же уши — всяческие и в бурках, хвост некороткий и загнутый на конце с уборной лосвиной, окрасы — белый, бежевый, серый с подпалинами, трехцветный — черный с подпалинами.

Афганская борзая в Западной Европе появилась лет сто тому назад, и происхождение ее осталось неизвестным; некоторые авторы утверждают, что она очень древняя и существует, возможно, несколько тысячелетий. Афганская борзая стала особенно интересовать любителей с 20-х годов текущего века, так как возникла мода на эту породу. Необычность ее наряда, величественность походки располагают к ней любителей экзотики и оригинальности. Повина (шерсть) европейских собак, конечно, отличается от той, которую афганка имела на родине. Получила она ее в Европе благодаря соответствующей селекции; шерсть эта очень длинная, шелковистая, мягкая. В Афганистане эту борзую применяют как зычное животное, в охоте на оленя, газель, волка, лисицу.

На Западе все эти деловые стороны афганской борзой исчезли. Впрочем, любители афганской борзой дают ей возможность показать свои способности на кинодроме. На средней дистанции афганская борзая достигает скорости 45—49 км/ч. В Америке устраивают скачки и соревнования по прыжкам афганских борзых, и этим оправдывают ее спортивное значение. Во Франции в 1975 г. насчитывалось 1700 афганских борзых, очевидно, как просто комнатно-декоративных собак.

Основные черты экстерьера: голова узкая, длинная, с выраженным затылочным бугром, морда длинная, перелом легкий, на черепе хохол из длинной шерсти, уши всяческие, одетые очень длинной шерстью, на боках, ногах, шее шерсть длинная, шелковистая, но на спине короткая; хвост небольшой с кольцом на конце из сросшихся позвонков, очень слабо одетый. Рост кобелей 68,5—75 см, сук — на 3 см меньше. Окрас светлоскоричневый, серый и черный — оба с подпалинами; встречаются и другие окрасы. Все окрасы преимущественно сплошные.

Салюки.

А. И. Курьянов из Добрянского района Липецкой области сообщил редакции о злоупотреблениях служебным положением районного охотоведа Иванова Ю. В.

Для проверки изложенного это письмо редакция направила в Главохоту РСФСР. Начальник отдела охраны и охотничьего надзора А. А. Улитин ответил: по сообщению руководства госохотинспекции при Липецком облисполкоме, охотвед Иванов Ю. В. за допущенные им случаи превышения полномочий и неуважительские отношения к охотникам из органов государственного охотничьего надзора уволен.

К. Ф. Фурса, житель Долинского района Кировоградской области, написал редакции о том, что в их районе, в населенных пунктах отстреливают бродячих собак.

Редакция попросила Исполнительный комитет Кировоградской областной Совета народных депутатов ответить, по какому праву ведется стрельба в населенных пунктах.

Секретарь исполкома В. А. Долиняк ответил, что отстрел бродячих собак производился по письменному распоряжению председателя Новоградского сельского Совета т. Булавки Н. Г. С таким распоряжением он нарушил запрещение отстрела собак в населенных пунктах. Булавка Н. Г. строго предупрежден.

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 2 за 1983 г.) была опубликована статья Б. Новикова «Проблемы охотничьего промысла». Трест коопзверопромхозов Бурятского потребсоюза полностью согласен с выводами и предложениями автора. С 1980 г. установлены новые сроки добычи северного оленя — с 15 сентября по 15 января. Раньше их отстреливали с 1 октября по 15 марта, и все лицензии были использованы. Сейчас же в коопзверопромхозах отстреливают очень мало оленей.

Нам кажется, что новые сроки добычи оленей установлены неправильно. На территории Бурятии обитает лесная популяция северного оленя, которая в конце января спускается с гор в долины рек. Их промысел возможен только в это время. Мы неоднократно обращались в Главохоту РСФСР с просьбой изменить сроки охоты на северного оленя, но всегда получали отказ.

Бурятский Трест коопзверопромхозов предлагает утвердить срок отстрела лесной популяции дикого северного оленя с 1 января до конца февраля — середины марта.

3 февраля — марте 1983 г. во время учетных работ с вертолета в долинах рек Чая и Мама на территории Северо-Байкальского района замечена большая концентрация оленей, ресурсы которого в последние годы недоопрощались.

Г. КУРБЕТЬЕВ,
директор Треста коопзверопромхозов
Буркоопсоюза

НА ЗЕМНЫХ МЕРИДИАНАХ

ФРГ. В охотничий сезон 1979/80 г. в стране было добыто: 32 154 европейского оленя, 10 959 ланей, 806 пятнистых оленей, 31 521 кабан, 669 078 косуль, 1711 муфлон, 447 408 зайцев, 536 193 кролика, 369 378 фазанов, 46 402 серые куропатки, 10 373 вальдшнепа, 1449 гусей, 424 424 утки, 559 225 диких голубей, 163 374 лисицы, 5186 лесных куниц, 38 445 каменных куниц, 73 164 хорька и горностая, 1842 енотовидные собаки, отстреляно 439 954 вороны и сороки.

Цены на охотничью продукцию составляют (в марках ФРГ) за 1 кг мяса: европейского оленя (средний выход 64 кг), кабана (45 кг), косули (13 кг) — 9,5; лани (50 кг), пятнистого оленя (30 кг) — 10,5; муфлона (20 кг) — 8 марок; за зайца — 16; кролика — 3; фазана — 9; серую куропатку — 7; вальдшнепа — 5; дикого гуся — 11; дику утку — 6; дикого голубя — 2,5; лисицу — 50; барсука — 60; куницу — 70; хорька и горностая — 3,5 марки. Общая стоимость мясной и шкурочной продукции охоты составила 150 942 000 марок ФРГ.

Цены на живых диких животных составляют (в марках ФРГ): европейский олень (высококачественный самец) — 3 — 15 тыс., небольшой самец — 1 — 3 тыс., самка — 1—1,5 тыс., олененок — 0,8—1,0 тыс.; косуля (самец) — 0,8—1,2 тыс., самка — 0,6—0,8 тыс., косуленок — 0,55 тыс.; кабан-сенок — 0,6—0,8 тыс., самка или подсосок — 0,4—0,8 тыс., поросенок — 120—250; заяц — 150, сурок — 150, тетерев — 200, фазан — 25, за пару серых куропаток — 50—75 марок.

В ФРГ, как и в некоторых других странах, ежегодно перед очередным сезоном охоты выпускается обстоятельный карманный справочник охотника. В нем приводятся сведения об охоте и охотничьем законодательстве, сроках и нормах добычи дичи в отдельных административных районах страны, охотничьи трофеи и охотничье оружие, дается перечень охотничьих участков; в отдельном разделе содержится статистика ФРГ и других европейских стран.

ФРАНЦИЯ. В сезон 1979/80 г. в стране было добыто 8800 благородных оленей, 62,5 тыс. косуль, 57,2 тыс. кабанов, 365 муфлон, 3740 серн, 190 ланей. За 1973/74—1979/80 гг. максимальная добыча оленей приходится на последний сезон, косуль (67,6 тыс. шт.) и кабанов (61,1 тыс. шт.) — на 1978/79 г.

Швеция. В стране имеется 275 тыс. охотников. В 1979 году добыли: 100 тыс. лосей, 66 тыс. косуль, 72 тыс. лисиц, 15 тыс. барсуков, 16 тыс. норок, 105 тыс. зайцев-беляков, 52 тыс. зайцев-русак, 79 тыс. кроликов, 69 тыс. хорьков, 49 тыс. других уток, 27 тыс. белых куропаток, 18 тыс. тетеревов, 12 тыс. глухарей, 12 тыс. рябчиков, 16 тыс. вальдшнепов, 78 тыс. диких голубей.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. В сезон 1980/81 г. в Шотландии охота на самого европейского оленя была разрешена с 1 июля по 20 октября, самки с 1 августа по 30 апреля; на самцов ланей с 1 августа по 30 апреля, самки с 21 октября по 15 февраля; на самцов косуль с 1 мая по 20 октября, самки с 21 октября по 28 февраля; на самцов кабанов с 1 августа по 30 апреля, самки с 21 октября по 15 февраля.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Поголовье муфлон в Словакии за 1975—1981 гг. возросло с 2400 до 2700 при соотношении самцы к самкам от 1:1,25 (1975 г.) до 1:1,18 в 1981 г. Естественная гибель муфлон составляла 22—32 особей в год (исключая 1979 г. — 225 голов). План отстрела в эти годы был увеличен с 694 голов до 1025, но выполнялся он лишь на 65,8—74,7%. За шесть лет охоты трофеи от 9 муфлон получили золотые медали, 20 — серебряные, 24 — бронзовые. Планируется довести поголовье муфлон до 3500 особей.

США. Зимой 1981 г. свыше 3 тыс. канадских казенов погибли в топях и озерах Висконсин и к востоку от Фен-дю-Лен вследствие отравления свинцом. Предполагается, что общая гибель от свинцового отравления составляет 2,5 млн. уток, гусей и лебедей в год. Подобное положение объясняется чрезвычайно высокой интенсивностью охоты на уток и гусей в Северной Америке. В 19 штатах используются свинцовые дроби при охоте на водную дичь запрещено полностью (сне заменяется стальной), в 11 — частично.

КНР. Фермы по разведению оленей, созданные почти во всех провинциях и автономных районах, выращивают ежегодно около 200 тыс. животных: кабарожки, пятнисты, благородные и северные оленей. Себестоимость 1 кг оленьих пантов составляет 84 юаня, в Гонкконге их реализуют по 100 долларов за 1 кг.

В стране имеется 64 природных резервата, занимающих в общей сложности 1,7 млн. га (0,17% общей территории Китая). В них запрещена хозяйственная деятельность. Среди специализированных резерватов островные: на о. Няс для охраны водоплавающих птиц и на о. Шедас — для охраны змей.

ТАНЗАНИЯ. После длительного перерыва в стране возобновлена организация охотничьих сафари, пользующихся большой популярностью у иностранных охотников и приносящих большие доходы в валюту. Основные объекты охоты: лев, леопард, саблерогая антилопа, куду, слон. Организация сафари поручена Национальной корпорации дикой фауны. Одновременно в Танзании усиливается борьба с браконьерством, укрепляется служба охотничьего надзора.

КАР. Национальные зоологические парки страны организовали станцию по разведению гепардов в неволе. За пять лет существования на станции родилось 170 особей. Наблюдения, проведенные за тремя выращенными хищниками, рожденными в неволе, показали, что способность ловить и убивать добычу у гепардов врожденная, но они не всегда могли правильно выбрать доступную жертву (в частности, пытались напасть на буйвола). Две проблемы тревожат исследователей — выращенные в неволе и выпущенные в природу гепарды не боятся людей, кроме того, неизбежны агрессивные столкновения с дикими гепардами.

ЗА ПАЛЫ — НАКАЗАНИЕ

Дорогие товарищи!
Я живу в Баргузинском районе Бурятской АССР и 20 лет являюсь охотником-любителем. В журнаде № 1 за 1983 г. я прочитал статью Бориса Петрова «Стгненное бедствие» и также хочу выразить свое возмущение по поводу этих палов.

Вот и у нас, когда птицы, да и все зверюшки — ондатры, собои, хорьки — начинают выводить свое потомство, жгут все угоды. А зимой совхозы и колхозы на все охотничьи водоемы и берега погоняют трактора и косят камыш, весь подряд. Не остается ни одной целой хатки, где бы ондатра могла гнездиться. Наш коопзверопромхоз обращался в вышестоящие органы за помощью, но все бесполезно. Работники коопзверопромхоза стараются запретить все работы, связанные с вредными последствиями для природы, но практически их никто не слушает, и все их старания сводятся к нулю.

Но можно же косить не весь камыш, а 5—6 метров оставлять вокруг озер. Да и неведомо огромные кучи скошенного камыша тоже идут под огки.

Я думаю, нужно дать правительской службе коопзверопромхозов, чтобы они предъявляли такие штрафы нарушителям, как в лесном хозяйстве.

А. МОЛЧАНОВ,
с. Нестериха,
Бурятская АССР

БОЛЬШЕ УДАЧНЫХ ВЫСТРЕЛОВ!

Слав-Деметский район Калужской области богат лесами, зверем и птицей. Но большой вред охотничьему и сельскому хозяйству наносят волки. Охотники занялись их отстрелом. В 1981 г. было уничтожено 34 волка, в 1982 г. — 39.

Одним из самых опытных коллективов считается коллектив Лазинского охотхозяйства, который возглавляет Павел Степанович Никитин.

Много лет Павел Степанович изучал повадки волков. Теоретические знания и практика дали прекрасные результаты. В 1982 г. он один уничтожил 16 хищников. Тогда-то П. С. Никитин решил, что коллективная охота будет более удачной, чем охота в одиночку. Он возглавил бригаду волчатников, куда вошли Н. А. Данчевский, В. Ф. Булычев, М. Т. Зайцев, В. С. Левин, С. В. Карпов и П. Н. Черняев. В январе этого года на одной из обычных охот повелел бригадир. На его номер вышли четыре волка, Павлу Степановичу удалось уложить трех.

Все члены бригады отлично работают в совхозе «Дубровский». За добросовестный труд в сельском хозяйстве многие отмечены правительственными наградами.

Желаю этому прекрасному

коллективу больших успехов в труде и больше удачных выстрелов.

А. СМЕРНОВ,
председатель
районного общества
охотников и рыболовов

14 марта этого года охотники А. Смирнов и П. Супе окружили 10 волков и сообщили об этом охотоведу Я. Петрусовичу. Тот оперативно собрал коллектив. В этот день было уничтожено шесть хищников. Повелел В. Саусиньшу, А. Смирнову, Ю. Кримулису, В. Путиныху и П. Смирнову. 17 марта окружили еще двух волков. На этот раз счастливыми оказались Н. Покровский и А. Войцис.

Ю. КРОМУЛИС,
охотник Балвского
городского охотколлектива
Латвийской ССР

УЩЕРБ ВОЗМЕЩЕН

Члены первого отделения совхоза «Нефтекумский» окончили свой трудовой день, решили отдохнуть за часик в чай. Из соседней кошары пришел и старший чабан Гаджиев Сулейман. Спокойное чаепитие было внезапно прервано. Дети, заметив приближающегося к кошаре кабана, сообщили об этом своим родителям. Вооружившись одностольным ружьем и одним патроном, Абдуллаев Магомед направил на зверя собачку. Он выстрелил и ранил кабана. В это время подбежал сын Абдуллаева и, думая, что зверь мертв, ударил его ногой. В тот же миг кабан вскочил и мощными клыками стал наносить удары отцу и сыну. Тогда Гаджиев Сулейман, схватив монтировку, ударил кабана, но тут же был наказан за свою дерзость. Тогда Гаджиев С. кинулся к своей «Ниве», завел ее и тараном добил зверя.

После «удачной» охоты все пострадавшие были доставлены в больницу. Ну а кабан! Его предели огню по распоряжению врача санэпидстанции Г. М. Борджене, который без всяких анализов дал необоснованное заключение, что зверь бешеный.

У госохотнадзора — другое мнение. Потерпевшие после их выздоровления возместили ущерб, нанесенный госохотфонду.

П. РОЛЬСКИЙ,
старший охотовед
г. Нефтекумск,
Ставропольский край

НАШ КОЛЛЕКТИВ

Наш охотничий коллектив при станции Семипалатинск Алма-Атской железной дороги насчитывает более 100 человек. Руководит им Иван Ермолаевич Акимов. С его помощью наведен порядок в охотхозяйстве на озере Сасыкул, которое мы арендуем уже более десяти лет. На его берегу стоят два списанных вагона, которые мы приспособили и оборудовали под жилье охотников. У причала — более 20 лодок.

Для того чтобы из озера не вытекала вода, со стороны низины мы подняли берег, сделав насыпь длиной в два километра и высотой до двух метров. Для подпитки озера водой к насосной станции Дельбетей была прорыта канава, в которую уложили цементные трубы. Организовали и принимали активное участие в этой большой и трудоемкой работе И. Е. Акимов, В. Т. Белоснай, Ю. И. и В. И. Казанцевы, а также партизан и профессиональные организации.

Мне хочется еще немного сказать о механизме водонасосной станции, егере коллектива В. И. Турлачише. Этот человек необыкновенной доброты, очень любящий природу. Он принимает активное участие во всех наших делах и охраняет хозяйство. Никаких проблем не дает он людям, нарушившим правила охоты.

В восстановлении и благоустройстве нашего охотничьего хозяйства помогают общественные охотинспекторы А. Тонидов, В. Гарин и М. Меркулов.

С. МАЛЦЕВ,
член охотколлектива
г. Семипалатинск
Казахская ССР

СОВЫ — РЫБОЛОВЫ

Погожим августовским вечером я стоял в камышах на утиной зароске. Одна крик уже висела у меня на поясе, но больше утки не прилетали. В воде у берега плавали стрелковые пакеты гильзы. Значит, сегодня на этом болоте удачи мне больше не будет. Вчера вечером здесь охотники, как говорят, уткну «дали шороху». Теперь распуганные птицы прилетят сюда на ночную кормежку не раньше чем через неделю. Уходите домой не хотелось: не слышны было противного знона комаров, вечерний воздух стригли неутомимые ласточки, тихо наплывали сумерки. Со скрипом медленно бежал и сид в осоку посредине болота. Невдалеке за кустами рождал камей, доклевывая пшеничное поле.

Вот над водой бесшумно скользнула пара птичек силуэта. Я вздрогнул, схватил ружье. Нат, это не утки. Это две небольшие совы. Но почему они кружат над водой, а не летят на живые, где могли бы полакомиться мышьяком? Может, они ищут подранков?

Вдруг одна из птиц пала на воду, как чайка, заметившая рыбу. Поднявшись вверх, она полетела в сторону скошенного поля. Другая сова, покрутив, села на воду у самого берега. Часто махала крыльями, она пролетела от меня всего в двух метрах. В ее коготь при лунном свете блеснул бронзовым блеском карась. Я был поражен. Неведомо мне приходилось наблюдать сов, кружащих над водоемами. Я считал, что они ищут подранков или ловят молодых утят, но чтобы эти ночные хищники ловили рыбу — никому бы не поверил, пока не увидел своими глазами.

Б. КОПЫЛОВСКИЙ

ЛЕОПАРД В ДАГЕСТАНЕ

В № 12 нашего журнала за 1982 г. была опубликована статья Т. Спасской и М. Саидалиевой «Лесопард в Дагестане». Согласно материалам проверки, проведенной работниками госохотинспекции при Совете Министров ДАССР, отстрел лесопарда в Гумбетовском районе Дагестанской АССР произошел при следующем обстоятельстве. 28 ноября 1981 г. жители села Игали Гумбетовского района М. Шихалидов и М. Гасанов возвращались домой из соседнего хутора. Примерно в 3 км от села им пересек дорогу прихрамывающий, ранее не виданный зверь, тащивший за собой капкан. В магазине в присутствии многих односельчан они рассказали об этой встрече.

Присутствовавший там чабан колхоза им. Мичуринка Р. Шихамиров сообщил, что капкан установил он на волка, который периодически нападал на его охоту и наносил большой ущерб общественному животноводству. Он попросил М. Шихалидова и М. Гасанова показать место, где, по их мнению, мог находиться зверь. И вот все трое без ружья отправились по следу. Когда они дошли до места лежки, М. Гасанов, прозвев лихобойство, приблизился к лесопарду.

В броске животное опрокинуло М. Гасанова и стало рвать и мять его. Человек, опомнившись от неожиданности и страха, схватил камень, выбил зубы зверю и освободился от его когтей.

В момент схватки М. Гасанов с лесопардом его товарищ побежал в село за охотником, который и застрелил разъяренного зверя. До приезда работников госохотинспекции ни охотники отстрела, ни жители села не знали, что это животное — лесопард.

Не имея необходимых средств и опытных специалистов, освободить от камина разъяренного зверя никто не мог, а оставить его в таком состоянии представляло серьезную опасность для жителей окружающих сел.

Работники госохотинспекции, производившие расследование факта отстрела лесопарда, пришли к выводу, что он добыт в порядке самозащиты. М. Гасанов оказался серьезно раненым, и длительное время находился на лечении в райбольнице.

В настоящее время два лесопарда обитают в Лакском, один в Гумбетовском районах, имеются сведения о наличии этого зверя в Казбековском районе. Охотведами этих районов ведется разностепенная работа о важности сохранения редких и ценных видов диких животных, в частности лесопардов. Готовится статья на эту же тему для опубликования на страницах республиканских газет.

А. КУДАЕВ,
начальник госохотинспекции
при Совете Министров ДАССР

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ

«С ветки за ней наблюдает голубой
песец или задиристая белка».

Из статьи «Тайга без выстрела»

Юрий Коренев. Повесть «Володины братья»

Володя смотрел на березу: по ярко-белой мокрой коре воинственно бегала взад-вперед маленькая птичка — вьюрок-драчун. Эта птичка — черная с голубоватым отливом, с желтым брюхом и белым, задорно поднятым хвостиком — всегда жаждала с кем-нибудь подраться, даром что сама крохотная — от земли на вершок!

Стр. 21

Он видит, как они выкрадываются на лыжах из чащи и натыкаются на медведицу! Володя застывает на месте от страха: медведица сидит в развороченной берлоге и тяжело дышит — темно-коричневая, осыпанная снегом, неуклюже расставляя над большим животом с прилипшими к нему прошлогодними листьями передние лапы, — и тяжело стонет... Володя уловил ее взгляд — странно-мягкие, подернутые дымкой глаза... Сердце у Володи заныло, он повернул голову — увидел, как брат Иван поднимает ружье. В тот же момент страшно закричал дедушка, стоявший рядом с Иваном. Дедушка ударил палкой по стволу Иванова ружья — грохнул выстрел, снег посыпался сверху пыльными струями, а медведица — увидел Володя — все сидит и стонет, будто рядом никого нет...

Потом слезы и снег застилали Володе глаза, он почувствовал, как дедушка Мартемьян обнимает его за плечи и тащит в сторону... И тут за их спинами раздался высокий, пронзительный визг, но не медведицы — это родился маленький медвежонок...

Никогда не забудет Володя того случая в тайге! Век будет помнить! Ушли они тогда, слава богу, от рожицы; спасибо дедушке Мартемьяну, что брат Иван промазал...

Стр. 32

Привел Володю в себя серенький зайчик. Зайчик лежал под огромным лиловым валуном — маленький, серенький. Володя пригляделся и увидел вдруг, что зайчик дышит и смотрит на Володю огромными выпуклыми глазами, но не двигается. Увидел Володя, что зайчик весь обгорел — усы обгорели, и ресницы, и на боках, тяжело поднимавшихся с каждым вздохом, — вздувшаяся от ожога голая кожа... Тут-то Володя пришел в себя. Жалко ему стало этого зайчика, еще жалче, чем самого себя.

Володя медленно стащил грязную, обгоревшую куртку, снял рубашку, тоже грязную и оторвал от нее подол. Он постирал подол в ручье, выжал его, положил на валун. Зайчик все смотрел на Володю печальными глазами, не двигаясь, тяжело дыша. Он внимательно наблюдал, как Володя ползает по земле на коленях, осторожно срывая с моховых подушек желтоватые споры. Потом Володя вернулся к зайчику, снял с валуна влажный тряпичный жгут, сел рядом.

— Лечиться будем, — сказал Володя с улыбкой, и зайчик моргнул обгоревшими, без ресниц, веками.

Володя разорвал влажный жгут, оторвал от него несколько полос, сложил, потом размял в ладонях споры и насыпал на тряпочки.

— Лежи тихо! — приказал Володя, хотя заяц и так слушался.

Приложив к его ранам влажные тряпочки с прилипшими спорами, Володя забинтовал зайчика, осторожно приподняв его, тщательно перевязал все раны, потом опять положил зайчика под камень и встал.

— Лежи тихо, — повторил Володя, — а когда пойдешь, не стражирай повязки... Ну, пока!

Стр. 111—112

Евгений Максимов. «Глухаринский звон»

Тихо и пусто еще в полях. И вдруг из дальной доли, где горюнтится еще непробудившийся лес, доносится протяжно-грустный звон.

Вслушайтесь внимательно в этот звон! В нем тоска и даже жалоба... Это поет глухарь. Где-то на опушке, подставив вороную грудь всполохам востока, краснобровый и лирохвостый, он поет самозабвенно, порой подпрыгивая на суку.

Газета «Рабочий путь» от 1 марта 1983 г. Смоленская область

На островах Малой Курильской гряды поселились редкие камчатские бобры — каланы... И вот в 1952 году на острове Уруп редкого зверя обнаружили сахалинские ученые. Наибольшую по-

пуляцию редких ластоногих взяло под охрану государство: бобры размножились.

Газета «Лесная промышленность» от 5 апреля 1983 г.

В. Плещakov. «Перепелки в городе»

Необычно крупные серые птицы купались в глубоком снегу, садились на ветки и клевали обмерзшие ягоды с яблонь-дичек. Прохожие удивленно их разглядывали и гадали, что это за гости объявились в городе. Бывалые охотники определили: в самом центре города, в сквере у памятника В. И. Ленину обновились стайка перепелок.

Они весело прыгали по веткам и, не обращая внимания на людей, жили своей жизнью, что-то курлыкая друг другу.

Газета «Ленинское знамя» от 5 марта 1983 г. Северо-Казахстанская область, КзССР

ЛЮБОПЫТНАЯ ВСТРЕЧА

Стояло солнечное летнее утро. Наша плоскодонка подошла к берегу Свяги. Михаил Кузьмич остался у лодки, а я зашагал по густой траве вдоль берега.

Вдруг почва подо мной расступилась, и я провалился одной ногой почти по самое колено. Из образовавшейся ямки выскочил длинноухий, большеглазый зверек на длинных задних ногах.

От неожиданности я даже испугался и лишь потом разглядел крупного тушканчика. Он почему-то не убежал, а затаился вблизи, за кустиком, и поглядывал на меня большими черными выразительными глазами. Его длинные ушки стояли торчком.

Я подошел к нему ближе. Тушканчик прижал ушки к спине, отпрыгнул в сторону и вновь затаился у бугорочка, где росли крупные лопухи. Чувствовалось, что зверек боится меня, но почему-то уходить не хочет.

Я возвратился на то место, где провалился, и, немного расширив отверстие, обнаружил норку тушканчика. В ней лежали два слепых и беспомощных, таких же длинноногих, как мать, детеныши. Я расчистил их постель от земли и взял малышей в руки. Они стали прижиматься к моим теплым ладоням. Вдруг я увидел рядом тушканчика-мать, которая не спускала с моих рук взгляда. Зверьков я тотчас положил обратно в норку. Тушканчик-мать тут же прыгнула в сторону и исчезла, словно сквозь землю провалилась...

Возвратившись к лодке, я рассказал Михаилу Кузьмичу об этой любопытной встрече. Он выслушал меня и сказал:

— Ври больше, может, ты с ним за руку здоровался?

— За руку не удалось, а знакомство состоялось самым настоящим образом. Если не веришь, пойдем покажу.

— Пойдем, — поднялся Михаил Кузьмич, — знаю я таких, как ты, рыбаков, которым и приврать ничего не стоит.

Как только мы приблизились к заветному месту, тушканчик выскочил из норки и беспокойно запрыгал вокруг. Он уже успел прибраться в норке, выбросить землю, расчистить завал. Какое-то время спустя тушканчик-мать не выдержала. Увидев, что мы стоим спокойно, она влетела в норку, проверила малышей, убедилась, что с ними все в порядке, и выскочила наверх. Обскакала вокруг нас и присела напротив, всем своим видом и взглядом говоря: «Уходите отсюда, не беспокойте меня своим присутствием...»

— Какой милый зверек, какой красавец! Заметил, какие были глаза у этого тушканчика: сколько в них озабоченности и тревоги за своих малышей. Ах, какой милый зверек, какой красавец! — восхищался всю обратную дорогу Михаил Кузьмич. Его было не узнать.

И. ХАЙРУТДИНОВ

ВЛИП

День был знойный. Асфальт единственной в поселке улицы настолько размяк, что продавливался каблучками.

Я пошел в лес, но и там был духовой, парной воздух, не дававший прохлады.

Внезапно сквозь кусты орешника замечаю на большой сосне, метрах в полтора от земли, какое-то движение. Подойдя ближе, увидел полоняна. Эта птица мастерски умеет лазать по деревьям даже вниз головой.

На сосне были наплывы жидкой от жары смолы. Полонянец попал одним крылом в смолу и прилип. Я вырезал вместе с корой кусок смолы и понес горемыку домой освобождать от липучки.

П. МОЧАЛОВ

ОБМАНУЛО ЧУЧЕЛО

Это озеро я знал давно. Оно находилось далеко от моей избушки, но было рыбное, богатое водоплавающей дичью, а вокруг него, на моховых болотах, в изобилии росла клюква. Как-то в период пролета уток решил сходить туда поохотиться. Взял с собой несколько чучел, купленных в сельмаге, и одно, подаренное мне товарищем. Оно было надувное, сделанное из тонкой резины, устойчивое, с яркой, довольно бросающейся окраской.

Пришел на озеро в середине дня. Времени на устройство засидки-скрадки до вечерней зорьки было с избытком. Место для нее выбрал подходящее. В берег озера вдавался мелкий залив с чистой водой, поросший редкой осокой, почти на середине его находился небольшой сухой островок, к которому можно легко пройти в болотных сапогах. На островке рос большой раскидистый куст ивняка, окруженный высокой травой. Здесь я и сделал себе хорошее укрытие. Спустил на воду чучело. Среди чучел четко выделялся подарок товарища. Резиновая утка плавала как настоящая.

Незаметно началась вечерняя заря. Кто был в Карелии, тот знает, какие красивые зори здесь бывают. Просто залюбуешься переливами красок в небе.

Легкий порыв ветерка погнал мои чучела в озеро, схватив за леску, я начал подтягивать их к себе. Раздался сильный всплеск. Мелькнуло тело огромной рыбы, и мое надувное красивое чучело — подарок товарища исчезло с поверхности воды. Леска сильно натянулась. Схватив ее, я начал тащить, она на какой-то момент как-будто за что-то зацепилась, потом тут же пошла легко, без всякого сопротивления.

Красивое чучело превратилось в комок порванной резины. Схватить чучело могла только щука, других крупных рыб в этом озере не водилось.

Именно она, соблазнившись похожим на утку чучелом, схватила его, как схватывают блесну. Оказалось, что чучело утки может служить приманкой не только для уток, но и для щуки.

Г. КОКАРЕВ

В НОМЕРЕ:

ЛЬВОВ И. Охотничье хозяйство в колхозе	1
ЗАБЕЛИНА Н. Заботы Шихаохского заповедника	3
ПЕТРОВ М. Биотехнизация тувинских лесов	4
ГЛУШКОВ Л. Каким должен быть Дом охотника	5
ПИЛКАУСКАС Г., ЖВИКАС Э., СТРАВИНСКАС В. Фауна-новодство в Литве	6
Что, где, когда	7
ЧЕРНЫШЕВ В. «Почему я переехал в Уоян»	8
ПАВЛИНОВ Н. Лось глазами лесовода	10
УСПЕНСКИЙ С. Крупные хищники и человек	12
ПЛЯСКИН В. Медведи Чаткалы	14
БАБКИН В. Пужи и прокладки к дробовым патронам	16
БАРАНОВ В. Изменить сроки промысла	16
Рефераты охотоведческих работ	17
«Круглый стол» «Охоты и охотничьего хозяйства»	
Проблемы заповедного дела	
ФИЛОНОВ К. Управление природой заповедников	18
АРМАНД А. Стратегия научных исследований	19
ЖМУД М. Гнездование травника в искусственных пней-овсях	20
Совещание по редким животным	21
СОЛОВЬЕВ И. Русская псовая борзая: легенды и быль	22
БЕЗДЕННЫХ С. Садки псовых борзых на злобу	25
ПОЛЯКОВ Д. Стрельба навскидку	26
ШИШКИН И. Где отремонтировать ружья?	28
ШОКАРЕВ Ю. Знаменитые ружья. Лафосе	30
ПЫЖОВ В. «Старший брат своих героев»	32
ЖИТКОВ Борис. Мышкин	33
ПЕТРОВ Борис. В начале августа	34
РАПОПОРТ О. С тундрой шутить нельзя	38
СЕМЕНОВ Владимир, ШУБИН Александр. Стихи	40
Библиотека охотника	40
СОКОЛОВ Н. Когда опасен лось	41
КАЗАНСКИЙ В. Борзые в Западной Европе	42
На земных меридианах	45
Письма читателей	46
На привале	47

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А. Г. Банников, М. М. Блюм, С. В. Болденков, Г. В. Висящев, В. А. Галактионов, Д. В. Житенёв [зам. главного редактора], А. М. Колосов, А. И. Корольков, Л. П. Никифоров, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, А. А. Севастьянов, С. М. Успенский, Ю. П. Язан.

Художественно-технический редактор В. И. Просвирина
Корректор Н. Н. Михайлова

Сдано в набор 24.05.83. Подписано к печати 10.06.83.
Т-13625. Формат 60×90¹/₁₆. Печать глубокая. Усл. печ. л. 6
Усл. кр.-отт. 11,5. Уч.-изд. л. 10,10
Тираж 740 000 экз. Заказ 1184.
Адрес редакции: 107807, ГСП, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 18
Тел. 207-20-91, 207-24-05.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
г. Чехов Московской области

Фото А. СЕВАСТЬЯНОВА

ГНЕЗДО КРЕЧЕТА

До настоящего времени во всем ареале гнездования кречета от Кольского полуострова до Чукотки известно около двадцати его гнезд. Этот сокол занесен в Красную книгу СССР, как вид, находящийся под угрозой исчезновения, и каждый случай его гнездования представляет бесспорный интерес.

Во время экспедиционных работ в лесотундре юго-западной части Таймыра 16 июля 1980 г. мы обнаружили жилое гнездо кречета в районе среднего течения реки Макус—Комюстах. Массивное, из сухих веток гнездо располагалось на лственнице на высоте около 4 м. Основанием его служила толстая ветка в средней части дерева. Снаружи на гнезде висело большое количество птичьего пуха, а под гнездом было найдено три полувysохших обшипанных тушки нырков, а также задняя лапа зайца-беляка. В гнезде находились два больших уже оперившихся птенца. Лоток гнезда, по-видимому, был неглубоким, и птенцы хорошо просматривались с земли. Взрослые птицы при нас дважды подлетали и ненадолго садились к птенцам.

Через два дня, когда мы посетили гнездо снова, кречеты уже не подлетали к нему. На расстоянии около 100 м раздавались хриплые крики «кьяк-кьяк-кьяк», иногда вдали мелькал силуэт пролетающего сокола. Птенцы сначала вели себя спокойно, затем птенец покрупнее перебрался с края гнезда на соседнюю толстую ветку. Минут через десять за ним последовал второй. Устроившись на ветках в 2—3 м от гнезда, молодые кречеты просидели около получаса, потом взмахнули крыльями и один за другим исчезли среди деревьев.

В июле 1982 г. мы снова были в тех местах. Гнездо оказалось нежилым, но кречетов в этом районе видели. По всей вероятности, они гнездились где-то неподалеку.

Д. ПУПАВКИН
Фото автора

К СВЕДЕНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

Страхование крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, принадлежащих гражданам, проводится в двух формах — обязательной и добровольной.

По обязательному страхованию крупный рогатый скот, лошади и верблюды застрахованы в размере 40% стоимости по государственным закупочным ценам. Заключив договор добровольного страхования указанных животных, размер страховой суммы можно увеличить вдвое.

Страхование овец, коз, свиней, ослов и мулов проводится только в добровольном порядке в пределах 80% их стоимости, исчисленной по закупочным ценам.

Страховое возмещение выплачивается в случае падежа животных от болезней и гибели в результате пожара, взрыва, удара молнии, действия электрического тока, солнечного или теплового удара, землетрясения, наводнения, обвала, бури, урагана, бурана, града, замерзания, удушья, нападения зверей, внешнего отравления ядовитыми травами или веществами, укуса змей или ядовитых насекомых, а также когда животное утонуло, попало под средство транспорта, упало в ущелье или погибло от других травматических повреждений.

Страховое возмещение выплачивается также в случае вынужденного убоя (уничтожения) животных в результате несчастных случаев и других событий.

Страховые платежи можно внести путем безналичных расчетов через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

Подробнее ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в инспекции Госстраха или у страхового агента.

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРАХОВАНИЯ
СССР